Остап Вишня

Ни пуха вам, ни пера

OCR и корректура AkapoStation
Октябрь 2003 г.

ОСТАП ВИШНЯ

Ни пуха вам, ни пера

ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ

Издательство ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1958

ОСТАП ВИШНЯ

1

Павло Михайлович Губенко (1889—1956), известный в литературе под псевдонимом Остапа Вишни, принадлежит к самым любимым и самым популярным на Украине писателям, слава его давно перешла границы Украины.

Что касается популярности Вишни в родном краю, то достаточно рассказать о таком случае, когда правление какого-то колхоза просило областное начальство прислать для наведения порядка в хозяйстве хорошего агронома, понимающего ветеринара... и *Остапа Вишню*.

Остап Вишня — юморист и сатирик. Тематический диапазон его очень широк. Большое место в его творчестве занимала колхозная тема. Но писал он свои фельетоны, юморески, «улыбки» — собственный термин для собственного жанра! — и о прошлом нашего села, и о бюрократах, лодырях, людях с червоточиной в душе, и о благоустройстве городов, и о нашем строительстве, и о воспитании молодежи, и о борьбе с религиозным дурманом и предрассудками, и — очень тонко — об искусстве, в частности о театральном, и о самых ярых врагах украинского народа — украинских националистах. Тут перо его приобретало исключительную остроту, и это приводило к тому, что, скажем, в Канаде любовь прогрессивных украинцев к нашему писателю соответствовала такой же ненависти среди реакционных, националистических кругов.

И мягким юмором и резкой сатирой владел Остап Вишня с одинаковым мастерством. Но была у него черта, роднившая его с любимыми им Гоголем и Чеховым. Эта черта — лиризм. Вот, например, пейзаж Вишни:

«Лес стоит задумчивый, печальный: ему вот-вот придется сбросить пышные свои одежды, подставить свои ветви дождям холодным, метелям снежным.

Листва с печали желтеет, а кое-где с тоски наливается кровью.

Вот падает кленовый лист: умер он, оторвался от родной ему ветки и падает.

Он не падает на землю отвесно —нет.

Ему так не хочется идти на вечный покой, лежать и тлеть среди замерших своих собратьев...

Он кружит на прогалине, то вверх взлетает, то устремляется к земле.

Ой, как не хочется ему тлеть!»

Глубокой любовью к природе пронизаны эти строки нашего писателя, с именем которого мы привыкли связывать эпитет народный. И именно эта любовь к природе была одной из характернейших черт Вишни-охотника, который посвятил охоте большой цикл— «Охотничьи улыбки».

Я не раз бывал на охоте с Павлом Михайловичем, я горд, что на стене у меня висит фотография: Павло Михайлович рассказывает мне «на привале» какую-то историю. История, очевидно, очень смешна, потому что даже у строгого Петра Дорошка, сидящего поблизости и обдумывающего, должно быть, какие-то грозные планы против зайцев, появилась на устах улыбка.

«Улыбками» назвал Остап Вишня и свои шутливые рассказы об охоте, и о них и о незабвенном Павле Михайловиче с ружьем в руках я и хочу сказать тут несколько слов.

Слова эти были написаны еще при жизни автора, и я оставляю их почти неприкосновенными. Слишком больно было бы их перерабатывать.

2

Кроншнеп — это кулик с длинненьким, дугообразным клювом и длинными, как и

положено кулику, ногами. Есть кроншнепы большие, средние и маленькие. Когда-то, как свидетельствует добродушный дедушка Аксаков, кроншнепы были очень смирными, небоязливыми птицами, но время и злые люди довели эту породу до того, что теперь кроншнеп у нас, к примеру на Украине, большей частью — недостижимая мечта для охотника. Только и слышишь издалека его флейтовый голос, который французы передают звуками «курли-курли», или, если и видишь, как он бегает один, в паре или в стае где-то на берегу речки или по зеленому лугу, или, если пролетает на густо-синем фоне предосеннего неба, то на такой дистанции, что о выстреле и думать нечего. Словом, заполевать в наших местах кроншнепа — это счастье... охотничье, конечно.

Остап Вишня в своей книге пишет о разной птице и зверье, начиная с перепелки и кончая бенгальским тигром, а вот кроншнепа он обошел. Почему? Мне кажется, что я знаю тайную причину.

Это было погожим сентябрьским вечером, на Полтавщине, над веселой рекой Сулой, где по заречьям, камышам и лугам выводилось и, наверное, сейчас выводится много дичи. Мы стояли на вечернем утином перелете. Павло Михайлович Губенко, известный и детям и дедам нашей страны под прочно приросшим к нему именем Остапа Вишни, примостился в чудесном месте у лозняка и камыша и был при этом в прекрасном настроении, так как сбил «почти из-под самого неба» крыжня и застрелил довольно редкую у нас птицу — припутня (дикого голубя). Настроение Вишни чувствовалось по самой его позе, по лихо сдвинутой на затылок кепке, по тому, как благожелательно покрикивал он соседям, на которых летели утки, традиционное: «Пильнуй!» — словом, по всему. Как вдруг, смотрю я, летят прямо на Павла Михайловича две большие птицы, да еще так плавно, так низко... Вот они приближаются к нему, вот они над ним — «чуть ли не на голову садятся». Летят молча, и, только отлетев довольно далеко, отзываются внезапно тем флейтовым голосом, что французы передают звуками «курли, курли». То были кроншнепы! А Павлу Михайловичу показалось, что то были цапли, на которых он, разумеется, не хотел тратить зарядов. Такой отборной ругани, какую услышали мы из уст минуту назад спокойно-счастливого Оста-па Вишни, я, кажется, никогда не слыхал. Подозреваю, что на бенгальского тигра Вишня тоже не охотился, но то дело далекое, а тут кроншнепы сами шли ему в руки — и на тебе... «Подумал, что цапли!»

Кажется, теперь ясно, почему в своей книге Остап Вишня обошел кроншнепа...

А знает и природу и охоту наш автор неплохо, а главное — любит и то и другое. Именно эта любовь и составляет суть его сборника,

Об охоте можно писать по-разному. Можно говорить строго-деловым тоном, как делал это, к примеру, известный орнитолог и охотник Бутурлин. Можно все внимание уделять пейзажу, линиям, звукам и краскам природы, как видим у Тургенева. Можно в деловую прозу вплетать струи ясной и простой поэзии, как это умел очень хорошо Аксаков. Можно углубляться в психологию людей и даже животных, чему несравненные образцы мы видим в «Войне и мире» и «Анне Карениной». А можно и смеяться. И Вишня смеется —так добродушно, с такой любовью!

Вместе с тем Остап Вишня — настоящий охотник, и притом поэт охоты. Запахи лугового сена, обильные звезды на бархатном украинском небе, розовые вечера и рассветы, крики птиц, звериные следы, песня, наша бессменная и неизменная спутница, — все это заполняет его книгу. И человеческие характеры, конечно, гротесково поданные, и характерные разговоры «на привале», и человеческие слабости, как мечта - о «двуствольной стопке», видим мы в этих охотничьих «улыбках», за которые, ей-богу, не стоит обижаться строгим служителям Дианы, так как смех автора незлобный, это смех Карася из «Запорожца за Дунаем», который пугает жену, будто «женится на турчанках», смех Выборного Макогоненко и Пасечника Рудого Панька... Автор и над собой посмеивается, а я вот ручаюсь с присущей охотникам правдивостью, какую подчеркивает в своей книге автор, что он действительно-таки убил над веселой рекой Сулой крыжня «почти из-под самого неба» и застрелил чудесного голубя «припутня», который и был

подан ему на другой день в зажаренном виде руками его уважаемой супруги...

3

С горечью перечитал я эти строки, и точно услышал около себя теплый голос Павла Михайловича, увидел его нежную, человечную улыбку, пожал его горячую, натруженную руку. И захотелось мне еще кое-что добавить к сказанному.

Я писал: «знает и природу и охоту наш автор неплохо, а главное — любит и то и то».

Бледно, бледно это сказано! Не «неплохо», а очень хорошо знал Остап Вишня и природу и охоту. И любил он природу со всей страстью, на какую способен человек. Любил не только за пейзажи, за живительный воздух, за плеск вод, за птичьи голоса, за шорох камыша, за лесной шум. Он любил природу как неизменную спутницу и вдохновительницу человека, как источник живой жизни. Не случайно, что много страниц, особенно в последние годы жизни, посвятил Павло Михайлович охране природы, сохранению ее богатств, посадке лесов... С грустью вспоминаю, что последнее выступление Вишни в прессе — в газете «Колхозное село», — выступление, посвященное разведению лесов в колхозах, было напечатано уже после смерти моего дорогого друга. Печальным счастьем наполняется душа, когда вспоминаю, что под этим выступлением подписался и я...

В неустанной борьбе за охрану природы перекликался Остап Вишня с такими русскими своими товарищами, как Леонид Леонов и Константин Паустовский. Пусть же каждая ветка сохраненных от неразумной руки лесов, каждая поросль молодых насаждений поют славу тому, кто так любил жизнь, кто так любил человека, кого по всей справедливости зовем мы народным писателем и с такой же справедливостью можем назвать другом природы — Остапу Вишне!

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ
7 декабря 1957 г.

ОТ АВТОРА

После Великой Отечественной войны встретил я своего давнего товарища. Немало мы с ним вытоптали и лесных троп и степных стежек-дорожек с централками за плечами. Много и вечерних и утренних зорек просидели мы с ним над речками и озерами с удочками в руках.

Давно мы с ним не виделись.

— Не бросил ли централку? Не разлюбил ли охоту? — спросил я своего друга.

— Что ты?! — возмутился он. — Да ты знаешь, как на войне мне помогло то, что я охотник. Если бы я не был охотником, мы с тобою, может, сегодня и не разговаривали.

Мой старый друг рассказал мне много-много случаев, когда находчивость, наблюдательность, выдержка — все то, что дала ему охота, — помогли ему на войне...

Не говоря уже об умении стрелять!

Мы с ним были веселые охотники! Но вместе с шутками, остротами мы никогда не забывали, что охота и рыбная ловля — спорт, развивающий в нас физическую силу, ловкость, неутомимость, спорт, который еще больше укрепляет в нас любовь к родному краю, к его неповторимой природе.

Любите, мои дорогие друзья, охоту! Охота — интересное серьезное дело! Занимайтесь охотой!

Ни пуха ни пера, товарищи!

1954

ОСТАП ВИШНЯ

НИ ПЕРА НИ ПУХА!

1

Наверное, киевляне заметили недавно в городе какое-то такое оживление, особенно на улице Ленина.

Идут люди, — то двое, то трое, — идут, горячо о чем-то разговаривают, глаза у них блестят, лица возбуждены, а весь их внешний вид полон какой-то такой буррной стрррасти.

Кое-кто, возможно, думает, что это болельщики футбола возвращаются с очередного матча, который случайно выиграла киевская команда «Динамо».

Ничего подобного: это киевские охотники так горячо обсуждают предстоящее открытие охоты...

Это они советуются, куда поехать на открытие. Каждый из них (и я среди них!) — только он один! — знает такое место, такое место, что такого места никто другой не знает, и что там такой селезень, такой селезень, что такого селезня в другом каком-либо месте не было, нет и никогда не может быть!

— Мы с вами туда поедем! Только никому об этом не говорите, а то понаедут, и выстрелить не успеем.

— Да вы же говорите, что там такой селезень, такой селезень!

— Миллион!

— Ну, так, значит, на всех хватит!

— Не хватит!

— Миллиона не хватит?

— Не хватит, ведь охотников приедут два миллиона!

2

Чудесный спорт — охота!

Природа, прекрасные озера, луга, ручейки, речушки и реки любимой Советской Отчизны!

Что требуется от охотника, чтобы он получил полное удовлетворение и наслаждение от охоты?

Промазывайте!

Вот летит утка. Вы обязательно точно, как настоящий стрелок-артист, прицельтесь! Крепко прицельтесь и верно прицельтесь... Делайте нужное предупреждение. Обязательно!

«Та-ра-рах!»

И промазали! С какой радостью пошлет вам утка глубокую благодарность за то, что будет и дальше жить, обогащая нашу фауну...

А вы смотрите ей вслед и ручкой вот так:

«Будь здорова!»

Дома вы, разумеется, скажете:

— Ни разу не промазал!

— А где же утки?

— Пожарили и съели. Очень вкусные! И все селезни!

3

Дожидаясь уток на перелете, обязательно читайте «Правила охоты на территории УССР». Особенно последнюю страничку: «Расценки за незаконное уничтожение дичи».

Лось — три тысячи рублей, олень — две тысячи, утка — двести рублей. Принимая во внимание, что утка на базаре стоит десять рублей, читать «Правила» более чем полезно.

Не забудьте обязательно взять с собой на охоту карандаш.

Вот приедете вы в те места, где такой селезень, такой селезень (миллион!), а вам пастушки и скажут:

— Нема тут, дядя, никакой утки! Поубивали! Уже с месяц, как бахкают!

— Кто бахкает?

— А я знаю?! Какие-то дурные люди: бахкают и курить не дают. Дайте папироску.

Когда вы это от пастушков услышите, обязательно расспросите, кто «бахкал», кто нарушал закон, берите карандаш и записывайте. Ни одного случая не оставляйте невыясненным.

Все браконьеры и нарушители должны быть привлечены к ответственности.

Наш охотничий долг охотиться, оберегая дичь, и, охотясь, оберегать ее.

— Ни пера вам, ни пуха, дорогие товарищи по увлечению!

ЭКИПИРОВКА ОХОТНИКА

«Без снасти, — как говорит народная пословица,— и блохи не убьешь».

Охотник, как известно, на блох не охотится. Если он настоящий охотник, то охотится на львов, перепелок, тигров, зайцев, белок, носорогов, бекасов, жирафов, дупелей, бизонов, уток, медведей, гусей, тетеревов и прочих зверей и птиц, рискуя в отдельных случаях забить крокодила или слона.

Попробуйте забить слона или гиппопотама (он же бегемот) голыми руками!

В нашем коротеньком исследовании мы не будем говорить о том, как должен экипироваться охотник на слона или на крокодила, — это весьма сложная штука, да и практически не очень-то для нас необходимая, потому что слоны и крокодилы плодятся на «очень суверенных территориях», откуда вот уже столько столетий выводятся английские войска.

Советы наши будут касаться охотников, которые промышляют на территории «от Кавказа до Алтая, от Амура до Днепра»...

Когда мы экипируемся на охоту, нами должны руководить два принципа:

Первый: идешь на день — бери хлеба на неделю.

Второй: на огромной нашей территории может случиться масса разного зверья — от нежной перепелочки до страшного бурого медведя или уссурийского тигра.

Следует быть готовым ко всему, потому что не совсем удобно будет, встретив уссурийского тигра, сказать ему:

— Не ешь меня, голубчик, поскольку я забыл взять с собой жакановскую пулю. Я вышел только на уток, и самая крупная дробь у меня четвертый номер! В следующий раз, когда снова поеду, возьму пули и для тебя, а сегодня не бей лихо хвостом — иди себе с богом, поищи лучше марала! Маралом, голубчик, и позавтракаешь!

Но тигр может не послушаться вас и позавтракать вами.

Еще раз подчеркиваем: на охоте следует быть готовыми ко всему, чтобы потом не жалеть.

Уложив ружье в твердый футляр (в мягком футляре ружье можно дорогой повредить), вы, разумеется, откладываете патроны, набитые разнокалиберной дробью, чтобы потом было чем бить и бекаса и тигра.

Двадцать четыре патрона кладете в патронташ (не забудьте, кстати, патронташ), а остальные, штук эдак пятьсот-шестьсот, складываете в специальный ящик, обитый непромокаемым брезентом или кожей.

Без шомпола с разными щеточками и тряпочками (чистить ружье), без флакона

ружейного масла (смазывать ружье) выезжать нельзя, потому что ружье после выстрела обязательно следует чистить.

Положите непременно экстрактор: в стволе может застрять патрон, а без экстрактора вы его не вытащите.

Ну, с ружьем, кажется, все...

Да, не забудьте бинокль, чтобы дичь можно было выследить издалека, и компас, чтобы не заблудиться.

* * *

Что необходимо брать охотнику для транспортировки домой битой дичи?

Если вы едете охотиться на птицу, берите для нее сетку (это для бекасов).

Сетка — это та же самая широко распространенная среди населения авоська, только соответствующим образом реконструированная.

Для уток необходимы тороки, или, как их еще называют, «давки», — коротенькие ремешки с кольцом на конце для петли. В данную петлю просовывается утиная голова, петля затягивается, и утка гордо висит у вас за спиной.

На волка берете вы с собою тачку, лучше с колесами на шарикоподшипниках — так легче везти. Для медведя или лося — трехтонку.

Все эти вещи вы берете для дичи, когда едете охотиться на день-два.

Если же предвидится продолжительная охота — две недели или месяц, обязательно берите с собой небольшой ледник, чтобы сберечь дичь до той поры, когда захотите ее солить или коптить. Итак, значит, не забудьте взять с собой для соленой дичи бочку и несколько ящиков для копченой.

Как солить и коптить дичь, прочитайте об этом перед охотой соответствующие учебники: это. в план нашего исследования не входит.

* * *

Одежда. Брюки и куртка, кепка или шапка — это понятно. Сапог — две пары: одни сапоги кожаные — ходить по сухому, другие сапоги резиновые — ходить по мокрому. Зимой к двум парам сапог берутся еще и валенки. Плащ-палатка. Для зимней охоты — белый халат, для летней — зеленый халат, для осенней охоты — несколько халатов разных цветов, в зависимости от того, где будете охотиться: на поле, в лесу или на лугу.

Все это, как вы уже и сами догадываетесь, необходимо для маскировки.

Спальный мешок, чтобы спать.

Рукавицы, чтобы руки не мерзли.

Накомарник, чтобы комары не кусали.

Если не пожелаете тащить с собой спальный мешок и накомарник, возьмите небольшой разборный охотничий домик с раскладной кроватью — очень удобная штука: и выспаться есть где и в непогоду есть где переждать.

Правда, вместо разборного домика можно построить обыкновенный шалаш, но тогда возьмите с собой метров десять непромокаемой материи и покройте сверху шалаш, чтобы он во время дождя не протекал.

Охотник, как известно, все время ходит, — берегите ноги, чтобы не натереть их.

Лучшее средство от потертости ног — чаще мыть их.

Для этого вы берете с собой большой эмалированный таз, мыло и полотенце.

Помыли ноги — смажьте их вазелином, ланолином или кремом «Снежинка». Потом припудрите тальком. Все эти средства должны быть у вас под рукой.

Зимой, чтобы ноги не мерзли, обвертывайте их поверх носков и чулок газетами и журналами.

* * *

Охотничья еда. Охота — процесс не легкий: все время в напряжении, много ходите, немало на себе носите — все это изматывает так, что во время охоты нужно хорошо кушать и пить.

Не будем рекомендовать, что именно из еды должен брать каждый охотник: у всякого, как говорится, «своя доля и свой путь широкий» — свои, то есть, вкусы;

Любите сало — берите сало, любите колбасу — берите колбасу, любите охотничьи сосиски — берите сосиски, яйца, консервы, ветчину, овощи, фрукты. Берите, словом, все, что вам больше нравится, но обязательно побольше; все равно будет мало.

Это проверено вековым опытом: сколько бы ни взяли на охоту продуктов, все равно мало!

С ними, с продуктами, очевидно, во время ходьбы происходит усушка и утруска.

Для продуктов необходимы рюкзак, мешок, сетка.

Для чая или кофе — термос. Плохо у нас то, что термосы вырабатываются маленькие, самый большой — на литр.

Есть слухи, что скоро будут вырабатывать специально охотничьи термосы — на ведро чаю или кофе... Тогда будет как раз!

Две фляги. Одна для воды, вторая — для того, кто что любит.

— А что у вас в другой фляжке? — спрашиваете вы своего товарища.

— Боржом!

— Повышенной кислотности?

— Повышенной! А у вас?

— Ессентуки № 17!

— Пониженной кислотности?

— Пониженной!

— Кильки взяли?

— Взял! А вы?

— Я шпроты!

— Ну, если будем пить боржом, вы мне дадите шпроты, а я к вашим ессентукам № 17 — кильку. Ладно?

— Ладно!

С флягами у нас тоже не совсем благополучно. Для воды фляга ничего, подходящая; для боржома или ессентуков мала: надо увеличить.

* * *

Разумеется, на охоту вы берете с собою казанок, кружку, ложку, нож, вилку, соль, перец, лавровый лист, сыр, картошку, пшено, морковь, петрушку, топорик (дрова рубить) и брусок (топорик оттачивать)..

Вы уже, ясное дело, догадались, что все это берется для того, чтобы сварить чудесную охотничью кашу — кашу не с: курицей, индюшкой или бараниной, а кашу с чирками, или с уткой, или с широконоской.

Ох, и каша! Ох, и каша!

Только одно в той каше плохо: казанки очень малы!

Чтобы быстро разжечь огонь, берите с собой сухой спирт. Подчеркиваем: сухой спирт, а не мокрый, От мокрого слепнут.

* * *

На всякий случай. Вести себя на охоте следует осторожно: стрелять только туда, где вы наверное знаете, что не стоит ваш товарищ, иначе можете вместо селезня влепить

заряд дроби в спину симпатичному Ивану Ивановичу.

Вот для таких случаев каждый охотник должен иметь бинт, вату, йод, стрептоцид, пенициллин, шприц, иголку для шприца, спирт (медицинский, а не какой-нибудь другой) и камфору в ампулах...

Лучше всего напарником на охоте иметь опытного врача-хирурга.

Запасливый охотник берет с собою из лекарств: аспирин, пирамидон с кофеином, сульфатиазол, складную кружку или лучше резиновую грелку.

Неплохо (хоть и очень сложно!) иметь с собой небольшую карету скорой помощи, а еще лучше — санитарный самолет.

* * *

Охотитесь вы, разумеется, с собакой: легавою — летом, и с гончими собаками — осенью и зимой.

Для собак берите пищу, миску, свисток, трубу (для гончих), поводок...

Кажется, все!

Экипируйтесь, дорогие товарищи охотники!

Не забывайте ничего, потому что в. лесу, или на озере, или на лугу — нигде ничего не достанете: все необходимо иметь с собою!

Ни пера вам, ни пуха!

«РУЖЖО»

Все, разумеется, сразу в крик:

— Почему «ружжо», когда правильнее по-украински «рушниця»... А если не хочется, чтобы была рушниця, тогда ружье, но ни в коем случае не ружжо.

Рушниця? Правильно. По всем словарям — рушниця. Согласен. И «ружье» — правильно. Согласен. Это по-русски.

— А вот мне хочется, чтоб было «ружжо», потому что так называл эту вещь тот дед, который учил меня когда-то из нее стрелять.

Так вот, значит, про ружжо.

Ружжо — это такая штука, из которой стреляют.

Выходит, если нет ружжа, нет и охотника.

То есть он есть, но он, так сказать, не настоящий охотник, а яловый, платонический.

Такой охотник ходит грустный и задумчивый, глаза у него печальные-печальные, и при встрече с вами он говорит:

— Эх, если бы мне ружжо. Да еще такое ружжо, какое у меня было. Сколько же я выводков селезня знаю. А чирят! Пускай меня бог побьет, когда выплывут... Как ряски! Лисьих шесть нор обнаружил. По шестеро молоденьких да по две старых в каждой норе. Сорок восемь шкурок висело бы у меня на чердаке. А волчье логово в Кривой балке! А вы и с ружжом одного только деркача и подстрелили... Эх! Ружжа нету!

И отойдет от вас шагов на десять, обернется, поглядит еще раз на вас, махнет рукой:

— Нету ружжа!

Вот что такое ружжо для охотника... Ружжо по своей конструкции бывает двух видов;

1) Шонполка. Кое-кто его неправильно называет шомполка.

2) Центрального боя, или централка.

Шонполка, значит, и централка.

Ну, вы, очевидно, знаете, какая разница между шонполкой и централкой.

Шонполка набивается прямо в люфу (ствол), а централка набивается готовыми патронами, которые закладываются в так называемый набойник (патронник). Ружжо «переламывается», закладываются патроны, потом снова складывается — и все...

Да вы все это, разумеется, знаете, это я говорю для того, что может случиться человек, который отродясь ружжа не видел.

Я, к примеру, встречал человека, который прожил полсотни лет на белом свете и арбуза не видел...

Бывает...

Какое же ружжо лучше: шонполка или централка?

Этого я вам не берусь сказать: и не просите и не умоляйте.

Если бы мы с вами исписали тут целые кипы бумаги или наговорили тысяч десять кубометров самых что ни на есть научных слов, доказывая преимущество централки перед шонполкой, все равно найдутся несколько человек, которые сразу же вас огорошат:

— Централка, говорите, лучше?! И что вы такое говорите?! А видели ли вы мою шонполку, которая еще прадеду моему палец оторвала, когда курок отскочил?! Ну, куда, скажите, та ваша пукалка против настоящей, как вот у меня, шонполки? Вы же не видели, как из моей шонполки волк на шестьдесят саженей вперекидку пошел?!. Видели?

— Нет, не видел!

— Тогда и не говорите! Централка — она, конеш-но, тоже ружжо. Ложа красивая, лакированная, стволы тоже прямые, выделанные стволы... Да... В руки возьмешь, так она действительно-таки вроде настоящее ружжо. А вот как на деле она? Конешно, стреляет, да не так стреляет, как моя шонполка стреляет... Вот сказать так: если бы мне крепкую стальную проволоку, — немного ее и нужно! — чтоб я крепко ствол к ложу укрепил как следует, эх, цены бы не было моей шонполке! Дед еще покойный как прикрепили, так и по сей день! Они тогда, ох, и проволоку же достали! У того, как его бишь, — да не дай соврать, — да у того, что взял племянницу у нашего графа Капниста. Вот, гляди, и вылетело же... Да еще он на серых в яблоках жеребцах ездил... Четвериком! А левая пристяжная, бывало, голову аж до земли, пыль из-под нее столбом-столбом... А кучер сидит да только покрикивает: «Поберегись! Поберррегись!» Так вот тогда еще дед покойный укрепили, а теперь оно чуть расшаталось. Стреляет хорошо, только как стрельнешь, так оно будто на дыбы становится... Проволоки бы мне, чтобы укрепить. И немного и нужно. Не выделуют теперь такой проволоки. Ох, и сильно бьет. Однажды я нацелил чиренка, хоррошо нацелил, как бахнул, а оно мимо правого уха только — дзззз! — как свистнет, так куда сильней, чем паровик. А когда курок вырвало, так это мимо уха только — дззз! Тронул рукой — ухо на месте, только с той поры чуть недослышивать стал. Очень сильно ружжо бьет. А вы говорите, централка лучше. Чиренка я тогда не уделил... Да то ничего, на другой день я подкрался из-за камыша, а он у берега плавал, так я его палкой. Все равно не убежал. Так вот чтобы после этого я променял свою шонполку на какую-то централку... Да никогда на свете.

Нет, не доказывайте преимущества централки перед шонполкой или наоборот — пустое дело.

Лично я за централку.

Почему?

Ну, такой у меня вкус.

Пускай ругают за это шонпольники, пускай измываются надо мной — потерплю, что поделаешь.

Но сказать, что я за централку, и только, это все равно, что ничего не сказать.

За какую я централку?

За курковку или бескурковку?

Ах, страшно говорить, что я, к примеру, за бес-хурковку. Уже вижу презрительную усмешку вон у того слушателя или читателя и пренебрежительное:

— За бескурковку!.. Почему именно за бескурковку?.. Ну, почему за бескурковку? Бескурковка — это все равно, что без уха жена. Смотришь на нее — и жена как жена, а чего-то нет. Так и бескурковое ружжо. Держишь его, гладишь его, а зацепиться не за что. Летит утка, а ты не знаешь, взведены ли у тебя курки, или нет, передвинул ли ты тот предохранитель, или не передвинул. Дергаешь-дергаешь за со-бачку, а утка вон уже где. А если перед тобой курки, так тебе видно, взведены ли они, или они у тебя не взведены... щелк-щелк! Дерг-дерг! Бах-бах! И хоть утка все-таки летит, но зато ты выстрелил, и выстрелил своевременно. Нет, бескурковка ни к чему. Только с курками. Дед, умирая, сказал отцу, а отец — мне: «Никогда не покупай бескуркового ружжа. Только с курками».

Ну, ладно: с курками так с курками, бескурковка так бескурковка.

Но и это еще далеко не все. Какой калибр наилучший? Двенадцатый? Шестнадцатый? Двадцатый? Я за двадцатый калибр!

Только никому не говорите, а то сразу же начнется:

— За двадцатый? Двадцатник?! Так лучше же из бузиновой пукалки стрелять. По крайней мере — дешево, а результаты одинаковые. Я понимаю — стрелять так уже стрелять, чтоб и выстрел был как выстрел, чтобы и площадь обстрела была как площадь. Двенадцатка — это ружжо! Ну, еще шестнадцатка туда-сюда. А двадцатка! Да я ее и за ружжо не считаю!

— И никогда с двадцаткой не полевали?

— Да нет, была у меня лет пятнадцать назад двадцатка, ох, и ружжо было! Правда, било очень громко, но все же, как ударишь, хоть где бы дичь ни была, достанет. Так одно оно и было. Теперь таких ружжев не выделуют. Э, нет, я за двенадцатый калибр. Ружжо серьезное, основательное — не игрушка.

Есть еще один «сорт» ружжа — его любители специально заказывают для себя.

Это так называемая утятница.

Огромный ствол, страшенная ложа — силой набивают ее порохом и дробью, не несут, а везут к озеру, где осенью табунятся дикие утки.

И бахают.

Чтобы стрелять из утятницы, нужно уметь хорошо делать заднее сальто.

Утятница, положим, сама вам сальто сделает, но лучше выстрелить и сразу же самому идти в сальто. Будет легче.

— Чего это вас так в три погибели скрючило? — спросил я у одного охотника.

— Э, это уже давно! Лет десять назад! Из утятницы стрельнул! Не разгибаюсь, не разгибаюсь, десять лет уже не разгибаюсь!

Но калибром дело не кончается.

Какой фабрики, какой марки ружжо самое лучшее?

Если бы кто-нибудь из начинающих охотников пожелал приобрести себе ружжо — какую «марку» ему посоветовать?

Давайте подумаем.

Наши отечественные: тулка, ижевка, — хорошие они. Прекрасные.

Есть английские: Перде, Голланд-голланд.

Французские: Лебо, Франкот.

Немецкие: Зауер.

Чешские: Новотный (исключительные ружья).

М. Т. Рыльский сохранил в своей памяти и мне пересказал стихи о ружье Новотного:

Коль ружье бьет на полсотни
Или больше саженей —
Это значит у Новотны
Сотворен феномен сей.

Так какой же фабрики ружжо вам посоветовать?

Видите, я себе взял за правило в приобретении охотничьего снаряжения никому абсолютно не давать никаких советов.

Могу вас только ознакомить с традиционной тактикой, которой вы должны придерживаться при оценке ружья или любого другого охотничьего снаряжения, когда спросят или попросят такую оценку дать.

— Видели мое ружжо? — спрашивают вас.

— Нет, не видел!

— Вот поглядите!

Вы берете ружье и внимательно его рассматриваете. Обязательно при этом поглядите

в стволы на свет, попробуйте курки, взвесьте его на руке, прицельтесь из него. Причем прицельтесь несколько раз, быстро и порывисто прикладывая ложа к плечу, — это значит вы пробуете, прикладисто ли вам это ружье.

В это время хозяин ружья вам обязательно будет говорить:

— Бьет прекрасно! Знаете, никогда не думал, что на таком расстоянии можно что-либо убить. В прошлом году осенью зайца снял, так все удивлялись. Я стрелял так просто, чтобы напугать, а он намертво. Все потом проверяли, а то никто не верил... Сто девятнадцать метров. Пять дробин попало, и все навылет. Такого боя я никогда не видел. Так оно будто и не очень показное, а бьет так уж бьет.

— Какой фабрики? Не разберу я, что тут написано.

— Да я и сам не знаю. Говорил мне один тут мастер, что стволы Голланд-голланд, ложа Лебо, а магазинная часть наша, тульская. Ну, уж что бьет, так и не говорите.

Вы спокойно замечаете:

— Мне нравится. Симпатичное какое-то оно. Должно быть, с хорошим боем.

Хозяин ружья будет очень доволен вашей «рецензией» на его ружье.

Потом вас обязательно будут спрашивать про то ружье другие охотники:

— Видели ружье у Н.?

— Видел! А вы видели?

— Видел.

— Ну и как? — теперь вы уже спрашиваете.

— По-моему, бревно!

— И по-моему, бревно!

Наконец мы дошли до самой распространенной «марки» всех наших ружей.

Марка это — бревно.

Наилучшее ружье — ваше.

Остальные — бревно.

Это на наш взгляд.

А на взгляд ваших товарищей-охотников и ваше ружжо попадет в разряд бревна.

Это вам, конечно, больно, но ничего не поделаешь: таков закон.

Итак, покупайте ружье какой угодно фабрики: для вас оно будет наилучшим и с таким боем, какого нигде не видели и не слышали.

Приобрели вы ружье.

Прежде всего его необходимо пристрелять.

Что это значит?

Это значит, что вам нужно приобрести для патронов столько пороху и дроби, чтобы оно как можно лучше било.

Что значит самый лучший бой у ружья?

Это значит, чтобы оно било быстро, чтобы осыпь дроби была равномерной. И чтоб дробь та летела как можно дальше.

Но это все в теории.

На практике у девяноста процентов наших охотников вы услышите:

— Пристреливать?! Э! Что это за ружжо, что его еще и пристреливать надо?! Вот у меня: клади сколько влезет — как часы. Вот это ружжо!

А тот, у кого шонполка расшаталась и при выстреле дыбом становится, тот твердо себе зарубил:

— Да как же это так можно, чтобы один заряд на все случаи был! А если мне нужно полоснуть по табуну — штук с полсотни селезней, что же я в них одинаковым, как и в одного чиренка, зарядом стрелять буду? Да что вы мне рассказываете? Если я уже обнаружил, где сидит такой табунище, так я и заряд соответствующий должен иметь. Я уже насыплю пороку— только держись! — да и дроби не пожалею. Чтобы уж бить так бить. Вот если бы проволоки стальной достать, чтобы как следует укрепить. А то без проволоки оно, как стрельнешь, может сильно на дыбы стать. Не выделуют теперь такой

проволоки.

Пристрелка ружья не очень популярная вещь.

— Вот как удастся гадюку в ствол заманить да потом гадюкой стрельнуть — тогда уже будет бить без промаха. Ох, тогда бьет! Ох, бьет же!

Пристреливая ружье, да не только пристреливая, а частенько и непристрелянными патронами стреляя или стреляя из шонполки зарядами по большому табуну селезней, нужно иметь в виду, что вас дома могут спросить:

— Что это у тебя — флюс, что ли? Зубы ведь у тебя не болели?

— Да вчера с вечера коренной правый что-то крутит и крутит, крутит и крутит. Должно быть, флюс.

—— А почему же щека вся синяя?

— Разве синяя?

— Как печенка!

— То, должно быть, синий флюс. Слышал я, зубной врач говорил, что щеки посинели. Еще не совсем выяснено, отчего оно.

— А чего же ты левой рукой ложку держишь?

— Правое плечо что-то не того... Шарниры что-то не ходят. Может, ревматизм. Летучий, должно быть.

— Вот ходите там по болотам. Сидел бы лучше дома.

«Усидишь...» — думаешь про себя.

Когда спрашивают родичи — это еще ничего. Значительно хуже, когда вызывают карету скорой помощи.

Говоря о ружье, нельзя не вспомнить о дроби и о порохе,

О дроби следует знать, что нельзя стрелять бекасинником медведей, а картечью — бекасов.

Обрубками гвоздиков, нарезанными с помощью зубила и молотка, можно стрелять с одинаковым успехом и волка и вальдшнепа.

— Ваша та дробь, лавочная, покупная, — она к моей шонполке не подходит. Нежная она очень. А я вот себе гвоздиков нарезал — эта штука здорово бьет. Летит она словно чурка, и если уже зацепит, никому не воскреснуть.

А порох!

Порох всегда надо держать сухим. Так говорит мудрая народная поговорка.

Правильная поговорка, а то мокрый порох не загорается и не взрывается.

Кое-кто из охотников, чтобы быть уверенным, что у него порох действительно сухой, подсушивает его.

Делается это или в печи, после того как хлеб выпечен, или на плите, когда в печке огонь уже погас, а плита еще горячая.

Случается, конечно, что лечь разносит, а на плите порох вспыхивает.

Это если какая-нибудь искорка там где-то остается.

Зрелище это очень интересное, оно напоминает фейерверк в Парке культуры и отдыха во время народного гулянья.

Выходит, значит, что вы и дома были и на фейерверке побывали.

И дома и замужем.

Чтобы быть настоящим охотником, нужно хорошо стрелять.

Чтобы хорошо стрелять, нужно учиться и практиковаться.

На стрелковом стенде.

На стендах охотники стреляют по небольшим, как вы знаете, хрупким тарелочкам, которые вылетают из блиндажа в неожиданном для вас направлении.

Вылетела тарелочка, а вы — «бах!».

Вылетела вторая, а вы — «бах!».

Вылетела третья, четвертая и т. д. и т. д.

Сначала, ясное дело, результаты не совсем для вас радостные, но чем дальше, тем больше они будут улучшаться, и в конце концов из вас выработается незаурядный стрелок.

Возможно — и даже очень возможно, — что из вас выйдет и заслуженный мастер стрелкового спорта.

Как и всюду, так и тут, не святые горшки обжигают.

Нужно только упорно, настойчиво, систематически ходить на стенд и практиковаться.

Не без того, что между вами и вашей женой возникнут такие разговоры:

— Ботинки купил? Давно ведь взял деньги.

— Купил, купил.

— А где же они?

— Оставил в тресте, в столе. Хорошие ботинки. С рантом.

— Не скрипят?

— Нет, тихие, не скрипят. Такие, будто на ноге их совсем нет.

— Это очень хорошо, когда совсем будто нет. Не люблю, если скрипят.

— Нет, нет, нет, не скрипят. Очень тихие ботинки.

— А как с костюмом? Скоро уже сошьют?

— Вот-от-от уже сошьют.

— Да смотри же, чтоб не очень большие плечи подложил, а то тяжелый пиджак будет.

— Нет, совсем легонький будет. И чувствоваться не будет. Так, словно совсем пиджака нет.

— Я так рада, что тебя уже одели. Теперь еще меня оденешь...

— Оденем и тебя... Еще как оденем... Ты бы мне дала немного денег, я там обнаружил хорошее пальто, задаток нужно было бы дать.

— Хорошо, я дам...

Патроны стоят недешево; для того чтобы выучиться, тысяч десять патронов, что ни говори, нужно, ну, значит, оденутся оба: будут и ботинки, и костюм, и пальто — все будет.

Так зато уже на охоте можно будет показать класс.

Рассказывали про одного мастера спорта, как он на волчьей облаве отличился.

Волк посмотрел на него, весело подпрыгнул, усмехнулся и гаркнул:

— Это тебе не тарелочка!

Ружжо после каждой охоты нужно чистить.

Хоть есть много скептиков и относительно этого.

— Ни в коем случае чистить ружжа не надо, — говорят они. — Стволы тогда в середине стираются и Дробь косо летит.

Может быть.

Я чищу.

Последнее замечание.

Охотничье ружжо, как и всякое огнестрельное оружие, — вещь опасная, и около него ходить нужно осторожно.

Но самое что ни на есть опаснейшее ружжо — это ружжо незаряженное. — Ничего, ничего/берите, берите, оно у меня незаряженное.

Так вот из незаряженного ружжа больше всего убивают и ранят охотники и себя и своих товарищей.

Имейте это в виду.

ОТКРЫТИЕ ОХОТЫ

Собственно говоря, открытие охоты каждый год происходит дважды: первого августа — на птицу, а первого ноября — на зверя; но как-то уже стало традицией, что торжественным, так сказать, праздником у охотников почитается первое открытие, когда после долгого перерыва опять у вас в руках излюбленное ружье и вы снова имеете возможность не только, так сказать, пополнить свои продовольственные ресурсы, не только помочь государству в отношении мясозаготовок, но и получить удовольствие как знаток природы, природофил и спортсмен.

Охота, как вы видите, не какой-нибудь там легкомысленный вздор, не пустячок, а весьма и весьма почтенное дело, особенно для таких граждан, как мы с вами...

Открытие охоты...

Сколько забот, волнений, пока, наконец, все у тебя в порядке: и ружье, и патроны, и одежда, и рюкзак — одним словом, все, что требуется для серьезной добычливой охоты...

А куда ехать?!

А с кем ехать?!

Куда ехать?

Ну, как вы можете сразу решить, куда ехать, если сегодня вам говорят:

— У Борисполя, на озерах, утки этой самой прямо целые тучи! Поверите ли? Как выплывут, покроют озеро, ну, гуще ряски! Одна другую просто душит! Вот вчера только приезжала одна молодка, так она говорила, что ее свекру кум говорил, что его старуха сама слыхала от свахи, а та видела, когда коноплю мочила, что некуда из-за этой самой утки и стебелька конопляного ткнуть! Поедем, а?!

— Поедем! Только у меня патронов маловато!

— А зачем вам много патронов? Ведь там одним патроном в прошлом году по двадцать четыре утки били. Пять патронов — сто двадцать штук. Сплошной селезень, имейте в виду! Увесистая птичка: больше ста двадцати штук не поднимете!

Назавтра вы услышите:

— Куда на открытие?

— Думаю, в Борисполь.

— В Борисполь? Зачем? -Разве по сухому утки плавают?!

— Как по сухому?!

— Да там же все озера повысыхали! Да там всю прошлую весну и лето никто не, слыхал, чтоб хоть одна утка закрякала! Ранней весной прилетело было туда немало стай, но покружились немного — и все в Носовку. Слышали про Носовку?!

— Слыхал.

— Так там же со всего Левобережья утки еще с весны собрались! Стихийной бедствие: все подсолнухи вытоптали. А на лугах из:за гнёзд и трава не выросла; гнездо на гнезде. Траве негде расти. Нет, если ехать, так только в Носовку!

— Ну, поедем в Носовку! И еще через день:

— Здравствуйте! Готовы к открытию?

— Готов.

— В Яготин?

— Нет, в Носовку!

— Как! За лягушками?

— За какими лягушками?

— Да ведь в Носовке одни лягушки! Если уж ехать, чтоб с утками быть, так только в Яготин! Вот там-то утки.

И т. д. и т. п.

С кем ехать?

Ах, горюшко мое!..

Да разве нет среди охотников таких людей, которые любят тихие вечера над озерами, нежный шелест камыша, в чьих ушах крик выпи на болоте звучит, как козловское распрепианиссимо «ля» в сердце мечтательно-грустной блондинки, в чьих сердцах загадочный тихий плеск на озере отзывается трепетными перебоями. Когда то ли под вербами, то ли под копною уже все рассказано и на миг возникает тишина, эту тишину обязательно всколыхнет единодушное, чарующее:

Зоре моя вечірняя,
Зійди над водою.

Да разве нет среди этих людей хоть одного, с которым нельзя было бы поехать на открытие охоты?!

...Ну, скажем, поедете вы с Иваном Петровичем.

На зеленом ковре под задумчивой вербой текут воспоминания о знаменитом его гордоне — таких собак теперь не бывает! — который однажды стал на стойку на вальдшнепа в густом орешнике, да так стал, что никакими свистками, никакими гудками его невозможно было снять с этой самой стойки, и пришлось его оставить в лесу, так как настала ночь, а затем обстоятельства заставили Ивана Петровича на другой день утром уехать из того города. Возвратился он только через год, вспомнил о собаке, пошел в лес, разыскал кусты.

— Смотрю: стоит скелет моего гордона, и стоит не просто, а с поднятой лапой! Вот это была собака! Мертвая стойка! Другой такой собаки я в жизни не видывал!

...Ну, если вы поедете с Петром Ивановичем, то он

вам расскажет, что больше любит охотиться на зверя, а птица — это только так, по традиции! Петр Иванович — гончатник... И какая у него есть сука, Флейта, как она гонит! По два месяца, бывало, волка гнала! А поначалу боялась: первый раз как наткнулась на волка, выскочила на просеку «бледная-бледная, как стена»!

— Четырнадцать волков когда-то за мной и Флейтой гналось!

— Ну, Петр Иванович, неужто-таки четырнадцать? !

— Факт! Опросите Флейту! И оба серые!

...Филипп Федорович расскажет вам о близоруком стареньком бухгалтере, страстном охотнике, жертве фантастических выдумок всех участников компании, с которой он всегда охотился.

Вы узнаете о зайце, который после бухгалтерского выстрела со страшным криком «м-мяу» взметнулся на самую верхушку телеграфного столба, а также о том, как перепуганный бухгалтер бросил ружье и, причитая «да воскреснет бог», бежал три километра домой...

— А это, видите ли, я сам напялил на кота заячью шкурку и посадил его возле телеграфного столба, на дороге, по которой должен был идти этот бедняга бухгалтер. Да и это еще не все, — добавил Филипп Федорович. — Однажды мы прикололи булавкой к убитому зайцу бумажку с надписью: «За что вы меня убили??!» — и посадили этого зайца под кустом и направили на него близорукого бухгалтера. Он — «бах!». Заяц — кувырк!

Подбегает, а там на записке такой заячий упрек. Вот смеху было!

...А разве не посмеялись бы вы над рассказом одного старенького деда о том, как он когда-то, будучи помоложе, не имел ружья, а всегда домой с утками приходил.

— Как же это так?

— А так! Вон там на плесе всегда утки есть. Вот я на островок переплыву да в камышах и спрячусь. Потому знаю, что обязательно кто-нибудь из охотников туда придет то сидячим бить. Вижу — подкрадывается, подкрадывается... «Б-бах!» А я в камышах как закричу: «Р-рятуйте!»* Ну, он сейчас драла, потому, думает, убил кого или поранил. А я тогда разденусь, уточек пособираю — и домой...

...Покатилась звезда. Булькнула в воду водяная крыса. Закрякал спросонок селезень. Пискнул камышник. Где-то вдали прогудел паровоз...

Вы лежите и улетаете мыслями -к коллегам своим, охотящимся по всему земному шару: в Арктике и Антарктике — на китов, в тайге — на белку и на медведя, в тундре — на песца, в Полярном море — на моржа... Сереет...

«Фить-фить-фить!» — прорезал воздух чирок...

«Б-бах!»

Первый выстрел!

Охота началась!

---

*«С-спасите!» (укр).

ВОЛК

1

Охотнику, которому впервые в жизни приходится охотиться на волка, следует раз и навсегда обязательно запомнить старую нашу народную поговорку;

«Не бойся волка — сиди дома».

Волк — хищник, и хищник лютый, кровожадный, однако бояться его нечего.

Кондрат Калистратович Моргниоко, старый и опытный гроза волков, всем рассказывал и всех учил, что волк зверь робкий и очень боязливый.

— Вот послушайте, — говорил всем Кондрат Калистратович, — живу, как знаете, я на хуторе и как раз на опушке. Кошара моя стрехой прилегает к самому орешнику. Вот волк и пронюхал моих овечек. Продрал ночью дырку под стрехою и очутился среди овечек. Ну, в кошаре, известно, гвалт — овцы: «ме-е-е!», да и в хлеву — а хлев рядом — корова в рев! Я услышал, выскочил из хаты и опрометью в кошару, А что-то серое мимо меня под стреху — шасть! Сквозь дырку проскочить не успело, как я его за хвост, а оно, видите, волк. Ну, пугливый же, я вам скажу, зверь! Такая уж, извините, неприятность! Что бы вы мне ни говорили, а волк — зверь очень робкий!

А по-нашему мнению, это еще не такой сильный аргумент, будто волки боязливы, ибо кто знает, какая бы вышла «неприятность», если бы волк внезапно схватил Кондрата Калистратовича не за хвост, а вообще сзади... А Кондрата Калистратовича мы все знали как храброго и сильного духом человека.

Так вот, хоть волк, возможно, и не такой уж сильно пугливый, однако скажем еще раз:

— Не бойся волка!

Охотиться на волка — это для охотника и честь и обязанность; кто не покраснеет и не опустит долу глаз, когда ему скажут:

— Сидите вы тут, сидите, охотниками называетесь, а в Вербовом хуторе вчера волки трех овец зарезали и телке левый задок отъели.

— А где это Вербовый хутор?

— От Зачепиловки километров не больше пяти будет. Как доедете до кургана, так дорога пойдет влево, по той дороге и езжайте. Переедете ярок, берите вправо, и вдоль над ярком, над ярком, никуда не сворачивая, как раз в Вербовый хутор и въедете...

— А волки разве в. самом хуторе?

— Нет, на хуторе спросите кривого Степана — он знает, где волки. Тот все на свете знает. Старый охотник, только нравов не выбрал.

— Не в Перещепином ли это лесу? — бросает Кондрат Калистратович.

— Да, возможно, что в Перещепином. Где ж им больше быть, как не в Перещелином... И лес большой, и все ярки вам да балки. Только в Перещепином. Волков там тучи! Закурить не будет?

— Закуривайте!

— Да погодите! — снова вступил в разговор Кондрат Калистратович. — Как в Перещепином? Зачем же нам тогда до Вербового хутора ехать? Перещепино — оно же у Разлогого хутора, а Вербовый — так он же у Кучерявой балки... Так, может, это волки с Кучерявой балки?

— Может, и так. Оно, конешно, волк, конешно, зверь. Правильно! Только в Кучерявой! Густая балка, и притом большая балка. Ох, и волков там! Как завоют — волосы дыбом!

— Так давайте тогда ударимся в Вербовый! Это в Кучерявой!

— Так вы к Вербовому и направляйтесь. А там опросите Степана, его все там знают. Он вам и расскажет и покажет. Он все знает, он охотник старый, вот только что правов теперь не выбрал.

— Ну, поехали! Прощевайте! Спасибо, что сказали!

— Счастливого! Подсыпьте еще махорочки! Ароматная махорка!

— Закуривайте!

— Спасибо! Как только ярок переедете, берите сразу вдоль над ярком и до самого Вербового. Три овечки и телка — государству убытки какие! Низя, надо уничтожить! Бывайте здоровы!

2

Ну, значит, переехали ярок, взяли вправо, да вдоль над ярком, вдоль над ярком, никуда не сворачивая, прямехонько в Вербовый хутор.

— Тррр! Здравствуйте, бабуся!

— Здрасте!

— Где тут, скажите, пожалуйства, кривой Степан живет?

— Кривой Степан?

— Эге! Охотник!

— Так он же теперь не охотник: он без правов! А живет он... Первая... Вторая... Третья... Четвертая... Пятая... Шестая... Седьмая... За четвертой повернете в уличку. По той уличке в самый двор так и въедете.

— Спасибо, бабуся!

— Только сегодня воскресенье, должно быть, его дома нет, на охоту пошел.

— Ничего, там видно будет!

За четвертой хатой никакой улички нет. Остановились.

Бабуся кричит:

— Да куда же вы? Уже проехали!

— Так то же, бабуся, третья хата, а не четвертая!

— Гляди, а я думала — четвертая. Недоглядаю уже я. Не только улицы, но и нитки в иголку уже не вдену.

Завернули в уличку и прямехонько во двор.

— Здравствуйте, Степан! Как вас?

— Иванович...

— Степан Иванович? Это вы охотник?

— Охотник-то я, конечно, охотник, да только не успел правов получить. Без правов. Не охочусь теперь...

— Волки, говорят, одолевают тут вас?

— Нет, такого что-то не слыхать! Тихо с волками, слава богу, тихо пока что... Зайчишки, те, конешно, попадаются. И частенько... Лисичку иногда трахнешь... Бывает...

— А трех овец кто зарезал?

— Трех? Не слыхал! Позавчера Секлета, единоличница, заколола, да не овцу, а кабанчика...

— А телочке кто зад отъел?

— Что вы, товарищи?! Это брехня, верьте совести, брехня. Десятый год я старшим коровником. Если кто даже ударит, строго взыскивают, а не то чтобы целые зады отъедать... Кто это уже под меня подкапывается?!

— Да нет, мы, Степан Иванович, про волков!

— Какие такие волки, когда у меня по две тысячи литров на фуражную корову, а они «зады отъедать»? Пусть снимают, если не верят!

Вы разъясняете в конце концов, в чем дело, и Степан Иванович успокаивается.

— Так у вас про волков, значит, не слыхать? А так nоблизости где-нибудь?

— Говорили, что километров пятнадцать отсюда,

в Поповском, будто воют. И что верно, будто кому-то зад отъели... Не знаю только кому, телочке или кому другому.

3

— Поедем, товарищи, на Поповское! Может, там и в самом деле что-нибудь организуем, — говорит Кондрат Калистратович. — Там действительно-таки бывали облавы на волков и там живет-таки настоящий охотник, у которого есть и флажки, и он сможет собрать загонщиков и знает, где поставить на номера. А я, как специалист этого дела, научу вас, как охотиться на волков облавою.

— Поедем! Взялись, так уж поедем. Сегодня, может, уже не успеем, ну, что ж, останемся, завтра и поохотимся.

—— Поехали.

Кондрат Калистратович, старый гроза волков, рассказывает про волчью облаву:

— Ой, интересная это штука, товарищи, облава на волка. Волк залегает на день в густой чаще и лежит там до ночи и только ночью выходит отъедать телкам зады, резать овечек и жеребят. Опытный охотник заранее уже знает, где они есть, потому что прислушивается к их вою, а то и сам, подвывая по-волчьи, вызывает их на ответ, чтоб уже наверняка знать, где именно они лежат. Когда все это уже изучено, тогда назначается облава.

Съезжаются охотники, заранее оповещаются загонщики, с двух сторон то место обтягивается шнурком с привязанными на нем флажками, С одной стороны, где флажков нет, расставляются на номерах охотники, а напротив, вдалеке, заходят загонщики, запускаются, если есть, собаки. Зверь пойдет на охотников, в сторону он не побежит, так как боится флажков...

Вот, значит, обложили, стали. Загонщики ждут знака, когда начинать... В лесу тихо-тихо... Иногда только треснет веточка, упадет с елочки, стук — стукнет дятел... Вы стоите и «прочесываете» глазом свою территорию: где тропинка, где прогалина, чтоб заранее уже знать, как бить волка, когда он пойдет — прямо ли на вас, или, может, чуть вправо или влево. Вы же знаете, что и справа и слева на номерах ваши товарищи охотники. Чтоб не допустить его на их территорию, а чтобы волк был ваш! И только ваш! Вот начался гон. Крик, шум, гам. Трещит где-то орешник, лают собаки, стреляет старшина загонщиков... Не лес там у загонщиков, а настоящий ад. «Га-ла-ла! Тю! Го-го! Ух! Та-ра-ра-ра!» Этот ад направляется на вас. Вот тут и держитесь. Тут уже каждый треск ветки — это треск всех ваших нервов. Паденье шишки с елки — атомная бомба. Прыжок зайца — минимум прыжок жирафы. Лисица — тигр. А зайцев и лисиц вы ведь не стреляете. Боже сохрани! Тягчайшее преступление — на волчьей охоте стрелять во что-нибудь другое, кроме волка. И вот, наконец, идет он. Я его, товарищи, не только по глазам узнаю, я его походку за сто метров знаю, я чувствую его всем своим существом. И вот между кустами — мельк! — серое. Если на меня — считайте, волка нет. С первого выстрела. А там еще выстрел, там выстрел. А другой раззява и не заметит. А кое-кто, заметив волка, — на грушу. Бывает и такое. А кое-кто и собаку вместо волка пристукнет. И такое бывает. Приближаются

гонщики;

«Сколько взяли?» «Трех!»

«Сколько прошло?»

«Два!»

«Эх, вы! Как же это вы прозевали?!»

И тогда тут на опушке начинаются рассказы о былых облавах...

«А тогда, помню...»

«А вот тогда...»

«Однажды...»

«Да что там говорить...»

Кондрат Калистратович даже вспотел, рассказывая про волчью облаву. Глаза его блестят. Покраснел весь.

Слушатели зачарованы...

4

Едете, значит, вы на Поповское,

По обе стороны дороги, далеко-далеко, куда глаз достает, закудрявились зеленые всходы колхозной озимой пшеницы.

А за зеленями, на пригорках, чернеет, будто воронье крыло, колхозная зябь.

Но вот мчится с горы воз. Захудалая лошаденка летит галопом. На возу стоит гражданин, фуражка у него набекрень, в левой руке вожжи, а в правой кнут, угрожающе повисший над лошаденкой:

— Н-н-н-о! Н-н-н-о!

— Куда летишь, дядько?

— Волк!

— Где?

— Вот там, на горе, на пшенице! Рыщет! Н-н-н-о! Кондрат Калистратович, как старый и опытный гроза волков, резюмирует:

— Ничего удивительного нет! Может быть! Старые волки — свирепые, они ничего не боятся, иногда выходят в поле за добычей и днем. Бывает. Погоняй, Петро, коней, может, и в самом деле увидим...

Рысцой взбираетесь на гору. Вправо от дороги пшеница пошла под уклон к речушке. За речкой весь в вербах небольшой хуторок.

— Вон! — даже вскрикнул Кондрат Калистратович.

И верно, посреди большого поля озимой пшеницы стоит серый зверь. Он наклонил голову и будто что-то вынюхивает. Потом начинает загребать лапою землю.

— Хлопцы! — шепчет Кондрат Калистратович. — Один спрыгнет сюда и, пригнувшись, к речке. Другой спрыгнет чуть дальше. Петр Иванович, вы станете вон там за пригорком, а я спущусь вон до той вербочки. Помаленьку сходитесь и нагоняйте его на меня. Я не промажу. А ты, Петро, езжай себе потихоньку по дороге, напевай, чтоб он на тебя посматривал. Пошли.

Пригнувшись, все разбегаются, как приказал старый и опытный охотник на волков Кондрат Калистратович, и начинают окружать зверя. Зверь, видать, не очень пугливый, бывалый зверь, ибо не видно, чтоб он очень нервничал. Заметив, что к нему приближаются люди, он потихоньку начал отходить, и только когда горячий Петр Иванович, не выдержав, побежал за ним, он легким скачком поддался к хуторку, прямехонько на Кондрата Калистратовича.

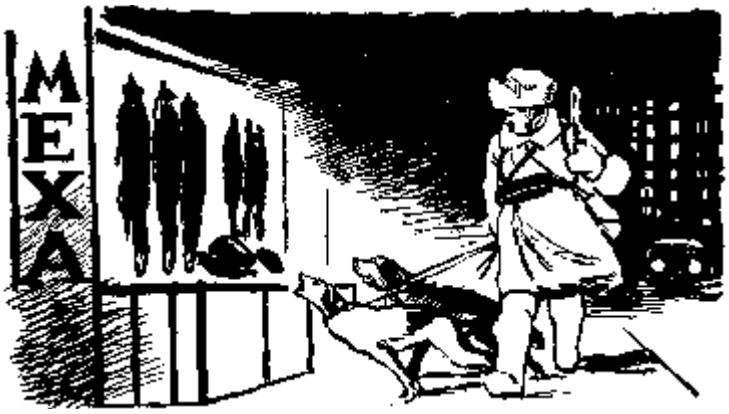
Подпустив зверя метров на пятьдесят, Кондрат Калистратович выстрелил.

Зверь дико зааяйкал, подпрыгнул и ударился оземь.

Кондрат Калистратович его вторично...

Внезапно из садика у крайней хаты отчаянный крик:

— Батя! Нашу сучку подбили!
И на выстрелы, на крик выбегают человек пять хуторян...
Тут позвольте на пять минут прервать рассказ...
А через пять минут все уже было ясно:
— Пятьдесят, и не меньше! Сошлись на тридцати.
— Да заберите и семерых щенят: чем я их кормить буду?!
Едучи дальше, Кондрат Калистратович говорил:
— Ничего удивительного нет, что волк выходит и днем рыскать в поле...
А подумав немного, будто сам с собою разговаривал, добавил:
— Только тот был без щенят.



ЛИСИЦА

Охотиться на лисицу выгоднее всего зимой, когда земля натягивает на себя белое-белое пуховое одеяло и засыпает спокойным зимним сном.

Тогда шкура лисицы становится густой-густой, лоснящейся и пушистой. А на лисицу мы, как известно, охотимся исключительно ради ее знаменитого меха, который по-научному называется горжеткой.

Лисицы у нас водятся почти на всей территории Советского Союза: на полях и на болотах, в лесах и перелесках.

За все время сознательной охоты нам приходилось видеть лисиц во всех вышеуказанных местах я во всех этих местах в них стрелять.

Собираетесь вы, значит, на лисиц.

По этому поводу вы дома говорите:

— На лисиц поеду! В Среблянском ярке, — сам Осип Евдокимович рассказывал, — два выводка. Поеду, четырех-пять лисичек тарарахну — вот тебе и горжетка. Это если четыре! А ежели пять, то и мне горжетка.

Собрались вы на лисиц - одевайтесь потеплее, потому зима, на тону приходится стоять довольно долго - лисица, идет, большим кругом, пока собаки ее по тому кругу не нагонят, замерзнуть можно. Следует знать, что зверь, когда гончие поднимут его и погонят, делает круг: и заяц, и лисица, и волк.

Каждый из них, сделав круг, возвращается туда, откуда его подняли, вот почему наша задача — не бегать вместе с собаками за зайцем, за лисицей или за волком, а стоять на месте и ждать да следить, когда зверь, обежав круг, вернется к своему логову.

Собаки гонят, как известно, «в голос»; и когда приближается гон, знайте, что зверь идет на вас!

Следите тогда внимательно.

Голос приближается, приближается, приближается...

Вот мелькнула молнией среди кустов красно-золотистая ленточка!

«Бах!» — и нет ничего...

Заяц делает маленький круг, лисица — побольше, а волк — совсем большой.

Ждать иногда приходится довольно долго, так что одевайтесь тепло.

Оделись.

Вам дома и говорят:

— Ты ездишь-ездишь, стреляешь-стреляешь, собак кормишь, а у Анны Ивановны вон какая чернобурка! И ружья нет, и собак нет, а чернобурка есть, и такая, что глаз оторвать нельзя.

— Ладно, ладно! Случится, так и чернобурку пристукну! Только чернобурка у нас на Украине встречается очень и очень редко! Почти что никогда!

— Редко?! Полные комиссионные магазины!

— Да что ты, господь с тобой! Что ты хочешь, чтоб я с гончими в комиссионном магазине охотился за чернобуркой?! Хороша будет и рыжебурка!

— А песцы там есть?

— Есть!

— Белые или голубые?

— Рябенькие! Они только на далеком Севере белеют и голубеют. Как и куропатки: у нас они рябенькие, а на Севере — белые-белые, ослепительно белые! Так и песцы!

Вообще сборы на охоту за лисой, как видите, очень и очень сложное дело...

В коротеньком кожушке, в валенках и в шапке на лисьем меху выходите вы из уютно-теплого дома Осипа Евдокимовича и направляетесь в Среблянский ярок, где:

— Ей-богу, аж два лисьих выводка! Осип Евдокимович, старый, опытный охотник и давний ваш приятель, и на своем веку:

— Тех волков, тех лисиц, тех зайцев столько поубивал, что, поверьте, им и счета нет!

Утро. Морозец. Поскрипывает снежок. От хутора до Среблянского ярка три километра.

Выглянуло солнце. Запрыгали на ослепительно белом одеяле — и глазом его не охватишь — миллиарды алмазов...

Докучай и Бандит — на смычке.

Докучай идет спокойно, он много лет прожил уже и много гонял и зайцев, и лисиц, и волков, его уже ничем не удивишь, а Бандит только второе поле начинает, он то рванет вперед, то повернется к вам и, подпрыгнув, пытается положить передние лапы вам на грудь, то снова — вперед.

Нервничает Бандит...

Рвется и так жалобно-жалобно скулит:

«Пусти, мол, дай побегать, дай потешиться! Гляди, как все кругом бело, как хорошо, как снег блестит! Дай покачаться!»

Осип Евдокимович, потягивая папироску, советует:

— Пустим с той стороны, от груши, чтобы против ветра. Вы пройдите от груши немного вперед и остановитесь в орешнике, а я на ту сторону переберусь и за терном сяду. Отпустите уже тогда, как я на месте буду! Я потихоньку свистну!

— Ладно!

— Да в зайца не стреляйте! Лисичек сначала пошлепаем. Разве только собаки за куцехвостым сами увяжутся, — ну, тогда будем бить, чтобы собак освободить!

— Хорошо!

В орешнике тишина, безмолвие...

Утаптывается вокруг снег, чтоб удобнее было во все стороны поворачиваться: лисица может выскочить и отсюда, и оттуда, и спереди, и сзади...

Докучай лег и лежит у ног, а Бандит весь напрягся, словно струна, поднял голову и нюхает, нюхает, нюхает...

— Какие же запахи проникают, Бандит, сквозь розовые твои ноздри в твой чистопородный мозг? Какие? Фиалковые ли от основания пышной «трубы» хитрой лисицы, или густая вонь проголодавшегося волка, или невыразительный аромат и во сне дрожащего зайчика-убегайчика? Какие? Ложись, Бандит, успокойся!

Вы осматриваетесь вокруг...

Вон от елочки протянулся узенькой цепочкой след и около груши оборвался.

То — белочка.

Может, спит она теперь сладким сном, прикрывшись листочком в грушевом дупле, снятся ей сосновые шишки да сладкие орешки...

А вот чуть подальше покатились в ярок одна за другой круглые ямочки, и то там, то сям между ямочками легчайше-нежный по снегу «чирк».

То лисичка с ночной охоты в ярок отдыхать пошла...

Значит, есть!!

Легонький свист.

То Осип Евдокимович подает знак, что он уже на месте.

Отпускаются со смычка Докучай и Бандит.

— Ну, хлопчики, вперед! Ни пуха ни пера!

Три минуты напряженной тишины... Пять минут... Еще тише...

Вдруг отчаянный скулеж Бандита и нервно-густой бас Докучая: «Гав!»

Бандит скулит одинаково истерично, подымает ли он зайца, или лисицу, а Докучай, почуяв зайца, сначала легонько завывает, а потом — спокойное «гав», и дальше равномерное «гав», «гав», «гав»...

Погнал, значит...

На лисицу Докучай подает первый «гав» значительно нервознее и, следуя за ней, лает немного чаще и более высоким тембром, чем за зайцем.

А Бандит и за зайцем и за лисицей одинаково истерично:

«Ай-яй-яй! Ай-яй-яй!»

Погнали лисицу...

Ну, тут уже у вас пульс с семидесяти двух ударов сразу на девяносто, глаза на лоб, «простреливают» орешник, и ходором ходит в руках двадцатка.

— Спокойно! — говорите вы сами себе. — Спокойно!

Первая горжетка идет на вас!

Метрах в пятидесяти от вас, с легоньким треском, из орешника на поляну вылетает она...

Она не бежит, она летит, красно-огненная на ослепительно белом фоне, выпростав трубу (хвост) и вытянув мордочку.

«Бах!» — легкий прыжок, и красного нет, один только белый фон...

Выскакивает Докучай, за ним Бандит.

Докучай глядит в вашу сторону, замечает, что ничего нет, рявкает суровым басом и мчится дальше.

За ним Бандит.

«Ай-яй-яй! Ай-яй-яй!»

Покатила горжетка через яр, и вы видите, как мелькнул беленький пушок на ее хвосте в орешнике по ту сторону яра.

Докучай чуть ли не на ее хвосте сидит.

На Осипа Евдокимовича пошла.

— Пильнуй, старик!

Наконец вот:

«Бах!»

Дым и снежная пыль около Осипа Евдокимовича.

— Бей, — кричу, — старик, еще раз, чтобы вернее было!

— Крепко лежит! — кричит Осип Евдокимович и добавляет такое, о чем, и не просите, написать не могу.

Я срываюсь с места, лечу сквозь кусты в ярок, запыхавшись, карабкаюсь в гору и Подбегаю к Осипу Евдокимовичу.

— Есть? — спрашиваю.

Он смотрит куда-то в сторону и не говорит, а стонет:

— Есть! Вон! За терном!

Я прыгаю за терн...

Крутится Докучай и дергает левой ногой.

Я падаю в снег...

А где-то далеко-далеко, в другом конце яра, Бандит так плачет и заливается:

«Ай-яй-яй! Ай-яй-яй!»

Горжетку гонит...

Приезжаете вы домой в старой фуражке Осипа Евдокимовича: свою лисью шапку вы потеряли, когда сквозь кусты бежали...

Вам дома и говорят:

— Горжетка? Чернобурка?! Одна была лисья шапка, да и ту проохотил. И кто те ружья выдумал?!

«Ладно, — думаете вы себе, — ладно! Говори! Говори! Выздоровеет Докучай — снова за горжетками поедем».

МЕДВЕДЬ

1

Медведи у нас на Украине, кроме как в зоологических садах, нигде не водятся, потому-то не так уж и страшно по нашим лесам охотиться на вальдшнепа, зайца или лисицу.

Были бы медведи — пришлось бы многим охотникам продать свои ружья, потому что наши охотники — люди тихие, смирные и поэтически нежные, а медведь — зверь крупный и ревет, может напугать.

Один мой приятель, завзятый охотник, когда мы, помнится, как-то получили такую телеграмму чуть ли не из Вологодской области: «Обнаружили и обложили три медвежьих берлоги зпт приезжайте немедленно...», долго вчитывался в ту телеграмму и сказал:

— Ты как знаешь, а я не поеду... Я на бекасика люблю... Бекасик — пташка смирненькая, она не ревет и скальпов с человека не снимает. А медведь — он очень большой и очень бурый, а снегу там много — не удерешь! Не поеду я!

Не поехали мы вдвоем.

Медведи бывают бурые, и серые, и белые...

Бурые ревут по лесам, начиная с Брянщины...

Серые называются «гризли», они, спасибо им, водятся где-то далеко.

А белые — те в полярных морях и океанах, и ехать к ним далеко и холодно.

Ну, а все же для каждого охотника убить медведя — это такая честь и такая ему слава, что хоть теоретически, а хочется.

Вы ж сами подумайте: во-первых, прекрасная медвежья ветчина и знаменитое медвежье мясо, а во-вторых, медвежья шкура...

Лежит такая большая-большая и мохнатая медвежья шкура у вас в кабинете перед кушеткою.

Вы сидите на кушетке, а перед вами приятели сидят.

Вы им и говорите:

— Вот этого медведя сам убил!

Приятели ваши, как и вообще в таких случаях все приятели, посматривают друг на друга, и обязательно кто-нибудь из них хихикнет.

Вы не обращайте на это хихиканье никакого внимания и расскажите им, как вы сначала, когда медведь выскочил из берлоги, ударили его жакановской пулей, но только поранили, а он, разъяренный, как прыгнет на вас! А вы не растерялись, схватили рогатину: и как у вас рогатина — тресь! — а вы хватаете вторую рогатину и прямо медведю в грудь! Но тут и вторая рогатина — тресь! Вы тогда — за третью! Зверь уже дышит прямехонько вам в лицо... Третья рогатина...

Но тут жена:

— Пожалуйте, товарищи, к столу! Чайку попьем! А когда вы выйдете из кабинета, ваш ближайший друг говорит вашей жене:

— Спасибо, хозяюшка, что позвали, а то довелось бы вашему мужу и за четвертую рогатину хвататься! Чего только не перетерпит человек за правду?!

2

Добрый мой знакомый, тов. С., хоть сам он и не охотник, поведал мне очень интересный способ охоты на медведя.

Сам я никогда о таком способе добывать медвежий мех и целый мешок медвежьего мяса не слышал, но способ этот, по-моему, заслуживает всяческого внимания, тем паче, что он совсем безопасный и охотник во всяком разе тут своей жизнью не рискует.

Оказывается, взрослые медведи очень страстные математики.

Вы обнаруживаете место, где медведь охотится или просто питается, берете большой лист фанеры, пишете на том листе крупными цифрами такую математическую формулу:

2Х2=5

Написав эту формулу, берете молоточек и гвоздиком прибиваете к ясеню или к дубу на той дорожке, где медведь путешествует. Прибивать следует не очень высоко и не очень низко, а так, чтоб медведь ту математическую формулу увидел.

Прибивать лучше днем, когда медведь отдыхает. А как выйдет он вечером охотиться, чтоб он ее уже заметил.

Прибили.

Сразу же бегите домой, запрягайте лошадь в телегу и езжайте к тому математическому месту. Только не подъезжайте к нему близко, упрячьте лошадь с подводой где-нибудь в ярке или за скирдой соломы, 8 сами бегите в лес, влезьте на дуб, поблизости к прибитой формуле, и исподтишка следите.

Вот идет медведь.

Трещит орешник, падают с него ветки, и вообще шум.

Вы не бойтесь и спокойно себе ждите.

Медведь, наконец, наткнулся на фанеру с математической формулой.

Люди, опытные в такой охоте на медведя, рассказывают, что когда он замечает 2Х2=5, с ним начинает твориться что-то неимоверное.

Он то отступит назад, вглядываясь в числа, то снова к ним подступит, протирает лапой глаза, смотрит, смотрит и, убедившись, что действительно-таки написано 2Х2=5, хватается лапами за голову и начинает ту голову ломать.

Ломает, ломает, ломает...

Долго медведь-математик свою бедную голову ломает над такой математической ерундой.

Вы сидите — и ни шороха, пока медвежья голова трещит и ломается.

Вы слезаете с дуба, подходите к медведю — а он уже мертвый, скончался от поломки головы над неправильной математической формулой.

Вы бежите за подводой, подъезжаете, вваливаете медведя на телегу, торжественно везете домой.

Кое-кто из охотников, чтобы не выдать секрета этого способа охоты на медведя, потом бьет его кинжалом в сердце. «Наткнулся, мол, в лесу на медведя, он на меня набросился, я не растерялся, схватился с ним в страшном поединке — и свалил его ударом кинжала прямо в сердце! Вот смотрите!»

И покажет еще кинжал в медвежьей крови.

А по-нашему, это нечестно: как добыл, так и рассказывай!

Всегда придерживайся древней охотничьей традиции: говори всегда правду, и только правду!

Еще раз повторяю, что вышеописанный способ охоты на медведя я не проверял, но все, кто его знает, говорят, что он очень выгодный.

Попробуйте, товарищи охотники! Фанера стоит не так дорого, а медвежий мех —

вещь дорогая. Да и мясо не дешевое.

3

Был еще один неплохой способ приобрести медвежий мех, но теперь вряд ли можно его осуществить, так как основательно изменилась жизнь в нашей стране.

Как известно, в старое, дореволюционное время цыгане-путешественники ходили по базарам и по ярмаркам и водили за собой прирученных и обученных разным нехитрым штукам медведей:

— А покажи, Миша, как пьяный дядька из корчмы идет!

— А покажи, Миша, как пьяная баба танцует!

Миша показывает, потому что у Миши в ноздрях железное кольцо, и когда его за то кольцо дергают, Мише очень больно...

Теперь цыгане медведей у нас не водят. Теперь цыгане культурно по колхозам хозяйничают и талантливо играют на сцене своего цыганского театра в Москве — «Ромэн».

Вот и случилось в старое время такое охотничье приключение.

Но пусть за меня об этом расскажет участник того происшествия, пусть расскажет так, как он мне когда-то рассказывал...

В сентябре месяце дело было, как раз на вторую пречистую.

Охотились мы с Трофимом Свиридовичем и Семеном Петровичем на вальдшнепов около Кленовой. А в Кленовой на вторую пречистую ежегодно съезжалась ярмарка. Когда шли мы через Кленовую, то увидели под слободой большой цыганский табор с лошадьми, возами, медведями и детьми. Медведей было два — и огромных. Ярмарка нас не интересовала, так как выехали мы из города исключительно, чтобы поохотиться. Ну, охотимся! Я зайца стукнул, пару вальдшнепов. Приятели тоже кое-чего подстрелили. Вечером сошлись перекусить. Сели на опушке, трапезничаем. Долгонько трапезничаем. Уже Трофим Свиридович «Зібралися всі бурлаки» двинул, а мы все трапезничаем. Трофим Свиридович, бывало, как потрапезничает, то поет, поет, даже заливается. Спели уже и «Зібралися», «Реве та стогне» и «Гиля-ги-ля». Под «Кину кужіль на полицю, сама піду на вулицю» Трофим Свиридович вприсядку пошел. Уже и потанцевали, однако же все еще трапезничаем. Трофим Свиридович хотел под «Кучерява Катерина чіплялася до Мартина» вторично вприсядку ударить. Не ударил — упал! Упал — и головой на ягдташ с вальдшнепами.

Вытащил вальдшнепа из сетки, смотрел, смотрел на него и говорит:

— Пт-та-ташечка! Родна-а-ая! За што ты мерррртвая? Разве ты зверь? Разве ты мед-вед-мед-медь?!

А потом как вскочит:

— Мед-вед-ведя хочу! Ребята, — кричит, — давай медведя полевать! За мной!

Мы за ним.

Я уже подробности не очень-то помню, да и тогда мне не очень запомнилось, что именно было. Помню, что вокруг кричат цыгане, медведь меня кусает, я медведя кусаю. Кто-то меня за ноги, помню, тянет, я кого-то за что-то, помню, тяну.

Проснулся — темно. Пощупал направо, будто борода Семена Петровича.

«А где же, — думаю себе, — медведи?»

А напротив что-то вроде дырки и чуть светится.

Я к дырке, стоит человек, мордастый и усатый. Я его и спрашиваю:

— Мы, часом, не в берлоге? А он мне:

— Я тебе дам берлогу! Я тебе дам такую берлогу, что медведем заревешь! Хлев станового пристава принял за берлогу!

Тогда я все понял.

За всю жизнь это один только раз на медведя и поохотился.

— Интересно! Только очень дорого, — грустно добавил участник этого происшествия...

……

Теперь так на медведя охотиться уже не удается: нет теперь, слава богу, ярмарочных медведей.

Разве, может, в зоологическом саду?

Но нет: не стоит!

Во всяком случае, не рекомендую!

4

А приятно все-таки лежать на кушетке, покрытой медвежьей шкурой, и улыбаться:

— Сам убил! Ей-бо, сам!

ЗАЯЦ

1

Золотая осень...

Ах, как не хочется листу с дерева падать, — от печали он словно кровью налился.

Печально скрипит дуб, задумался перед зимним сном ясень, тяжело вздыхает клен, только березка, Желтовато-зеленая и «раскудря-кудря-кудрявая», вон там на опушке выставила свою белую стройную фигуру, будто дожидается свидания с Левитаном или, быть может, Чайковского на симфонию вызывает.

Чертят тригонометрические фигуры высоко в небе запоздалые журавли и, курлыча, спрашивают:

«Слышишь, брат мой, товарищ мой? Улетаем!»

Золотая осень...

Вот в эту самую пору заяц уже сбегал к скорняку, тот ему подобрал на все прорешки густо-теплые кусочки меха, вычистил уши и лапки и посадил на хвостик белый помпон.

Набиваются патроны крупной дробью, вынимаются теплые брюки и пиджак, смазываются грубейшие сапоги, рвутся на портянки теплые кальсоны, отбрасывается в сторону веселенький картузик-кепочка, а вместо него растягивается на кулаках задумчиво-серьезная шапка-ушанка.

Если в охоте на уток большое, значение имеют помидоры и огурцы, то тут их заменяют сало и колбаса.

Неизменной остается стопка.

При охоте на уток стопка, как мы знаем, берется для того, чтобы вычерпать из лодки воду, а при охоте на зайца в стопку, при известном опыте, очень хорошо осматривать горизонт: если смотреть сквозь донышко, местность становится рельефнее.

Все вышепоименованные твердые, жидкие и газообразные предметы раскладываются в определенном порядке на диване, вы ходите и все по нескольку раз пересчитываете, проверяете, не забыли ли вы чего-нибудь:

— Брюки, значит, есть! Сапоги есть! Портянки, значит, есть! Патроны есть!.. Сало и колбаса есть!.. Гм-гм... есть... Не мало ли будет?

— Хватит, хватит! — спешит успокоить семейство...

— А где же стопка? — Да вот, за рюкзаком!

— Положи в рюкзак, а то закатится. Ну, кажется все. Так я лучше выеду пораньше, чтобы не опоздать на поезд, Наскоро одевшись, укладываете все в рюкзак.

— Ну, бывайте здоровеньки! Не грустите. Денька через два-три я буду!

— А ружье ты взял,?

— А и правда, где ж оно?

— Да я стол им подперла, потому что ножка поломалась...

— Да разве можно ружьем?!

— А что ему сделается? Хоть какая-нибудь от него польза... А то...

— Ну, хватит, хватит! Будь здорова. Порасспроси у Екатерины Николаевны, как зайца салом шпиговать, а то потом все испортишь... Да купи сала не меньше чем на трех зайцев.

— На трех?!

— Ну, покупай на пять! Я больше пяти не настреляю. Поехали...

2

Охотятся на зайцев в основном тремя способами: с подъема, из-под гончих собак и на засадах.

С подъема можно охотиться одному и коллективом.

Идешь себе один пашней, озимью или бурьяном и «вытоптываешь» зайца, который, как известно, днем лежит и отдыхает... Вы подходите к его лежке, заяц и выскакивает...

Если охотитесь компанией, то есть коллективом, лучше идти так называемым «котлом», такою, как бы сказать, дугой, чтоб фланги были впереди от центра. Заяц если выскочит, к примеру, в центре, то ему уже иначе, как на сковородку, бежать некуда.

— Как же лучше охотиться, — спросите, — одному или коллективом?

Почти одинаково.

Если идете один, то один и промазываете, если идете коллективно, то промазываете коллективно.

Очень интересно охотиться на зайцев с гончими собаками.

Если имеются такие собаки, их пускают в лесок или в овраг, они бегут, поднимают зайца и гонят его голосом.

Вы становитесь на пути, где должен пробежать заяц, и... мажете по нему.

Но красота охоты на зайца с гончими не только в вашем промахе...

Вы представляете себе, когда целая стая гончих идет следом за зайцем: впечатление такое, будто какой-то оригинальный, ни в какой филармонии не виданный и не слыханный, оркестр играет. Заливается флейта, трубит с переливами трубач, рявкает бас, гудит баритон...

Сколько жару, сколько страсти в голосах!..

Эх, если бы в наших оркестрах с такой страстью играли оркестранты, — какие были бы симфонии!

Стоишь, слушаешь, сердце распирает тебе грудь, горит мозг, и ты мажешь, мажешь, мажешь...

На засаду вы выходите, когда уже совсем стемнеет...

Выходите в большом дубленом кожухе. Хозяин вас спрашивает:

— Может, и свитку надели бы?

— Нет, — говорите, — не нужно. Не так-то уж оно и холодно. И ветра нет. Да и первач у вас с воротником. Теплый первач, а я его хорошо подпояшу, оно и не продует.

Вы устраиваетесь на засаду у огромной колхозной соломенной скирды...

Ночь темная, бодрая.

На небе, над скирдой, — звезды, на земле, под скирдой, — зайцы.

Сели, укутались.

— Ну, налетайте, которые тут есть зайцы! Тихо-тихо...

Но вот откуда-то издали из соседнего села доносится песня:

Катила-а-а-ася...

И тихо.

Вы еще теплее укутываетесь в кожух...

Задумываетесь...

Невольно из груди:

Ой, взойди, взойди, ясная луна,
Как мельничный круг...

И снова тихо.
Голова на солому клонится, клонится, клонится...
Под кожухом тепло...
И на сердце тепло-тепло...
…….
Вдруг над ухом:
— С добрым утром! Уснули?
Здравствуйте! Неужели уснул?
— Уже и завтрак на столе! Пойдемте!
— Пойдем.
— А где же ваши ружья?
— Нет... Гляди.
Сюда-туда — нет ружья.
— Вот оно как! Тут у нас не зевай! Подследили, значит, и хапнули. Ну, ничего: может, где-нибудь выплывет...
— Неприятно! Никому хоть не говорите!

3

Домой вы зайца все-таки привезли.
— А где же ружье? — допытывается семейство.
— Курок немного закапризничал; отнес к мастеру.
Вечером вы едите нашпигованного салом зайца. За столом торжественно: первый в этом сезоне заяц!
Торжественную трапезу разделяет с вами и ваш верный по охоте товарищ.
— Будем здоровы! — Будем здоровы!
После ужина вы умоляюще смотрите на верного товарища, а он, прощаясь, заплетается: - Ты же не забудь завтра занести должок, что на зайца взял.

Ю.В. Шумскому*

ДИКАЯ КОЗА

Благородное животное — дикая коза.

Благородное и своей осанкой, когда, стройная и нежная, стоит она среди кустов орешника или на зеленой цветуще-ароматной поляне нашего чудесного леса, или, когда, спустившись к Суле, к Росе, к Горине, грациозно наклонившись, студеную воду пьет.

Благородна и в стремительном вихре — лёте, когда, испуганная, не бежит, а расстилается над чагарником, над кустами или между дубо-ясеневыми стволами.

А еще благороднее она тем, что с ее помощью и благодаря ей можно выявить очень несимпатичную породу человеческого рода, ту породу, которая позорит почетное звание охотника-человека и которой есть название — браконьер.

Браконьер — это, собственно говоря, человек только внешне: у него, если начинать снизу, — две ноги, живот, грудь, две руки, глотка, буркалы, голова и на голове картуз или шляпа.

В буркалах (у людей эти штуки называются глазами) нет ни радости, ни печали, одни только хитрости. У людей глаза смотрят, а буркалы у браконьера бегают.

Сердца у браконьера нет. Вместо сердца у него мешочек с мышцами.

Мешочек этот у него специально для того, чтобы очень сильно заколотиться, когда кто-нибудь закричит: «тю, тю...»

Вот это и есть браконьер.

Итак, еще раз повторяем, дикая коза помогает выявлять среди людей этих выродков-браконьеров, хоть и платит за это своей жизнью. Охотиться на дикую козу воспрещено.

Только с особого разрешения можно отстреливать определенное время самцов-козлов, а браконьеру закон не писан, он идет в лес и уничтожает и козлов, и козочек, и маленьких козлят.

Нам никогда не приходилось видеть браконьера за его подлой работой, но мы не представляем себе, как может хлопать он своими буркалами, когда козочка смотрит на него печально-печальными, полными слез глазами и умирает...

И как жаль, что ее благородство не позволяет ей плюнуть тому зверю прямо в буркалы!

Браконьер — хитрющая бестия.

Юрий Васильевич Шуйский — чудесный артист и прекрасный охотник.

Кое-кто, кстати, говорит, что он больше охотник, чем артист, другие, наоборот, утверждают, что из него вышел артист намного лучший, чем охотник.

А мы того мнения, что если он такой же охотник, как и артист, то он действительно прекрасный охотник. Так вот Юрий Васильевич рассказал нам такой случай.

«Зашел, — говорит, — как-то ко мне земляк.

— Приезжайте, — просит, — приезжайте-ка к нам в Звонковое ** поохотиться. А то

все время почему-то в степях Украины охотитесь.

Собрались мы компанией и поехали. Поехал, — говорит Юрий Васильевич, — я и со мной Платон Кречет, Галушка и звонарь Квазимодский из Собора Парижской богоматери. Приехали в Звонковое, остановились у земляка, перекусили — и сразу в лес. Только лишь вошли в лес, как вдруг — «бабах!», и недалеко. Мы туда. Глянь — на поляне кто-то около убитой дикой козы возится. Я как крикну:

— Стой!

Вы же сами понимаете, что делается с браконьером, когда он слышит «стой!». Это на него так влияет, как хлыст на рысака. Он за козу и — наутек. Мы за ним! Все вчетвером! Галушка и Квазимодский чуть отстали, а я и Кречет по пятам за ним. Прибегаем в село, заметили, в какую хату вскочил. Вбежали и мы в его хату, ну, может, минуты через три после того, как он вскочил.

— Где коза? — спрашиваем.

— Какая коза?

— Дикая коза, которую ты в лесу только что убил.

— Да я и в лесу не был.

Жена его над колыбелью стоит, наклонилась, ребенка кормит.

— Люди добрые, — отозвалась жена, — он ведь из хаты никуда не выходил.

Мы искать. И в печи, и на печи, и под полом, и в буфете, и в помойнице, и в кадке, и в сенях, и в кладовке — нет!

Мы в амбаре, и в хлеву, и в свинарнике, и под свинарником — нет!

Подбежали Галушка со звонарем Квазимодским — и все вчетвером по всем закуткам и закоулкам.

Облазили всюду, где можно и где нельзя, — нет!

Вошли мы в хату, отдохнули и снова к хозяину:

— Где?

— Да чего вы, — говорит, — ко мне пристали? В лесу я не был, никакой козы я не убивал! Тогда я уже к нему с подходом:

— Слушай, — говорю, — человече! Своими же глазами мы видели, что козу ты убил, что с козой ты домой бежал и с козой в хату вскочил! Где она, скажи!

— Да это вы ошиблись! Это, может, сосед, а не я! Я дома сидел!

— Нет, — говорю, — не сосед, а ты!

И, знаете вы, меня уже и злость берет, да и любопытство разбирает, где можно так козу запрятать? Мы ведь все облазили и не нашли.

Тогда я ему говорю:

— Слушай, дядька! Даю тебе слово, что никому ничего не скажем, ничего тебе не будет, коза останется тебе, — скажи, где ты ее так упрятал, что мы и найти не можем? Где?

Он долго думал да и говорит:

— А ничего не будет?

— Да ничего! Слово даю! Тогда он к жене:

— Покажи!

Жена его отступила от колыбельки:

— Вон она! Я ее грудью кормлю!

Подходим: верно, лежит в коляске небольшая дикая коза, над которой в скорбной позе все время стояла жена браконьера.

Вот какие браконьеры!» — закончил рассказ Юрий Васильевич Шумский.

Хитрющая бестия — браконьер. И вредная бестия — браконьер.

Однако и с ним бороться можно.

Возвращаясь однажды с охоты, зашел я по дороге к старому моему знакомому Максиму Тудыпрыгни передохнуть и молочком подкрепиться.

Давно уже, чуть ли не пять лет, я Максима не видел.

Зашел. В хате одна Максимова жена.

— Здравствуйте, — поздоровался я.

— Здравствуйте! Давненько вас не слыхать!

— Все некогда, — говорю, — а Максим, — спрашиваю, — где?

— В загоне для скота возится. Сейчас войдет!

— Нельзя ли, — спрашиваю, — у вас молочка?

— Э! Молочка?! Не выдоили бычка! — отвечает Максимиха.

Удивился я крепко: такая всегда приветливая женщина, и вдруг нате вам! А она ко мне:

— Нет, — говорит, — молочка! Коза корову съела!

— Как?

— А так! — говорит.

Как вдруг и Максим в хату.

Поздоровались.

— Давненько, — говорю, — вас не видел, Максим! Меня работа не пускала, вы же в городе бываете, почему не заходили? Раньше частенько наведывались!

А жена у печки:

— На козу охотился!

Я сижу и ничего не понимаю.

Максим махнул рукой:

— Да!

— Что такое, — спрашиваю, — Максим? Расскажите!

— Три года на дикую козу полевал! — еще раз махнул он рукой.

— Три года? Как это «три года»?

— А так!

— С ружьем?

— Да где там с ружьем!!

— А с чем?

— С изоляцией!

И рассказал мне Максим такую историю:

— Пошел я с ружьем в лес, может, думаю, где зайца подниму. Вышел на поляну, глянь! — а передо мной, ну, не дальше, как до кладовой, стоят две и смотрят на меня. Вот тут меня как дернуло! Не выдержал: приложился — «бабах!» — одна на месте! А другая убежала! Я бегу к ней и света не взвидел! Прибежал, снимаю поясок, связываю ей ноги! А руки у меня дрожат и ноги дрожат! Ничего и не вижу, ничего и не слышу! Как вдруг кто-то по затылку меня как трахнет, так я своим лбом в козлиный, треск! А в глазах огоньки только сверкают! Очнулся, а передо мной лесничий. Ну, дальше сами уже знаете: суд и три года с изоляцией!

— С изоляцией да еще и без коровы! Потому что его три года за козой носило, я и корову продала! Охотник! — добавила подчеркнуто Максимиха.

— И ружья нет? — спрашиваю.

— Да к беде это ружье! Если и пойду когда-нибудь на козу, так только с женой и только на Житный базар!

«Проучили одного браконьера!» — подумал я про себя.

Можно их всех, браконьеров, проучить, нужно только как следует за дело взяться.

Охотятся на дикую козу чаще всего загонщиками. Облавой, одним словом.

Делается это с разрешения соответствующих организаций, когда производится так называемый отстрел козлов-самцов.

Для охотника трудности охоты на козу заключаются в том, чтобы не ошибиться и не бахнуть вместо козла в козу-самку.

— Ну, а как ты его в недобрый час разберешь, если оно мимо тебя не ползет, а расстилается, летит, и на мушке оно у тебя одно мгновение, — скажите, как ты разберешь, коза или козел?! Привирают те охотники, что говорят: «Я, мол, никогда не ошибаюсь!» — с грустью сказал мне как-то прекрасный, опытный, старый уже охотник, — Ну, и случаются, понятно, конфузы, когда вместо козла смотрит на тебя печальными глазами козочка... Очень неприятное, а к тому же еще и уголовное дело!

Единственный, на наш взгляд, способ не ошибаться, кто мимо тебя летит — коза или козел, такой:

Если вы заметите, что где-то в кустах что-то шелестит, вынимайте кусочек хлеба и, протянув его в руке, кричите:

«Киз-киз-киз!»

Она, конечно, остановится.

Вы сразу и спрашивайте;

«Ты коза или козел?»

Она сразу же вам:

«Я коза! А козел позади меня летит. Туда гляди!»

Ворон тут ловить нельзя! Диалог с козой должен быть стенографически точный, иначе потеряете козла.

Бывают случаи, что козел, остановившись на ваш призыв: «Киз-киз-киз!» — станет перед вами и, чтобы вас обдурить, мекнет басом: «Я коза!»

Но в это время вы успеете заметить у него рожки и бороду, если он не побреется. Но бывают вообще козлы без бороды и без рожков! Тогда уже глядите туда, куда вам ближе! И бабахайте!

Убить козла — это целое событие в жизни каждого охотника.

Случалось и мне убивать.

— Заходите завтра ко мне! — пригласил меня хороший мой знакомый и старый охотник. — Дикого козла постреляем! Имею разрешение!

Я зашел, зарядив ружье «четырьмя пулями»,

— Ружье, — говорит мой знакомый, — пока что разрядите и повесьте да идите-ка сюда, садитесь, и поговорим!

Чтобы долго не болтать, убил я тогда чуть ли не целое здоровенное блюдо дикого козла! Ох, и вкусная же дичина! Хозяйка уже стала даже кривиться. А я бью, а я бью!

Какое же благородное животное — дикая коза!

И в лесу, когда стоит, и когда она летит-расстилается, и когда она браконьера разоблачает.

Благородная она и на блюде!

---

* Ю. В. Шуйский—народный артист СССР, один из виднейших деятелей украинского советского театра, исполнитель ролей Платова Кречета, Галушки в пьесах А. Корнейчука, звонаря Квазимодо в спектакле «Собор Парижской богоматери».

** — «Приезжайте в Звонковое», «В степях Украины» — пьесы А. Корнейчука.

ДИКИЙ КАБАН, ИЛИ ВЕПРЬ

Почему это, когда говорят «дикий кабан», не страшно, а скажут «вепрь», так уж и мурашки забегают по спине и волосы на голове начинают шевелиться?

Оно, может, само слово «вепрь» страшное — клыкастое, угрожающее, хрюкающее.

Вепрь!

На Полтавщине, неподалеку от славного города Гадяча, есть село Веприк. Хотя это и не взрослый «Вепрь», а только маленький, только еще «Веприк», но думается, что колхозникам там, должно быть, все время страшно: что, если малый Веприк вырастет и станет большим Вепрем? Что тогда?

Самый страшный дикий кабан — это бобыль, одинокий кабан, убежденный кнур-индивидуалист, который пристает к табуну, когда свиньи свадьбы справляют. Он тогда своими страшными клыками разгоняет кнуров-парней, а сам усядется затем и хрюкает, чавкает, как когда-то пан помещик на свадьбе у своих крепостных, и ему, как тому пану, принадлежит право «первой ночи».

Дикий кнур-бобыль, которого называют за его огромные страшные клыки секачом, выкармливается так, что становится настоящим страшилищем, сильным и лютым. Собак он своими клыками одним ударом сечет на бефстроганов, а охотник, как только увидит секача, сразу же берет на мушку... дуб или грушу и сидит там тихо, как горлица... И только после уже рассказывает:

— Секача вчера стрелял! Иду, знаете, в камышах, вдруг слышу, что-то сопит! Смотрю, а оно как гора! Я сначала подумал, что это паровоз обтекаемой формы сошел с рельсов и катит по болоту... Приглядываюсь— секач! Я, конечно, не растерялся — в левом стволе у меня жакан, я его в лоб как трахну! Пуля — «дзынь!». Отскочила и около меня — шлеп! Даже сплющилась. Он только головой встряхнул и на меня. Я не растерялся... А когда же я вообще терялся? Да... Так вот я сразу же, значит, схватил финку и к нему! Замахнулся, а он мне и говорит: «Слезай, дядя, с дуба. Зачем ты туда залез?» Да... Я, конечно...

— Постой, постой! Что ты мелешь? Кто говорит? С какого дуба?

— Не перебивай! Я к нему с финкой, ударил его под левую лопатку, как раз против сердца. «Ага,— кричу, — попался! Попался, вепп-пррррь! Не из таких я, — кричу, — чтоб секача испугаться». Да на него верхом! Сел верхом и держусь за ветку! А он опять ко мне: «Да слезай, — говорит, — дядя, кабан к Филипповой балке побег!» А я ему: «Слезать, говоришь? Нет, не слезу, — кричу, — пока не прикончу тебя!»

Тут уже подходит хозяйка дома.

«Может, — говорит, — вы, Стратон Стратилатович, приляжете да поспите?»

«Не слезу!» — кричит Стратон Стратилатович.

Потом уж берут Стратона Стратилатовича под мышки и укладывают на диван,

А он еще и на диване добивает секача.

«Не слезу, — говорит, — пока не прикончу!»

Так до сих пор никто и не знает, удалось ли Стратону Стратилатовичу слезть с этого свирепого вепря-секача, или он до сих пор еще держится за ветку...

Секач — страшный зверь, так что и после четвертой стопки не очень-то слезешь...

Но почему мы все время говорим о вепре-бобыле, о секаче?

Да потому, что мы, охотники, люди храбрые, а уж если идем на дикого кабана, то на такого, чтобы после можно было кое-чем и похвастаться и кое-что показать...

Представьте себе на стене вашего кабинета голову секача со страшными зубищами-клыками.

Слава не только вам, но и всему вашему роду-племени.

Ясное дело, охотясь на секача, можно попутно десяток других кабанов или свиней убить, которые помельче... Но главная ваша цель — секач!

Поросят не трогайте.

Убить поросенка — это все равно, что убить на озере утенка, у которого еще и зубы не прорезались.

Стыд и срам для настоящего охотника.

* * *

Секач, несмотря на свой вес и короткие ноги, очень быстро бегает.

Один охотник, к тому же довольно опытный, рассказывал мне, как секачи бегают.

Кузьмой Демьяновичем зовут моего приятеля, вот он-то и рассказывал:

— Охотились мы с компанией в Бабьей балке. А Бабья балка с одной стороны подходит к глубокому-глубокому оврагу. Вдоль балки — лес. За оврагом начинается болото, поросшее камышом, дальше речка. Охотились мы на зайцев, лисичек, одним словом, на все, что попадется под руку. Был с нами и местный дедок-охотник. Прошли мы балку, приблизились к оврагу, сели на пригорок, закурили, отдыхаем. Краса какая, куда ни посмотришь! Камыши, между ними кое-где озера, а за камышами серебристо-голубая лента реки... По ту сторону речки лесок... Около лесочка — хуторок из трех хат... На взгорье возле хутора овечки пасутся. Слышно, как на хуторе и девчата «Черноморца» выводят:

Вивів мене, босую,
Та й питае:
Чи е мороз, дівчино,
Чи нема-а-а-е-е-е?

Смотрел бы вот так и не насмотрелся... Слушал бы и не наслушался...

Так вот, сидели, слушали, природой любовались. Как вдруг местный дедок говорит:

— А в этом болоте табун диких свиней есть! И секач тут огромный-преогромный бродит.

— Мы все, — говорит Кузьма Демьянович, — аж подпрыгнули.

— Где?

— Да вот здесь, в болоте!

— Неужто? — мы к нему. — А видел ли его кто-нибудь в этом болоте?

— Почему бы и не видать? Видали! А сколько он у нас овощей на огородах да свеклы уничтожил! Да я и сам секача видел. Пудов пятнадцать будет, если не больше. Страашный зверь!

— Вы же понимаете, — продолжал Кузьма Демьянович, — что мы сразу же решили пройтись по болоту, авось удастся набрести на свиней. Было нас шестеро. Решили так: я, как самый старший,— мне уже тогда на пятьдесят шестой повернуло, — должен пройти от оврага в глубь камышей и ждать, а остальные должны зайти с противоположной сто-

роны и направляться ко мне метров на тридцать один от другого.

Загонщиков у нас не было, мы сами, видите ли, и загонщики и стрелки. Дедок не пожелал с нами идти.

— Боюсь, — говорит...

Пошли мы в камыш, а дедок спустился в балку.

— Может, — говорит, — где-нибудь зайчишку всполошу.

— Вошел я в камыш, — продолжал Кузьма Демьянович, — прошел немного, остановился, осматриваюсь. В самом деле, как будто какие-то тропинки сюда и туда в камышах ведут, «Не наврал, как видно, дедок»,— думаю. Прошел еще немного дальше в камыш, выбрал для себя что-то вроде небольшой полянки, остановился, прислушиваюсь... Ничего не слышно... Только камыш шелестит, да иногда где-нибудь в стороне зашуршит болотная крыса. И опять тихо. Долго я стоял, уже пора и товарищам подойти, а их нет как нет... Я, сказать по правде, вздремнул. Стою, значит, дремлю. Вдруг оно как зашумит в камыше, как захрюкает, я так и подпрыгнул. Подпрыгнул и верчусь на месте, как юла, не знаю, в какую сторону удирать. А оно опять как хрюкнет! Я как махнул из камыша, так мигом подле оврага очутился... Услыхал только, как от меня что-то шмыгнуло и бросилось к речке. Куда там! Я даже не успел подумать, что оно такое? Выскочил из камыша и помчался к оврагу. А из оврага, как борзая, помчался к лесу и — на грушу! Сел, взвел курки, жду. Долго сидел, нет ничего. Наконец слышу — зовут:

— Кузьма Демьянович! Кузьма Демьянович! А-гей! Где вы? А-гей-гей!

— Я тут! — кричу. — На секача засел! На груу-уше!

— Слеза-а-а-айте!

— Не слезу! — кричу.

И в самом деле, я-то не прочь слезть, да не могу. Груша высокая, старая груша, можно сказать, и до половины ни сучьев, ни ветвей — гладкий ствол! Как я на нее влез, хоть убейте, сам не пойму...

Подошли товарищи. Спустили меня с груши.

— Видели что-нибудь? — спрашиваю.

— Ничегошеньки не видели, — говорят.

— Да как же так, — говорю. — Как же не видели, если оно хрюкало, да и не раз... И шмыгнуло мимо меня! Я от него, а оно от меня. А что хрюкнуло, пускай меня бог убьет, — говорю, — если своими ушами не слышал...

— Так это вы, значит, — спрашивает Иван Петрович, — на овраг подались?

— Я, — говорю, — конечно же, я! Потому что оно как хрюкнет, я и подумал, что секач из камыша.

— Да это я сморкался, — говорит Иван Петрович. — Только я сморкнулся, как вдруг мимо меня

что-то как сиганет! Я подумал, что секач, и сам от него опрометью к речке...

Подошел к нам дедок.

Мы и спрашиваем его:

— Где же ваши свиньи?

— А разве нет?

— И следу нет!

— Выходит, нырнули!

— Куда нырнули?

— Выходит, что под воду. Куда ж еще?

— Но разве дикие свиньи ныряют?

— Не знаю где как, а у нас ныряют, — говорит дедок.

— А что вы думаете, — размышляет при этом Кузьма Демьянович. — Могло быть. Есть же морские свинки, могло быть, что и речные появились.

Так вот что случилось с нами во время охоты на кабанов. Я и до сих пор никак не пойму, как из оврага выскочил и как на грушу взобрался. Пятьдесят же шестой год пошел!

Выходит, что и такая охотничья прыть бывает! Вот как секачи борзо бегают.

— Проворный зверь, — добавил Кузьма Демьянович.

* * *

Охотятся на дикого кабана с гончими или специально обученными для этого псами, но чаще всего охотятся с загонщиками.

Когда на вас выскочит вепрь и вы не успеете удрать, вам уж тогда, ясное дело, приходится стрелять.

Стрелять надо обязательно пулей, целиться в голову или в сердце, бить надо наповал, потому что раненый кабан — зверь невероятно лютый: он бросается на охотника с разгона, вонзает свои страшные клыки прямо в живот и с криком: «Ага, попался!» — рассекает охотника по брюшной белой линии от пупа вверх до самой груди.

Если же кабан сам смертельно ранен, он ложится тут же, рядом с охотником. И оба они потихоньку отдают богу душу,

Потом уже сходятся охотники, мастерят носилки и несут своего погибшего товарища и дикого кабана к машине или к железнодорожной станции.

Те, кто несет погибшего товарища, очень грустны, потому что им жалко храброго охотника, павшего жертвой своей благородней спортивной страсти.

А те, кто несет убитого кабана, очень веселы, так как подобный охотничий трофей случается не очень часто.

Когда вы идете по болоту, где обязательно есть целый табун диких свиней и где бродит огромнейший секач, весом не менее пятидесяти пудов, очень полезно произносить такую как бы молитву, испокон веков весьма помогавшую во время охоты нашим предкам-охотникам (между прочим, молитва эта полезна не только во время охоты на кабанов, но и вообще во время охоты на любого зверя). Вот эта молитва:

Ви Зорі-Зірниці,
Ніч темна темниця,
Замикаеш ти церкви і хати
Ще й царські палати.
Замкни звірю вуха й очі,
Щоб я підійшов і не промахнувся...

Когда вы такую молитву прочтете с верой, то, безусловно, можете подойти к кабану, несмотря на то, что он зверь очень осторожный и слух у него, как у самого талантливого дирижера симфонического оркестра.

С вышеприведенной молитвой можно и нужно охотиться на дикого кабана самому, пробираясь запутанными тропинками и перепрыгивая с кочки на кочку в поросшем камышом болоте.

А вообще еще раз говорим, что охотятся на кабана с загонщиками.

Случается, и очень часто случается, когда кабан, услышав или догадавшись, что впереди стоят на номерах охотники с жакановскими пулями в ружьях, и будучи не совсем уверенным, что все они прыгнут на груши, поворачивается и идет на загонщиков.

Кабан зверь хитрый: он знает, что у загонщиков, кроме криков и отчаянного шума, в руках нет ничего.

Такие случаи заканчиваются более или менее благополучно, заканчиваются они испугом, потому что кабан порет человека, когда сам ранен, а так он подбежит, хрюкнет, напугает и, посмеиваясь, побежит дальше.

Было такое и с нами во время охоты на кабанов, было! Врать не стану — было!

Подняли загонщики в камышах на болоте несколько диких свиней и кабанов.

Те пошли на охотников.

Послышалось: «там-бах, там-бах!»

Наткнулся на них один, ничего себе, пудов на десять, вепрь.

Стреляли по нему или не стреляли, я уже не скажу, потому что кое-кто из охотников, чтобы виднее было, сидел на груше. Но только кабан повернулся и помчался на загонщиков.

Во весь опор подскочил к одному пареньку-загонщику, тот и «караул, спасайте, кто в бога верует» не успел прокричать, как он ткнул его рылом в пуп, перевернул, перепрыгнул через него, хрюкнул, загоготал и помчался дальше.

Подбежали мы все к тому пареньку: стоит бледный-бледный, губы побелели и дрожат, и ничего вымолвить больше не может, только:

— Хрюкнуло и побежало! Хрюкнуло и побежало!

Наконец немного пришел в себя. Мы к нему.

— Ну что, сильно испугался?

— Испугался, только не совсем, не до конца испугался! Можно было бы и сильнее испугаться, — проговорил он и побежал в кусты.

Так что, как видите, и загонщики должны быть бдительными.

* * *

Убили вы дикого кабана.

И вот наступает самый тяжелый момент охоты на диких свиней.

Это — когда уже соберутся на дикого кабана к вам приятели и вам нужно убедить их, что убит именно не простой, а дикий кабан.

Вы им рассказываете о своей охоте все до мельчайшей подробности: и как собирались на охоту, и как ехали, и как доехали, как шли по лесу или по болоту, где останавливались, сколько было гонщиков, как вепрь выскочил, как вы не растерялись, -как бахнули, как он ткнулся рылом в землю, а после опять поднялся и побежал, а вы его вторично...

Рассказывая, вы и свидетелей называете и расплюснутую пулю калибра вашего ружья показываете...

Ну все, буквально все доказательства того, что вы собственноручно убили дикого кабана.

Но вы видите, что ничего не помогает: все едят и хвалят кабана, а не вас!

И вы прекрасно знаете, что, возвращаясь домой, они, пошатываясь, будут хохотать:

— Дикий кабан! Нашел дураков! А кстати, почем нынче свинина?

Вот какие люди!

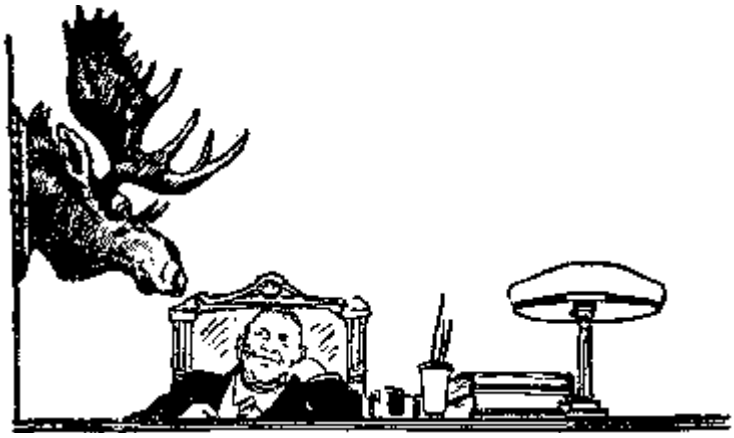
Неблагодарные люди!

Съели целого кабана, выпили все, до такой степени все выпили, что утром хозяйка истерически визжит:

— Ну, какая это дендя (хозяйка немного знает по-английски) пол-литра керосина выпила? Ну и гости! Чтоб ты больше диких кабанов не стрелял!

А они, приятели, идут сытые и пьяные домой да еще и насмехаются.

Нехорошо!



ЛОСЬ

Лось, или лесная корова, водится преимущественно на лесных просторах северной части Родины нашей — Советского Союза.

Порой забредает он и в центральную часть, дойдет до украинского полесья. Но бывает это очень и очень редко.

Однажды поднялся было гвалт, будто под Киевом, в Пуще-Водице, в лесу видели лося.

Собрались местные охотники, зарядили ружья жа-кановскими пулями, догнали того лося, окружили, а он не очень-то и удирает, просто идет на охотников и мычит...

Оказалось, что это обыкновеннейшая себе корова, да к тому же еще и яловая, в лесу заблудилась.

В Киеве одного лося я сам видел, но не целого лося, а одну только голову, но об этом несколько позже.

Лось называется еще сохатым.

Почему он так называется, я доподлинно не знаю, но, очевидно, по той причине, что еще когда-то, в давние времена, когда мамонтов запрягали в четырех лемешный плуг, лоси тянули только соху.

Лось — зверь очень большой, взрослый самец весит иногда больше тонны.

Следовательно, удачная охота на лося не только гордость, но и с полсотни пудов доброй говядины (или лосятины), не говоря уж о шкуре, копытах, хвосте и рогах.

А рога у лося огромные да ветвистые: гребешков из них можно наделать, ну, возможно, и не вагон, а все-таки порядочно.

Охотиться на лося — дело очень прибыльное, потому мы и взялись рассказать о способе этой охоты, хотя на Украине лоси и не водятся.

А возможно, кто-нибудь заинтересуется, бросит такое невыгодное дело, как, например, заведование продбазой или продмагазином, да и подастся в северные лесные просторы: «Подамся, мол, на лосей! И сам прокормлюсь, да и жену с детками обеспечу».

Для таких это и пишется.

Что необходимо для охоты на лося?

Прежде всего, разумеется, ружье. Можно винтовку или карабин, можно штуцер, можно и простую дубельтовку, но патроны должны быть с жакановскими пулями. Дробью лося не свалишь.

Обязательно — лыжи, ибо охотятся на лося зимой, да еще тогда, когда снег возьмется «настом», то есть покроется этакой, словно ледяной, корочкой. Лыжи тогда не проваливаются в снег, а легко плывут по снегу, по той корке, по насту.

Харчей запасайте так месяца на два, ибо охота, как вы потом увидите, потребует немало времени.

Берите с собой большую кадушку, чтобы в ней можно было засолить пудов с пятьдесят лосятины.

Пудов с пять соли!

В наши времена необходимо брать и коротковолновую радиостанцию.

Ну вот, кажется, и все.

Само собой разумеется, что одеваться надо как можно теплее: шуба, шапка, теплое белье, теплый костюм, а на ноги унты или пимы: простые валенки вряд ли выдержат такой поход.

Итак, вы собрались и говорите жене и детям:

— До свидания! Отправляюсь на лося!

С тем, значит, грузитесь в вагон и едете на север: можно и в Архангельский край, можно и в Вологодскую или Кировскую области.

До областного центра вам ехать не надо, так как в самом областном городе лоси не водятся — они на периферии.

Лучше всего высадиться на какой-нибудь маленькой железнодорожной станции, в дремучем, бескрайном лесу.

Высадились.

Неужели нужно вас еще учить и тому, как приладить все те причиндалы: кадушку, соль, продукты и т. п., чтобы они тоже ехали за вами?

Понятное дело, что на подводу тут рассчитывать нечего, следовательно, нужно уметь смастерить узко-длинные саночки!

Топор, товарищи, топор не забудьте! И необходимый метраж веревок! И гвозди!

Оборудовав все как следует, становитесь на лыжи, запрягайтесь в саночки и на лыжах весело и быстро выбегайте в лес...

И бегите себе на лыжах: все леском, леском.

Если повезет, то дня через два-три нападете на след лося...

Тут уж охватит вас охотничье волнение и подъем вашего охотничьего духа, и вы покатите, покатите по лосьему следу...

Чем дальше будете бежать, вы заметите, что следы становятся все свежее, свежее, свежее...

Внимательно всматривайтесь вперед!

И вот через полянку, проваливаясь в снег, положив на спину свои раскидистые рога, тяжело мчится сохатый.

Он услышал вас, ибо зверь он очень чуткий и осторожный, и если по ветру, то он чует ваше присутствие за несколько километров.

Вы — за ним.

Лось бежит, пробивая своим тяжелым телом наст и проваливаясь в снег по самый живот, а вы мчитесь легко и плавно, потому что вы не такой тяжелый, как он, и вы на лыжах, а он босой, без лыж, ибо для его четырех копыт лыжи еще не изобретены.

Это ничего, что лось оставляет вас позади километров на пятнадцать-двадцать, вы только не отчаивайтесь, а весело и уверенно идите по его следам, ибо победа все равно будет ваша!

А какое наслаждение бежать на лыжах густым-прегустым лесом, который протянулся далеко-далеко, аж на тысячи километров!

Перескакивают с ветки на ветку белочки, с густой елки срывается глухарь, пищит рябчик, прислоняясь к стволу, чтобы его не заметили (мимикрия!), шарахается в сторону перепуганная росомаха, от испуга плотнее прижимается к своей лапе медведь в берлоге...

А вокруг сказочное убранство — снежным шаром украшены ветки деревьев, пни стоят с высоченными , на них ослепительно белыми шапками, словно встречают вас старинные бояре в фантастических владениях царя Берендея.

Так и кажется, что вон из-за того ствола толстенной пихты выйдет нежная Снегурочка и тихо-тихо поприветствует вас:

— Челом тебе, охотничек-стрелочек! Ни пуху тебе и ни перышка!

А вы мчитесь, мчитесь, за вами сани, а на санях кадушка, и топор, и веревка, и соль...

Идет он густою тайгою,
Где пташки одни лишь поют.

Ясное дело, не всю дорогу будет так весело, ибо человек есть человек, и вы через две-три недели, понятно, почувствуете усталость, но ведь, я думаю, вы уже чувствуете, что и лось устал, потому что следы его становятся все глубже, все грузнее.

Подбодритесь: вот-вот победа!

Вы уже видите, как переутомленный зверь хватает снег, и все чаще, все чаще он его хватает. Доказательство тому — продолговатые ямки по сторонам лосьего следа.

Правда, от вас тоже идет пар, как от кипящего самовара, но это ничего: больше движения, больше энергии!

Еще немного.

Дней через пять-шесть вы, наконец, приближаетесь к лосю, ибо он уже не бежит, а тяжело идет, ступает.

За два-три дня он от вас не дальше чем на пятьсот метров!

Нажмите, голубчик, нажмите!

И вот вы видите, что зверь упал. Потом поднялся, ступил десяток раз и снова упал. Еще раз поднялся, дважды ступил и упал.

Лежит!

Вы подбегаете к нему на лыжах, падаете на зверя

Зверь тяжело дышит, и вы тяжело дышите.

Зверь высунул язык, и вы высунули язык.

Вот так — зверь и вы лежите дня два!

Но какая радость распирает вашу грудь! Ибо вы сверху!

Приблизительно дня через два зверь тяжело поднимает голову, поворачивает к вам свою крайне утомленную морду.

— Будешь стрелять или резать? — спрашивает.

— Подожди, дай немного отдышаться! Наконец отдышались...

— Ну что же, — говорит лось, — не хочешь убивать, я поплетусь дальше: я зверь, а ты охотник, мне удирать от тебя надо!

— Да полежи, — говорите вы, — отдохну и застрелю!

— Нет, побегу, я — гордый! Сползай с меня, а то я не могу встать!

Поднялся лось и поплелся дальше.

Но он далеко не уйдет: ноги ему уже не служат, и от смертельного гона у него невроз сердца.

Вы поднимаетесь и стреляете.

Лось — мертвый, а вы покамест еще живой...

Тогда начинайте свежевать, солите мясо, натягивайте шатер, устанавливайте радиостанцию, определяйте ориентиры и вызывайте радиограммой жену с детьми.

Приезжает семья, возможно еще и знакомый заглянет; ну, тут уже бал и все такое прочее...

Празднуйте, пока не съедите всю солонину из лося.

Голову вы сразу же отрубили как трофей, чтобы потом повесить ее в кабинете и все время хвастать, что вы убили лося.

А если жену не станете вызывать, грузите солонину на санки и — домой.

Когда возвратитесь домой, в Киеве будет уже две лосиные головы. Одна у вас, а вторая у моего приятеля.

Я о ней уже вспоминал. Мой приятель хотел было подарить мне ту голову со страшными рогами.

— Забери, — говорит, — будь добр! Ведь трофей-то какой!

— А почему, — спрашиваю, — ты сам не гордишься этим трофеем?

— Так куда же я его приткну? В передней — в комнату не войдешь, а в кабинете — тоже негде повернуться! Голова все место занимает. Забери, пожалуйста, я доплачу!

БЕНГАЛЬСКИЙ ТИГР

Чтобы охотиться на бенгальского тигра, нужно ехать в Бенгалию, ибо это не простой тигр, как видите, а бенгальский.

Почему нас интересует именно бенгальский тигр? Да потому, что бенгальский тигр — самый крупный из всех тигров на свете: его длина — два с половиной — три метра, один хвост у него длиной восемьдесят—девяносто пять сантиметров. Так что если вам не удастся заполевать всего тигра, а отбить у него только хвост, то и тогда вы все-таки «имеете вещь».

— Где Бенгалия? — спрашиваете.

На Бенгалию из Киева надо ехать так:

Как только минете Васильков, Мотовилевку и Фастов — берите не на Бердичев, а на Жмеринку. Потом на Вапнярку, Раздельную и доезжайте до Одессы. Из Одессы на Дарданеллы, потом на Суэцкий канал, оттуда уже не так далеко до Индии.

Приехав в Индию, спросите, как вам пройти на Брамапутру.

Верно, слово «Брамапутра» трудно для произношения, но вы еще на пароходе почаще повторяйте его про себя, чтобы научиться произносить, а то с вами произойдет то же, что и с Данилом Кондратьевичем, который приехал в Индию и спросил:

— Где тут Путрамабра?

Никто из индусов, понятное дело, ему на это не мог ничего ответить. Так он, бедняга, и вернулся домой без тигра.

Брамапутра — вы это и сами, положим, знаете — река в Бенгалии.

Когда вы до нее дойдете, там неподалеку течет еще одна река — Ганг, так вот между Брамапутрой и Гангом, в джунглях, больше всего водится бенгальских, или, как их называют, королевских тигров.

Вот там и охотитесь на них.

Перед охотой, имейте в виду, вам нужно будет перебить вокруг себя всех кобр и всех гремучих змей, чтобы случайно какая-нибудь из них не укусила вас, а также переболеть тропической малярией — желтой или бурой — какая кому нравится, — а потом и охотиться.

Хлеба с собой берите только на дорогу, пока до Бенгалии доедете, а в Бенгалии, там на каждом шагу, как у нас бузина, растет хлебное дерево, круглый год на нем растут плоды, ну, как наши кныши.

На тигра, как вы знаете, охотятся для того, чтобы истреблять этого страшного зверя, который наводит ужас на всю округу, нападая на скот и даже на человека.

Охотятся на него и для того, чтобы иметь огромную прекрасную шкуру, полосатую и мягкую, которая так украшает собой кабинет храброго охотника.

А еще охотятся, чтобы добыть огромные и страшные тигровые когти. Их высушивают, растирают в порошок и пьют тот порошок для храбрости.

Восточные народы глубоко верят в чудодейственную силу порошков из тигровых когтей и платят за них большие деньги.

— Если выпить. — говорят, — один такой порошок, можно уничтожить массу тигров.

Одно скверно: чтобы иметь такой порошок, нужно, выходит, убить тигра, а чтобы убить тигра, нужно, выходит, выпить порошок.

Ну, ничего: будучи от природы хоть и не очень, так сказать, храбрым, но и не совсем, так сказать, пугливым, на первой тигровой охоте обойдемся без порошков, потому что, как доказали последние исследования над порошками из тигровых когтей, влияние их на человеческий организм сильно закрепляющее.

А от этого и храбрость.

Ну, что ж, если нет, так нет.

А в некоторых случаях при охоте на тигра такие порошки, как вы сами увидите, могут даже повредить.

Есть несколько способов охоты на тигра.

Есть способ с фанерой и молотком, о котором мне рассказал один из опытных охотников на тигров.

Заключается он вот в чем.

Вы берете лист фанеры, так приблизительно с метр в квадрате, и небольшой молоток.

Едете в джунгли между Брамапутрой и Гангом и, чтобы привлечь на себя внимание бенгальского тигра, во весь голос поете:

Та не жалько мені
Та й ні на кого,
Тільки жалько мені
На отця свого.

Тигр услышит, и уже не вы за ним, а он за вами начнет охотиться.

Тут уж вы будьте внимательны и бдительны, чтобы не проворонить тот момент, когда тигр припадет к земле и, яростно избивая себя хвостом по бокам, приготовится прыгнуть, чтобы сделать из вас закуску перед антилопой.

Как только он прыгнет, вы вдруг повернитесь к нему и выставляйте фанеру.

Тигр ударит всеми четырьмя лапами в фанеру и страшными своими когтями пробьет ее.

Вот тут вы тоже ворон не ловите, сразу же быстро-быстро бейте молотком по когтям и загибайте их, пристукивая к фанере.

И все.

Пригвожденный к фанере тигр уже не страшный зверь, а беспомощный котенок.

Вы тогда можете с него шкуру содрать с живого ли, или, ударив кинжалом в сердце, покончить с ним, а потом уже свежевать.

Имейте только в виду, что бить тигра по когтям, загибая их к фанере, нужно все-таки осторожно, чтобы не повредить когтей, а то ведь знаете, какая это ценная вещь и что из нее вырабатываются храбрые порошки.

Некоторые охотники, нервничая, забываются и колошматят по когтям изо всех сил, портят их и лишаются вследствие этого столь ценного материала.

Весьма распространен и, надо сказать, довольно неплохой способ охотиться на тигра со слоном.

Этим способом охотятся на тигров индийские раджи и английские лорды, приезжающие в гости к индийским раджам, а те уже угощают их, своих дорогих гостей, охотой на тигров.

Перед этим индийские раджи заблаговременно заманивают в определенное место тигров, ставя на протяжении нескольких недель приманку из не совсем еще умерших, но уже не приспособленных к работе туземцев.

Когда английские лорды приезжают к индийским раджам в гости, и, увидев, как ведут туземца на приманку, они делают тому туземцу ручкой и милостиво говорят: — Гуд бай.

Тигры, между прочим, идут на приманку, состоящую не только из туземцев, но также из скота; из коров, свиней, овец и т. д.

Итак, тигров заманили.

Тогда приводят прирученных слонов, седлают их такими вроде шалашами, но сплетенными не из орешника и ушитыми не соломой (английские лорды и индийские раджи таких шалашей не любят), а сделаны те шалаши из слоновой кости и парчи...

В те шалаши грузят сначала виски, беф, пудинги и шампанское, а потом уже английских лордов, индийских раджей и камердинеров.

Ну, лорды и раджи едут, пьют виски и шампанское, едят бефы и пудинги, а туземцы гонят на них тигров.

Как только шмыгнет между лианами бенгальский тигр, английский лорд говорит индийскому радже:

— Подержи-ка мой пудинг, я его потом доем! А затем к камердинеру:

— Подай ружье!

Камердинер подает ружье, английский лорд стреляет в то место, куда прошмыгнул тигр.

Звучит выстрел, за ним звучит отчаяннейший крик, и туземец, гоняющий зверя на высокопоставленных в шалашах охотников, падает замертво.

Английский лорд удовлетворительно усмехается и говорит:

— Йес!

И доедает пудинг.

Затем охота идет в таком порядке: туземцы убивают тигров, снимают с них шкуры, английские лорды везут те шкуры домой, там их соответственно обрабатывают, привинчивают к голове золотую дощечку с выгравированной надписью:

КОРОЛЕВСКИЙ ТИГР
Убил в Бенгалии (дата)
собственноручно лорд Сесиль-Кисель.

А потом уже в палате лордов...

Нет! Стоп-стоп-стоп! Никакой политики мы касаться не будем, а то еще допишешься до того, что лорд Сесиль-Кисель подаст в палату лордов билль о том, что нужно из Бенгалии вывезти побольше скота и пшеницы: ведь и греческим монархистам нужно и гитлерюгенду нужно.

Стоп! Ни слова о политике!

Таков, значит, способ охотиться на тигров со слонами*.

Мы с вами, слава тебе господи, и не лорды английские и не раджи индийские, так что нам с вами такую хищную охоту на тигров организовать трудно.

Можно, конечно, взять напрокат слона в зоологическом саду или в цирке, но много с ними возни, пока его до Бенгалии довезешь да пока научишься им управлять с помощью молоточка с гвоздиком.

Там, в Бенгалии, одолжить слона у какого-нибудь раджи тоже вряд ли удастся, ведь вы же, слава богу, не английский лорд.

Одним словом, хлопотный для нас с вами такой способ охотиться на тигров.

Однако его нам, как охотникам, знать необходимо.

Для того и пишем.

Неплох и такой еще способ.

Выкапывается огромная и глубокая яма на дорожке, по которой тигры ходят к Брамапутре пить воду.

Сверху та яма хорошо маскируется всякими ветками, лианами, тропическими папоротниками и прочим.

Тигры идут пить воду вечером, когда уже смеркается. На это время вы и залезайте в ту яму.

Залезли и сидите тихо-тихо.

Ни курить, ни чихать, ни кашлять нельзя, а то испугаете тигра.

Вот идет тигр.

Он не совсем еще очнулся после сна, потягивается, зевает, чешет за ухом.

Ну, и не заметит, как бултыхнется в яму!

Вы сразу же набрасывайтесь на него и щекочите.

Тигры страшно щекотки боятся! (Поэтому-то, между прочим, они очень ревнивы.)

Как только вы его схватили обеими руками под мышками, он сразу начинает ужасно хохотать.

Но вы не выпускайте его, а то, боже вас сохрани, съест!

Щекочите, и щекочите, и щекочите.

Хохоча, он будет кататься по яме, и вы катайтесь вместе с ним. До тех пор, пока он не крикнет:

— Ой, не могу! Пусти! И ляжет, обессиленный.

Но вы еще с полчаса пощекочите, тогда отпускайте. Готов. Защекоченный тигр мертвее мертвого.

Еще об одном способе охоты на тигров хочется мне рассказать.

Он тоже несколько хлопотливый, но для нас с вами доступный.

Хлопотливый он именно тем, что, прежде чем его применять, нужна тренировка в перегонах на большой дистанции.

Немало времени надо потратить, чтобы вы могли прытко и долго бежать, все время оглядываясь позади себя.

Но никто же нам с вами не запретит тренироваться месяца три ежедневно по три-четыре часа, бегая сначала хотя бы на одном из киевских стадионов, а потом по пересеченной местности.

Наоборот, все подумают, что вы готовитесь к физкультурной спартакиаде, и все будут вас приветствовать.

Хорошо на такую тренировку брать вашу собаку, лучше борзую, а если борзой нет, тогда гончую, но можно и овчарку, только чтобы быстрая была.

Когда вы в своих упражнениях дойдете уже до такого положения, что будете опережать овчарку, тогда можно ехать в Бенгалию на тигра.

Порошки из тигровых когтей принимать при этом способе охоты категорически не следует, ведь, как вы знаете, порошки эти закрепляющие, придают охотнику храбрости, а тут нужна не храбрость, а наоборот.

Тут необходима легонькая пугливость, при которой намного увеличивается скорость вашего аллюра.

Приезжаете вы в Бенгалию, находите тигра, показываетесь ему, он сразу же начнет охотиться за вами.

Вы это знаете, но не расстраиваетесь и сознательно ведете его за собой на заранее намеченную вами поляну.

Между Брамапутрой и Гангом попадаются огромные куски степи, где пасутся жирафы, антилопы, носороги и другие травоядные животные.

Вот туда вы тигра и ведите.

Из оружия вы имеете при себе только кинжал, и больше ничего.

Пока вы ведете тигра на поляну, он уже будет нервничать, буйствовать, зубами щелкать и вот-вот прыгнет, вот-вот прыгнет.

Выйдя на поляну, сразу же бегите...

Тигр, разумеется, за вами...

Вот тут-то и пригодится ваша тренировка...

Вы бежите и частенько озираетесь, поглядываете на тигра. Это не только для того, чтобы знать, не нагоняет ли он вас, — главное тут — не проворонить, когда он поскользнется.

А поскользнется он обязательно.

Как бы ни была сухой степь, все равно настанет момент, когда он выдохнется и упадет.

Тогда вы сразу на него, и кинжалом ему в сердце.

Тигр ваш!

Охота на тигра, как видите, опасная и хлопотливая.

А самое трудное в ней то, что заполевать бенгальского тигра можно только в Бенгалии, а туда очень далеко ехать.

Будем надеяться, что со временем или Бенгалия к нам приблизится, или мы приблизимся к Бенгалии: ведь климат, как замечают теперь опытные географы, меняется.

Вот тогда мы и поохотимся!

И будем уже заранее знать все способы охоты на тигра, с какими мы вас и познакомили!

---

* Этот способ охоты нынче устарел. И Индия теперь не та, и раджи теперь изменились! (Прим. перев.)

ГАГАРА

Как-то раз отдыхали мы компанией после утренней зорьки и подсчитывали: сколько каждый из нас не нашел смертельно подбитых уток.

Нас было пятеро очень опытных охотников, таких метких стрелков, которые обычно говорят:

— А ну, подбрось картуз! А ну, подбрось! Увидишь, как я стреляю. К тому же узнаешь, как мое ружье бьет. Подбрось!

Картуз подбрасывать никто не отваживался: жаль картуза. Но пустые бутылки ставили.

Нечего греха таить, ставили!

Что ставили, то ставили...

Но самый меткий из нас — это тот, который говорил:

— Да что мне картуз? Пятак подбрось! Перья с твоего пятака посыплются.

Так вот этот самый меткий с расстояния в пять-десять шагов в четверть промазал.

Но это так, между прочим, ведь все охотники знают, что никто во время охоты в пустые бутылки не стреляет, да и обычая такого у охотников не было. Не было и не будет! Избави бог!.. Да и где те бутылки на охоте возьмутся?!

То, что мы четверть вместо мишени поставили,— просто случай, может быть, единственный во всей истории охоты.

Так вот... Подсчитывали мы, сколько каждый из нас не нашел смертельно подбитых уток.

Как-то так вышло, что подошли мы после утренней зорьки к стогу, и ни у кого из нас не было «ни пера, ни пуха».

В таких случаях мы знаем, что делают все охотники: подсчитывают ненайденных уток.

Такова уж традиция!

Каждый из нас не нашел по меньшей мере пять-шесть крякв, не менее чем по три чирка да по одной широконоске...

Все на одном озере охотились, потому и случаи были похожи друг на друга.

— Как ударил, знаете, ну, она камнем на землю и где-то совсем недалече — ляп! Искал-искал, не нашел! Трава густая, высокая! Ничего не поделаешь! Собаки нет. Эх, если б была собака, быть мне с пером и с пухом! Да еще с каким! Ни одного промаха ведь! Эх!

И так каждый.

Ну, погрустили, повздыхали... Да что поделаешь? Есть же еще и вечерняя зорька! Авось она будет более счастливой!

Лежим под стогом, беседуем.

Кто-то из нас — уж и не знаю, по какому поводу,— вспомнил, как он когда-то в гагару стрелял.

Дедок один, неведомо откуда-то прибившийся к нашей компании, тоже в разговор

встрял.

— Стрелял, — говорит, — и я гагару когда-то. Жил я тогда еще в Вовчанском уезде. Ах, и зверь, ах, и зверь гагара! Собака у меня была, ах, и собака, гончая! Вот и увязалась она за гагарой! Гонит и гонит, гонит и гонит! А я на пригорке стою и все вижу. Она, гагара, не очень-то и удирала. Остановится— собака к ней, а она только зубами: щелк! Собака шасть в сторону. А какая собака была! Ах, какая собака! Верхом на волка садилась! А вот гагару никак не возьмет. Все-таки нагнала на меня гагару, я выстрелил, из нее вроде как дым пошел, я гляжу — нет, не свалилась, бежит дальше, побежала и скрылась... А собака по следу мчится. Бился я, бился — поймал-таки зверюгу! Гагара — так оно что? Ни то ни се, не то лиса, не то волк. Я пану рассказал. А пан у нас ученый был, в предводителях ходил; так он мне и говорит, будто гагара та забежала к нам с той земли... ну, как она прозывается? С той самой земли, где город Ерусалим стоит. Ах, господи, да еще жена Каленика Тимофеевича Трындипляшки, у которого паровая машина была, туда ездила и говорила, как та земля прозывается. А я забыл... Стрелял, стрелял и я гагару! Чудной зверь, на наших не похож!

Насмешил нас дед своей гагарой.

Однако никто из нас и не спорил с ним.

Зачем, скажите, спорить, зачем разочаровывать симпатичного дедушку, который, быть может, уже лет сорок рассказывает в компании, как он гагару стрелял?

Ну, доказывайте ему, что гагара вовсе не зверь, а птица... Разве он вам поверит?

А может быть, и лучше, что не поверит? И еще где-нибудь будет рассказывать о своей гагаре, и еще, значит, компания где-нибудь весело похохочет.

Пускай рассказывает!

Мало ли таких «гагар» встречается в интересном, романтически-приключенческом житье-бытье охотников...

* * *

Гагара, разумеется, птица.

Но этого мало: птица-то она птица, но дело не в том, что она птица, а в том, что она интересная птица.

Интересна она именно для страстного охотника, особенно для азартного да еще молодого, для охотника-новичка.

А кто из молодых охотников, охотников-новичков, не страстный?

Нет таких!

И наверняка есть и такие охотники, которые не знают, что такое гагара, а знать им это крайне необходимо, в противном случае много интересного потеряют они в своей охотничьей жизни.

Гагара — птица, и размножается она не у нас, а на севере.

На наших озерах мы видим ее в начале сентября и позже, когда она пробирается с севера на юг.

По-латыни она называется «колимбус».

Длина ее 65—75 сантиметров, размер крыла 38 сантиметров, хвост 6 сантиметров.

Шея у нее длинная, клюв прямой и острый. Осенью она вся темно-бурая сверху, а голова и шея сверху тоже серые. Снизу гагара белая.

Как только увидите, что такая птица плавает на озере, подойдите поближе и прикиньте приблизительно: если имеет она длину 65—75 сантиметров, крыло 38 сантиметров, а хвост 6 сантиметров, то это и есть гагара.

Причем надо попристальнее вглядеться: может, и длина у нее 65—75 сантиметров, и крыло 38 сантиметров, а хвост все-таки не 6, а 5 или 7 сантиметров.

Так и знайте, что это уже не гагара.

Бывает и наоборот: хвост ровно 6 сантиметров, а крыло — 37 или 39.

Значит, и это не гагара, а что-нибудь другое.

А ведь вам нужна именно гагара. Иначе какое удовольствие оттого, что вы будете охотиться не на гагару?

Пальнете — птица и улетит.

А гагара — ныряющая птица, поэтому охота на нее имеет свои особенности и свою привлекательность.

Так вот, когда вы уже все измерения проверили и, наконец, убедились, что это именно и есть та птица, которую по-латыни называют колимбусом, можно начинать охоту.

* * *

Чем же привлекательна охота на гагару? А вот чем:

1. Когда вы охотитесь на гагару, то каждую минуту находитесь под впечатлением, что перед вами.

дичь. Вы не бродите в поисках утки: она весь день перед вами,

2. Гагара развивает у вас три вида спорта: охотничий, стрелковый и легкоатлетический.

3. Гагара облегчает ваше путешествие с охоты домой.

Бот приезжаете вы в село.

Из дому вы берете с собой полторы-две сотни патронов. Меньше брать никак нельзя, потому что, выезжая на охоту, всегда надо помнить, что может случиться такой перелет или обнаружиться на болоте такое скопление уток, что вы только то и будете делать, что палить да палить...

Представьте себе, что будет, если у вас вдруг не хватит патронов?

Да ведь вы руки себе будете кусать, когда утки на мушку вам будут садиться, а тут нечем стрелять!

Нет, охотник должен всегда иметь хороший запас патронов.

Итак, приехали вы, значит, в село с хорошим запасом патронов.

Тащить сразу все патроны на болото или на озеро нет никакого смысла: вы их оставляете у того крестьянина, у которого остановились.

А остановились вы, естественно, у того крестьянина, который живет неподалеку от озера или болота.

Уходя к озеру, вы берете тридцать-сорок патронов. Утренняя зорька была неудачной: стреляли вы мало, патроны у вас уцелели...

Отдохнув малость после утренней зорьки и как следует подкрепившись, вы опять идете к озеру. Авось увидите где-нибудь дичь.

На озере плавает какая-то птица.

Приглянулись, прикинули — гагара!

Смело идете к берегу, потому что гагара хотя и осторожная птица, но и не без того, чтобы не поиграть с охотником.

Подходите, прицеливаетесь!

«Бах!» — и нет гагары.

В тот самый момент, когда вы нажимаете «собачку», гагара ныряет.

На воде на том самом месте дробь поднимает целую бурю — и гагары нет!

Проходит минута, и вот шагах в трех от того места, где ваша дробь неистовствовала, из воды вылезает гагарачья головка.

Вы дергаете левую «собачку».

«Бабах!» — и нет гагары.

Пока вы быстренько перезаряжаете ружье, перед вами снова появляется лукавая птица.

Прекрасна она на воде: стройная, с длинной шеей и ослепительно белая, когда поворачивается к вам грудью...

«Бабах!» — и нет гагары.

Минута — и опять гагара.

«Бабах!» из левого ствола — и нет гагары...

Все ваши тридцать патронов вылетают в течение тридцати-сорока минут.

Но разве вы откажетесь от желания попасть в гагару?

Ни за что на свете!

Отказаться от того, чтобы украсить свой кабинет таким прекрасным чучелом?

И еще скажу: разве не приятно подарить жене шкурку гагары?

Убить двести-триста гагар, снять с них шкурки (у гагар они очень крепкие, и густой-густой пух на них!) и преподнести жене такое оригинальное и теплое пальто, какого ни у кого другого во всем мире не будет!

Да, я могу побожиться, что в самом деле ни у кого в мире такого пальто никогда не было и не будет.

Выпалив все свои тридцать патронов, вы вприпрыжку бежите к хате, где лежат ваши запасы.

Прибежали, опять набили патроны, взяли еще два десятка в карманы и опять на озеро.

Хозяйка кричит вам вдогонку:

— Может, пообедаете? Я борщ с карасями сварила.

— Потом... потом! — бросаете вы. — Гагара! Подбегаете к озеру, а гагара, голубушка, плавает себе да купается, перья свои клювом перебирает.

Посмотрит она на вас, и кажется, вот-вот вымолвит: «Приготовились! Начали!»

Она уже отдохнула и готова опять поиграть с охотником.

Начинается снова: — «Бабах!» из правого — нет гагары.

«Бабах!» из левого — опять нет гагары.

Расстреляли вы и вторую партию патронов, снова бежите в хату, снова берете патроны...

Зачем брать на озеро все патроны? Вы уверены, что вот этим-то выстрелом вы обязательно прикончите злополучную гагару.

Полезно даже и антракты делать: и вы отдохнете, и гагара отдохнет.

Вот так, бегая сюда-туда и стреляя в гагару, вы можете чудесно провести день в охотничьем пылу и напряжении...

Кроме того, будете возвращаться без лишнего груза, веселенький.

Горевать о том, что вам не удалось подстрелить гагару, не стоит. Она и на следующий год прилетит и доставит вам еще один приятный денек напряженной и интересной охоты.

Не надо забывать и того, что это замечательная проверка ваших стрелковых качеств.

Ведь вы прекрасный стрелок, поскольку дробь все время ложится в том самом месте, где только что была гагара.

Ни разу вы не промазали!

А это тоже что-нибудь да стоит!

Но можно ли вообще подстрелить гагару?

Можно!

Ну, хорошо, я уж вам, так и быть, открою секрет.

Дело, видите ли, в том, что гагара очень осторожная птица. И очень остроглазая: видит она на расстоянии в сто шагов так, как нельзя видеть даже через самый усовершенствованный бинокль.

Вот она плавает и как будто совсем не обращает на вас внимания...

А ведь в действительности она одним глазом про-

сто сверлит вас насквозь, замечает малейшие ваши движения.

И особенно внимательно следит она за вашим пальцем, за тем самым пальцем, который нажимает «собачку».

Как только он нажмет; вернее — лишь пошевелится, чтобы нажать «собачку», она — раз! И — уже под водой.

А ныряет гагара, как молния.

Выходит, что основная ваша задача заключается в том, чтобы не дать гагаре заметить тот миг, когда вы нажимаете «собачку».

Как это сделать?

Очень просто.

Если прикрыть курки картузом, то не будете видеть мушку.

Делается это так: вы становитесь к гагаре спиной, будто совсем не замечаете ее, ружье лежит у вас через плечо, в левой руке у вас небольшое зеркальце, и вы с помощью его прицеливаетесь.

Гагара думает, что вы пудритесь или вообще занимаетесь туалетом.

А вы как раз с помощью зеркальца прицелились и — «бабах!»...

Вот вам и гагара!

Какая радость, когда в ваших руках появится, наконец, настоящий колимбус 75 сантиметров длиной, с крылом в 38 сантиметров, с хвостом в 6 сантиметров!

Сразу же снимайте с него шкурку.

Есть гагару не рекомендуется: она сильно отдает рыбой.

Но нигде так, как в гагарачьей шкурке, не заводится моль!

БЕКАС

Бекас для охотника — это прежде всего собака!

Я и мысли не допускаю, что вы такое утверждение воспримете буквально.

Ясное дело, что бекас не собака, а птица, но каждый охотник знает, что охотиться на бекаса без собаки все равно, что справлять свадьбу без музыки.

В общем, если хотите говорить о бекасе, нужно прежде всего говорить о собаке, так как без легавой вы бекаса не то что не отведаете, но даже не увидите.

Значит, поговорим о... бекасе.

Бекас — небольшая болотная птица, серенькая, с беленьким на брюшке пушком, очень подвижная, с очень длинным клювом, длинненькими ногами; срываясь с характерным для нее криком, летит она как сумасшедшая.

Но какая же она вкусная!

Деликатес.

Имейте в виду, бекас — это одна из немногих птиц, которых жарят вместе с потрохами: клювик под крылышко, капельку масла и — в печь!

Редкий сорт дичи.

Если прибавить к этому сметанки да еще, не дай бог, чего-нибудь этакого, получится, скажу вам, такая

симфония, что... Словом, давайте сейчас же поедем за бекасами.

Но, повторяю, бекас без собаки и не деликатес и не симфония, вообще без собаки бекас не существует.

В таком случае давайте поговорим о собаках.

Что такое собака, вы все хорошо знаете; голова, четыре ноги, хвост и лает.

Теперь немного подробнее о породах охотничьих собак и, поскольку речь идет об охоте на бекаса, значит, о легавых собаках.

Вот какие породы бывают:

а) лавераки,

б) гордоны,

в) грифоны,

г) ирландские сеттера,

д) пойнтеры,

ж) спаниели,

з) пудель. Теперь эта порода везде переродилась, превратилась в «пунделя».

Какая же порода лучше?

Та, с которой вы ходите на охоту.

Стоит вам приобрести, к примеру, лаверака, как сразу же окажется, что такого ни у кого никогда не было и не будет.

— Какая собака! Не собака, а Эдисон. Факт. Вы только послушайте, что я вам скажу. Однажды мы охотились.

И пошло... пошло...

Хотите слушайте, хотите не слушайте, но такой собаки и впрямь никогда не было и не будет.

Какой же породы собаку посоветовать вам?

Такой, какую вы уже купили или собираетесь купить.

Начинающий охотник, над которым еще тяготеют охотничьи традиции, купив ружье, начинает искать собаку.

Теща его, как всегда, великодушная старушка, узнав о желании зятя, ласково и приветливо (как все тещи) говорит, сильно акцентируя на шипящих и свистящих согласных:

— Сс...сеттера надо купить. Шшшшикарная с..ссобака у Акулины Кузьминишшшны! Как она с...сстойки делает! А главное, аккуратная, ччистюля! Я попрошу Акулину Кузьминишшшну. У нее ссскоро щщщенки будут. Есссли, к счастью, не поиздохнут. Очень породистые щщщенки.

Месяц или два спустя вам принесут от Акулины Кузьминишны шшшикарного сеттера.

А как вы рады: это первая в вашей жизни охотничья собака. Ваша! Собственная!

Вы ее нежите, ласкаете, присматриваете за ней, как за ребенком, как за самым дорогим для вас существом.

Купили для своего сеттера ошейник, поводок и через некоторое время ведете его в охотничий клуб, в собачью секцию, на экспертизу.

Показываете суровому дяде и так на него смотрите, как в детстве смотрели на отца, когда он, суровый и озабоченный, бывало, ласково посмотрит на вас, а может быть, и приголубит.

— Ну? — спрашиваете. — Песик! Правда, хороший и чистокровный? А?

Суровый дядя смотрит на песика долго и внимательно, потом вскидывает свои глаза на вас и равнодушно роняет:

— Пундель.

— А мне сказали: сеттер!

— Значит, сеттер-пундель, — бросает дядя.

— А как же с ним дальше быть? — спрашиваете вы, трепеща.

— Что ж дальше? На этом поводке не стоит вешать: хороший поводок. Повесьте на простой веревке. Ни у его папы, ни у его мамы в крови сеттер даже не ночевал. Пундель!

Самые большие затруднения у начинающего охотника с первой собакой.

Потом уже будет легче!

Потом уже, когда вы познакомитесь и с охотниками и с их собаками, когда вы уже будете знать, что был на свете знаменитый Камбиз, черный, и пойнтер, и знаменитая Али, лаверак, и знаменитый Джой,

гордон, тогда вы сможете приобрести такого щенка, какой вам больше всего нравится.

Если больше всего нравятся пойнтеры, вам скажут:

— У Василия Ивановича есть сука пойнтер камбизовских кровей...

И вот вы приобрели, к примеру, чудесного пойн-теренка.

Привели, или принесли, или привезли песика домой.

— А правда, славный песик? — спрашиваете вы домашних.

Теща, поглядев на вас и на песика прищуренными глазами, уйдет в свою комнату, не проронив ни единого слова.

Жена ваша, Люда, сначала посмотрит на маму, которая в то же время приходится вам тещей, погладит песика по головке и скажет:

— Хороший песик. А чумка у него скоро будет?

— Пожалуй, скоро, — отвечаете вы.

— Хоть бы поскорее! Говорят, что если собака перечумует, так тогда уже не издохнет.

— Да, тогда уже не так скоро издохнет.

— А от самой чумки может издохнуть?

— Может.

— Ах, скорее бы чумка!

— Где же мы его пристроим? — ласково спрашиваете вы.

И тут раздается в соседней комнате голос тещи, которая советует, нажимая на шипящие и свистящие согласные:

— Двухспальную кровать ему поставишшшь, ччто ли? А может, отдельный диван?

— Мама, — успокаивает жена, — почему вы так волнуетесь? Ведь скоро чумка будет!

Начинается воспитание охотничьей собаки, воспитание, от которого зависит все: и добычливость вашей охоты, и вся красота, и наслаждение от охоты с охотничьей собакой высоких кровей.

Укладываясь спать, вы постелили и Джеку.

Джек грустит о маме, о братиках, о сестричках и так жалобно-жалобно скулит.

Ваша теща, выходя из своего укрытия, шуршит ночными туфлями, подходит к песику и ласково успокаивает его:

— Молчи, молчи, чтобы ты издох ему на радость! Вы в этот момент кашляете и говорите песику:

— Джеконька, спи, голубочек! И опять тещин голос:

— Спи, щенок, спи, миленький! Засни навеки, славная наша собачка!

Уснул Джек. Уснула теща, уснула жена, засыпаете и вы... И, засыпая, слышите, как жена во сне умоляет:

— Чумка, чумка! Чумочка! Скорее! Скорее! Скорее!

Вот так и растет у вас чистопородный Джек.

Прогулка с чистопородным крохотным песиком, если вам приходится пять-шесть раз спускаться с ним с пятого-шестого этажа, это очень приятное спортивно-гимнастическое упражнение.

Сразу же вы принимаетесь за обучение Джека, добиваясь, чтобы он усвоил разные охотничьи штуки: идти в ногу, приносить дичь, искать какой-нибудь предмет.

Особенно приятно учить собачку находить ваши ночные туфли.

Песик чистой породы за два-три дня постигает эту науку, а спустя две-три недели возле вашей кровати будут лежать уже все ночные туфли: вашей семьи, ваших соседей, вообще всех, кто живет с вами в одной коммунальной квартире.

Наступает веселое время, когда у вашего песика начинают прорезываться зубки. В одно прекрасное утро вы просыпаетесь оттого, что песик сильно скулит, а жена Люда сильно кричит:

— Модельные! Боже мой, модельные туфли!

— В чем дело? — недоумеваете вы.

— Съел мои модельные туфли! . — Ваш Джек съел мои модельные туфли.

Недели две жена обращается к вам на «вы»...

А еще через некоторое время с вашей уважаемой тещей у вас прекращаются всякие отношения на «ты» и на «вы», потому что от ее любимых ночных шлепанцев остались только две недогрызенные стельки.

Но все это пустяки. Все равно вы любите Джека, он уже носит поноску, ищет вещи, и вы сами уже видели, как он сделал первую стойку, поймав во дворе пеструю курицу.

Вы еще и «пиль» не сказали ему, а во рту у него уже весь курицын хвост в то время, как сама курица сидит на сарае и с отчаянием спрашивает:

— Куда-куда-куда? Куда-куда-куда?! Случается и такое: приходите вы, а с вами не хочет разговаривать даже ваш любимец, сынишка Юра.

— В чем дело? — удивляетесь вы. Молчание. Напряженная тишина. Только все ваше семейство как-то особенно сурово дышит.

— Юрочка, что случилось?

— Джек десять котлет слопал. А перед Новым годом еще более сложная ситуация в доме. Жена говорит:

— От индюка только архиерейский носик остался.

— С шейки, значит, начинал, — вслух размышляете вы.

Да и что еще остается вам сказать?

Так идут дни за днями, наступает годовщина со дня рождения вашего милого песика.

Настало время, когда хорошо было бы отдать песика в науку опытному егерю.

Егерь — это человек, который обучает чистопородных охотничьих собак. И сделает он из вашего Джека единственного в своем роде.

Только с егерем вы сами держите связь.

Одно могу сказать: пока собачка ваша у егеря, ходите вы в старом костюме и старых башмаках, а ваша жена не в состоянии купить себе новые модельные туфли.

И вы превосходно знаете, почем теперь овсяная крупа или пшено и что ваш Джек за месяц может съесть по меньшей мере четверку лошадей.

И вот, наконец, Джек вырос.

Первая ваша охота с ним на бекаса.

— Стойка!

— Пиль!

Джек бросается вперед, а из-под него выскакивает преогромнейшая жаба.

Возвратившись с охоты, вы рассказываете приятелям:

— Посылаю Джека: «Сбегай поищи, нет ли бекасов в том болоте». Джек побежал, заметался сюда-туда по болоту, бегал, нюхал, вдруг прибегает, высунув язык: «Что, — спрашиваю, — нет?» — «Нет»,— говорит...

* * *

А бекасов, товарищи, надо зажаривать, не разрезая их, а просто с потрохами.

Ах, какая это вкусная, благородная, нежная дичь!

С КРЯКУХОЙ НА ОЗЕРЕ

1

Ох, и камышистая же речка Оскол! Ох, и рыбная же она, ох, и утиная!

И утиная, и дупелиная, и бекасиная!

А какая вода в Осколе!

Нежная, ласковая, мягко-шелковая!

Если из города Купянска вы проплывете Осколом по течению километров двадцать, то увидите, как по взгорью разлеглось село Сеньков.

У Сенькова Оскол-река делится на три рукава-русла, а между ними, между этими рукавами-руслами, острова, буйным камышом закудрявленные, остролистником, осокой, дикою мятой...

Среди камышей тех буйных — озера-зеркала, а на озерах — кувшинки, белые лилии и ковры, ковры, ковры темно-зеленой ряски.

А посреди озера плесы, где вскидываются щуки, как корыто, где пускают пузыри золотистые караси, «ну, ей-богу, как лопата», и лини, «ох же и лини, вы никогда не поверите!».

И падают на те озера чирки, падают крыжни и широконоски.

И везде, везде среди камышей на реках наших маленьких и больших есть обязательно «белое» озеро и обязательно есть «камышовое». Более поздние названия озер-зеркал пошли либо от имени бывшего хозяина, либо от какого-нибудь события, свидетелями которого были озера-зеркала эти...

Может быть, сеча там была с турками или татарами, может быть, чья-нибудь буйная или смиренная головушка в том озере смерть приняла, вот и будет тогда «татарское» либо «турецкое» озеро, «Марусино», «Иваново» озеро...

А то, может, князь какой древний над озером шатер свой раскинул, когда на печенегов походом шел, и вот- с тех самых прадедовских времен зовется оно «Князь-озеро»...

А правнуки наши будут называть озера на реках наших, где происходили страшные бои с гитлеровцами: «Ковпак-озеро», «Молодчий-озеро» и вообще «Герой-озеро»...

...А близ села Сенькова, под горой, где закудрявился лес «Рыжок», есть озеро Сердюково и есть озеро Кирмасово...

И на Сердюковом озере и на Кирмасовом — ряска, и кувшинки, и лилии, и дух мяты, и шум камыша, и караси, и щуки, и сомы...

— Вы на Кирмасовом были?

— Нет!

— Ой! Да там же утки этой самой, что песку в море!..

2

Вы когда-нибудь охотились с крякухой?

И вообще знаете ли вы, что такое крякуха?

Не знаете?

Ай-ай-ай-ай! Как же это так, что вы не знаете, что такое крякуха?

Крякуха, или, как ее еще называют, «подсадная» утка, такая вроде самая обыкновенная с виду уточка, поменьше домашней, поменьше крыжня, но побольше чирка...

Некоторые утверждают, что кряква это помесь дикой и домашней утки, что для того, скажем, чтобы добыть уток-крякух, надо пустить весной домашнюю утку на озеро, чтоб ее там «потоптал» дикий селезень... И тогда из оплодотворенных таким образом яиц домашней утки вылупятся крякушонки...

Но на самом деле это совсем не так.

Крякухи — особая порода уток, выведенная, как нам сообщили, уже давненько в Тульской губернии; оттуда она и распространилась по всей стране...

По внешнему виду крякуха серовата, цветом пера напоминает крыжня. Однако она меньше крыжня.

Характерная ее особенность та, что когда она видит или даже не видит, а только слышит в воздухе шум полета одиночной утки или же утиной стаи, она «кричит», крякает, призывая летящих своих сородичей подсесть к ней, познакомиться.

«Ках-ках-ках! Пожалуйста, ко мне! Ках-ках! Очень вас прошу! Ках-ках-ках!»

Вот, следовательно, и служит крякуха приманкой для диких уток.

Хотите знать «технику», то есть то, как крякуху пускают на озеро или на реку, чтоб она вам уток приманивала?

Это очень просто.

На одну лапку крякухи нашивается такой кожаный чулочек, к нему прикрепляется небольшое кольцо.

К длинному шнуру, привязанному к кольцу на крякухиной лапке, прикрепляется «грузило», то есть гирька или простой увесистый камень, который погружается на дно озера, а крякуха, привязанная к нему шнуром, плавает, словно на якоре.

Предоставляете ей небольшую площадь, ну этак четыре-пять квадратных метров, где она, купаясь и тихонько крякая, плавает.

А вы в челне забираетесь в густую осоку или камыш, замаскировываетесь, сидите и ждете...

И со скуки перебрасываетесь словами с крякухой:

«Тась-тась-тась!»

А она в ответ вам тихонько и ласково:

«Ках-ках-ках!»

Но вдруг крякуха резко и тревожно, будто даже захлебывается:

«Ках-ках-ках! Ках-ках-ках!»

В голосе тревога, беспокойство, истерика, а сама она будто в воду нырнуть собирается.

Следите! Это стервятник-ястреб заметил вашу крякуху и кружит над нею.

Не зевайте! Ибо стрелой упадет ястреб — и не будет у вас больше крякухи...

Зорко всматривайтесь, не мелькнет ли где на воде или же на камышах тень крякухиного погубителя?

И без колебаний, заметив его: «Бах!»

Застрелили вы ястреба или не застрелили, но отогнали, второй раз вряд ли потянет его полакомиться вашей крякухой.

Успокоилась крякуха, успокоились и вы...

Опять слышите:

«Ках-ках-ках!»

Однако это «ках» какое-то неуверенное, равнодушное...

Это какая-то пташка порхнула через озеро, может, камышовка, может, выпь, а может быть, по ряске пробежала чернявенькая дикая курочка.

И снова тихо...

И вот вам призывное:

«Ках-ках-ках! Ках-ках-ках!»

Сколько нежности и лукавого кокетства в голосе!

«Я здесь! Я здесь! Ко мне, друзья!»

Вы смотрите вверх: проплывает стайка чирков...

Не все из них обязательно садятся, повинуясь крякухиному зову, но все же садятся...

3

Ну, пойдемте с вами на озеро Кирмасово.

Оно неподалеку от села, может быть, всего в километре...

Там, на Кирмасовом озере, дед Кирило карасей ловит; там в камышах стоит его челнок, и на камышах сохнут разостланные вентеры.

— А попадете ли вы на озеро? — спрашивает дед Кирило. — Я завтра вентеры не буду ставить, пойдите посидите с крякухой. Вчера, как въезжал в озеро, там такие крыжни поднялись, штук, верно, девятнадцать! И чирки были... Только ж попадете ли вы на озеро, потому как стежка туда по осоке чуть-чуть приметная? А само оно, озеро, густым камышом обросло... Глядя с дороги, никогда вы не скажете, что там есть озеро. Может, прийти к вам и проводить? — предлагает свои услуги дед Кирило...

— Нет, дедушка, лучше расскажите, по каким приметам отыскать это озеро, где сворачивать на стежку через осоку. Я один найду, а вы поспите! Потому что пойду я чуть свет.

— Так вы, значит, так... — поучает дед Кирило.— Пойдете этой дорогой по-над Осколом к лесу «Рыжок». Когда будете идти, слева под горой увидите стожки сена. Один стожок, второй, третий. Как насчитаете три стожка, немножко пройдете дальше и посмотрите направо. Будут там у дороги березки. Так дойдите до последней березки — она самая толстая — и оттуда уж смотрите на осоку. Берег там сплошь в осоке. Там заприметите вы узенькую стежку через осоку. Это, собственно, не стежка, а так вроде бы осока малость примята, потому как никто туда, на озеро, не ходит, кроме меня. Вы и ступайте той стежкой до камыша. Там, в камышах, вы увидите такие словно бы «ворота», это уже как подойдете близко к камышу, потому как издали тех «ворот» не видать. Когда подойдете близко к камышу, вода будет, да там неглубоко, в сапоги не нальется, идите смело! Как войдете в камышовые «ворота», увидите мой челнок. Челнок, правду сказать, плохонький, с течью, да там ковш лежит — будете воду вычерпывать. Протек дьявольский челнок. Это уж третий год как он протекает! Никак не соберусь законопатить и просмолить. Да это ничего, он выдержит, чаще только воду вычерпывайте. Весельце с собой возьмите, потому я без весла обхожусь, когда вентеры ставлю, я шестом. Плывите протоком между двух стенок камыша; проток хоть и узенький, но все-таки челнок пролезет; проток вас и выведет на озеро. Только ж, смотрите, не заденьте и не свалите мои вентеры. Как выедете на озеро, гребите к другому берегу — там уток больше. Там и плес пошире, чтобы крякуху пустить, и кусты рогозы есть, где очень удобно укрыться,— утка и не заметит...

...Ранехонько утром вы берете ружье, весло, корзинку, в которой покрякивает крикуха, и идете к Кирмасову озеру.

Темно. Кукарекают петухи...

Вы миновали крайнюю в селе хату. Впереди, вдалеке, темнеет лес «Рыжок». Справа блестит Оскол, тихонько шумят камыши.

Здесь запроектировано построить колхозную гидроэлектростанцию.

Вы пристально вглядываетесь влево, туда, где должны быть стожки сена.

Начинаются кусты... Вот и первый стожок, и второй, и третий...

А где же последняя березка? Самая толстая?

Ага! Вот и последняя, самая толстая березка.

А где же стежка через осоку?

Вы долго ходите около осоки, вглядываетесь, ищете, где она примята...

Вот она!

Вы уверенно идете «примятой» осокой, доходите до камышей. «Ворот» в камышах нет. Перед вами стена густого-прегустого камыша, который словно насмехается над вами.

Ну что, нашел? Ш-ш-ш! — издеваясь, шуршит камыш.

Вы возвращаетесь на берег и опять ищете «примятую» осоку.

Ищете, ищете и почти бессознательно мурлычете себе под нос:

Во саду ли,
В огороде —
Травушка помятая;
Не работа меня сушит,
А любовь проклятая.

Вы ловите себя на этих напевах и ругаетесь:

«А и верно: не работа тебя сушит, а любовь... только не «проклятая», а самая настоящая любовь к природе — к зеркалу-озеру, к тихим плесам, к посвисту утиных крыльев».

— Да нет, это же и есть та самая стежка, «примятая» осока!

Вы вновь бредете к камышам. Вот и вода. Чавкает вода под сапогами, которые вы с трудом вытаскиваете из трясины, ступив на кочку, а затем, перепрыгивая с кочки на кочку, приближаетесь к камышу.

Стой! Вот что-то вроде «ворот»!

Ползете по грязище сквозь «ворота». Вот и челнок!

Над камышом стрелой метнулся чиренок.

Крякуха ваша в корзинке, услыхав шум утиных крыльев, сразу:

«Ках-ках-ках!»

А вы ей:

«Тась-тась-тась! Не кричи, голубушка, сейчас выплываем на озеро, будешь там плавать, тогда уж и станешь кричать».

Вытолкнув челн на место поглубже, вы усаживаетесь и держите путь к озеру.

Челнок из непокорных. Он во что бы то ни стало хочет въехать носом в вентер деда Кирила.

Вы выруливаете на середину протока; вентер носом челнока не задет, но вы сами зацепили этот вентер веслом, и он падает на вас как раз своим широким отверстием, и голова ваша проскакивает в обруч, и вы уже точно пойманный карась.

А впрочем, в конце концов все-таки выруливаете и плывете к плесу, привязываете крякуху к грузилу— самому обыкновенному камню.

Бульк!

Камень в воду, и крякуха ваша, ныряя, плавает по плесу...

Быстрехонько вплываете в рогозу — в густой-прегустой куст рогозы посреди озера! — пригибаете ветви к стеблю и сидите под ним, словно в зеленом шалаше...

Заряженная централка лежит у вас на коленях, вы — весь внимание, напряжение...

Сереет. Над озером туманится...

Вот пискнула камышовка. Серенькая маленькая пичужка уже проснулась; с невероятной, акробатической ловкостью она перепрыгивает со стебля камышинки на рогозу, охватывает лапками тонюсенький ее стебелек и качается на нем...

Она вас совсем не боится: качается прямо над вашей головой — вот-вот за фуражку заденет...

Пробежала по зеленому ковру ряски курочка. Остановилась против челнока, смотрит удивленно: она здесь все лето живет, а такого еще не видела.

Вы шевельнулись, курочка метнулась и исчезла.

Крякуха покрякивает спокойно:

«Ках-ках-ках!»

Нет, значит, пока ничего...

Но вот внезапно что-то большое шумно пронеслось мимо вашего челнока и уцепилось за рогозу, зажав в лапах несколько стеблей сразу. Стебли пригнулись к самому челноку...

На вас смотрит, оторопев, большая рыже-серая неуклюжая птица.

Она отродясь не видела в этой рогозе ни челнока, ни писателя.

А он тоже оторопел и остолбенело смотрит на нее широко раскрытыми глазами.

«А-а!..» Да это же выпь, пугающая детей своим громким над камышами: «Бу-у-у! Бу-у-у!»

Вы делаете чуть заметное движение —и выпь, шумно рассекая рогозу, исчезает.

Крякуха всполошилась:

«Ках-ках-ках!»

«Тась, тась, тась! Спокойно! Выпь никакой тебе не враг!»

...Солнце! Солнце! Его первые лучи ударили по камышу, по плесу...

Золотой стала ряска, плес —огненное зеркало, и в этом зеркале купается золотая крякуха.

Растаял туман. Вдруг призывное:

«Ках-ках-ках! Ках-ках-ках!» —заливается крякуха.

Высоко-высоко над озером проплыла стая крыжней...

Не приземлил их крянухин клич-призыв, промчались дальше...

Ой, что это такое?

Крякуха что-то слишком далеко от камня отплыла.

«Тась-тась-тасъ! Куда это ты?»

А она трепыхнула крылышками и поплыла... в камыши. Отвязалась!

«Тась-тась-тась!»

Да куда там! Где-то уже довольно далеко в камышах откликается:

«Ках-ках-ках!»

Возможно, это она откликается на ваше «тась-тась», а возможно, встретилась с крыжнем, знакомится.

Прощай, крякуха! Первый раз не повезло!

А Иван Кириллович (чья крякуха) очень настойчиво просил и наказывал:

— Смотри же, чтоб не отвязалась! Они, крякухи, такие: носиком развязывают узелок на кольце — и тогда прощайте!

Ой, что же делать? Что же этому Ивану Кирилловичу сказать?!

Но не всегда крякуха отвязывается. Это у нович-ка-крякушечника так порой бывает...

А если нормально, то крякуха плавает, плещется, покрякивает.

И вот вам призывающее:

«Ках-ках-ках! Ках-ках-ках!»

То осторожная лысуха выплыла из камышей. Она озирается по сторонам, клонит голову на левый бок и правым глазом смотрит на небо, на солнце. Она ведь слышала, а возможно, и видела, что в озеро заплыл челнок, а теперь никого нет, только уточка свободно плавает и, никого не боясь, купается. Осторожненько, тихохонько, раздвигая ряску, лысуха плывет к крякухе.

Ах, какая же ты, лысочка, доверчивая!

На крик-зов крякухи по-разному реагируют пролетные утиные стайки и одиночные дикие утки.

Вот летит стая чирков. Их двенадцать.

Заслышав крякуху, они вдруг сворачивают к озеру, быстро облетают озеро раз, потом исчезают за камышами и снова появляются над озером, но уже немного пониже... Ишь, какие осторожные! Зорко всматриваются: нет ли где на озере чего-либо опасного?..

Вы сидите в челноке, скрытом за рогозой, и — ни звука! Тогда они падают на озеро, словно кто-то из сита просыпал.

Но падают далековато от крякухи, вразброд, не кучею.

Упали и с минуту сидят, как набивные чучела, неподвижно.

И только через некоторое время начинают подплывать друг к другу, медленно приближаясь к крякухе...

Вы не шевелитесь, ждете, пока они сплывутся, чтобы затем одним выстрелом свалить их, ну если и не все двенадцать, то, на худой конец, немногим меньше... Но только немногим!

Сидите, задумавшись, или, заметив в стороне курочку, наблюдаете, как она по ряске перебегает...

Крякуха спокойно покрякивает...

Вы перевели взгляд на крякуху, а на том месте уже не одна, а три птицы плавают...

Когда они прилетели, как очутились возле крякухи? Вы на этот собственный вопрос только плечами пожимаете. Вы всматриваетесь: где же ваша крякуха, а где гости?

Наконец разобрались...

— Да отплывите же от крякухи, потому что не могу я пальнуть: могу крякуху задеть...

И когда они, перебирая носами ряску, отплывают, тогда: «Б-б-бах! Ба-б-б-бах!»

«Ках-ках-ках!» — восклицает крякуха.

И камнем валится пара крыжней. Даже крякуха перепугалась и шарахнулась от них...

Они сплываются. Кажется, крякухи не заденете, так как ваше ружье бьет кучно.

Вы целитесь в первого, который поближе к вам, с надеждой, что заденете и второго, плывущего за ним...

А знаете, как целить в сидящую утку?

Не в нее непосредственно надо целиться, а под нее.

«Бах» — первый крыжень завертелся на месте и вдруг ныряет, второй с криком срывается и летит на вас. Этого вы бьете влет... И, представьте себе, падает и этот... Тем временем выныривает первый, убитый...

Гордостью так и пышет от вас!

Вот если б сейчас вас увидели те, кто всегда допытывается, заметив уток на ваших тороках:

— Дороги ли нынче утки?

А если сядет на плес тучей стая крыжней — может, тысяча, может, две тысячи, может, пять тысяч!..

Да что там говорить! Охота с крякухой — очень добычливая, спокойная охота, особенно для охотников, которые уже в годах, которым бродить по болотам и лазить по камышам уже... ну, как бы выразиться... тяжеловато...

Только не слишком увлекайтесь.

Убили десятка четыре или пять и ступайте себе домой. Не надо обязательно пятьсот или тысячу! Это слишком много.

А так — одну на борщ, а одну на жаркое с яблоками или с брусничным вареньем. И хватит с вас.

Дед Лука был вообще прекрасным охотником и еще более прекрасным крякушечником. И крякухи у него были такие, как ни у кого другого на свете.

— Я, — рассказывал дед Лука, — пущу, бывало, крякуху и сижу. А тут вдруг —туча! Села возле крякухи тьма-тьмущая крыжней! Может, тысяча, может, две, может, пять тысяч! Я засмотрелся да как двинул из обоих стволов разом! Как взвились они, ну, я вам говорю, как буря! И ни одна не лежит! А мне невдомек, что двинул я из обоих стволов не в уток, а в камыш. Заворожили они меня! Да!

Дед Лука никогда не говорил: «выстрелил» или «пальнул», а всегда он говорил: «двинул».

— Да! Так вот... Один раз сижу я с крякухой, как вдруг налетает на плес, ну, словно туча! Может, тысяча, может, две, может, пять тысяч! Разве их сочтешь, когда они друг дружку давят. Я прицелился и как двину из обоих стволов разом! Подплываю на челноке, подбираю. Одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать... пятнадцатая... на веревочке. Крякуху убил! Ох же, и крякуха была! Единственная на свете!..

Расчудесная штука — охота с крякухой на чудесном «Ковпак-озере»!

Так оно, это озеро, скоро будет называться.

ФАЗАНЫ

— Дедушка, а когда ты меня на охоту возьмешь? Я тоже хочу зайчиков стрелять!

Вот так всегда маленький Павлик упрашивал своего дедушку-охотника, как только тот брался за ружье.

Дедушка гладил Павлика по головке:

— Возьму, возьму, Павлик! Ты еще маленький, подрастешь, тогда и возьму...

Дедушка очень любил своего маленького внука и всегда рассказывал ему про зайцев, волков, лисичек, про всех зверей, на которых он охотился.

А однажды он пришел из лесу и говорит:

— Павлик, а я фазана видел.

— Какого фазана?

— Такого, как мы с тобой видели в зоологическом парке!

— С таким вот красным хвостом? С таким большим, что даже в дугу сгибается?

— С таким самым! Фазанов, Павлик, привезли в наш лес из далекого Казахстана! Теперь они у нас будут выводиться.

— Дедушка, возьми меня, пожалуйста, в лес на фазанов охотиться!

Дедушка как-то загадочно улыбнулся и говорит:

— Хорошо, Павлик! Завтра пойдем в лес к фазанам.

Маленькому Павлику так хотелось пойти с дедом на фазанов, что он и ночью просыпался и все спрашивал маму:

— Мама! Скоро ли утро?

— Спи, Павлик! Спи! Дедушка без тебя в лес не пойдет. Раз уже он сказал, что возьмет тебя, значит возьмет...

Рано-рано проснулся Павлик, видит, дед уже ходит по комнате, одетый в валенки, в ватные брюки и кожушок...

— Дедушка, — взволновался Павлик, — а меня разве не возьмешь?

— Возьму, Павлик, возьму! Одевайся! Только теплее оденься: видишь, сколько за ночь снегу намело.

Павлик тепло оделся: и свитер, и теплые рейтузы надел, и валенки, и шапку-ушанку... — Ну, я уже готов, дедушка! Бери ружье и пойдем!

— Нет, Павлик, мы сегодня ружья брать не будем! Мы что-то другое для фазанов сегодня возьмем. Идем!

Вышли дедушка и Павлик из дому и направились к повети.

А там дедушка заранее приготовил несколько снопов ячменя. Не вымолоченных, с зерном.

Среди больших снопов было и несколько маленьких— для Павлика.

— Вот с какими «ружьями», Павлик, мы будем с тобою охотиться на фазанов!

И дедушка рассказал внуку о том, как нужно оберегать зимой птиц, и не только фазанов, привезенных совсем недавно в наш лес, но и куропаток, синичек и щеглов, которые зимой не могут найти себе пищи...

Дедушка с Павликом пошли в лес, расчистили на поляне снег и положили снопики ячменя...

— Давай, Павлик, спрячемся вот тут за орешником! Посмотришь, какой красавец фазан сейчас к ячменю прибежит.

И действительно, едва только они присели за куст орешника, сбоку что-то закряхтело, зашевелило крыльями... Чудесный красный красавец фазан с хвостом дугою пробежал к снопу и начал клевать зерно.

Дедушка обнял Павлика и говорит:

— Вот так, Павлик, поступай всегда! Зимой, когда много снега, подкармливай птичку в лесу. Хорошо?

— Хорошо, — ответил Павлик,

ПЕРЕПЕЛКА

Чудесная птичка.

Серенькая, с черненькими на перышках крапинками.

Миниатюрная курочка.

Вылупит своих желтеньких, пушистых перепелочек, таких вот маленьких, водит их за собою и клохчет.

Ах, ты моя матушка-наседочка!

Да где же тебе клохтать, когда ты ведь сама еще цыпленочек!

А клохчет! По-настоящему клохчет и на врага бросается, если он ее деточкам угрожает.

Ничего не поделаешь: мама! мать!

Та самая мать, о которой дети наши поют:

Где была, где была, перепелочка,
Где была, где была, крохотуленька?
Вот она упала
И к земле припала...

Любит наш народ перепелку: и в раннем детстве любит и в зрелые годы любит ее.

Вот, к примеру, идет озабоченный голова колхоза.

Голова у головы колхоза раскалывается от разных мыслей: «А закончат ли сегодня шаровку?»,

«А пропололи ли озимую пшеницу?», «А будет ли...», «А есть ли...»

Внезапно из яровой пшеницы стаккато:

«Пать-падем!»

«Пать-падем!»

«Пать-падем!»

Морщинки на лбу у головы колхоза разглаживаются, глаза светлеют, все лицо становится спокойным, на усах его раскрываются лепестки улыбок, он останавливается и начинает считать:

— Раз! Два! Три! Четыре! Ах, бьет! Ах, сукин кот, как же он бьет!

Вот и отдохнула у головы голова!

Любит наш народ перепелку и тогда, когда она бьет в сетчатой клетке под крышею во дворе!

Любит наш народ перепелку и тогда, когда ее полно в кастрюле и она, сдобренная сметаной, стоит на столе, а хозяйка в вышитой рубашке режет булку.

Чудесная птичка!

* * *

«Вечер.

Ночь...»

Пусть простит меня Павло Григорьевич Тычина за этот небольшой плагиат — я это делаю нарочно, чтоб напомнить ему, что он вместе со всем советским народом тоже любит перепелку.

Вот когда уже наступает летний вечер, вы обращаетесь к матери:

— Мама, я с дедом Матвеем перепелов пойду ловить!

— Еще не набегался?

— Пустите, мама! Ей-бо, пустите!

— И когда оно набегается? Целый день как юла!

— Можно, мама? Я буду слушаться, ей-бо, буду слушаться!

Мама молчит, и не ворчит, и не ругается!

Да я уже знаю, что можно!

Сразу же в хату, краюха хлеба за пазуху — и к воротам.

А мать:

— Ты хоть чумарчину * набрось!

— А! — бросаете вы и вприпрыжку, вприпрыжку, не дорогой, а по зеленому спорышу** мчитесь к деду Матвею.

Бежишь и знаешь, что у деда Матвея уже в кармане тот манок, что делает: «Сюр-сюр! Сюр-сюр!» — так, как перепелочка к себе перепела кличет.

Так и дед Матвей будет сидеть, привлекая перепелов под сетку.

А сетка тоненькая-тоненькая (ой, как же чудесно умеет дед Матвей такие сетки плести —и на перепелов, и на рыбу, и на мотылька!) —такая сетка, будто самые нежнейшие узоры, которыми украшает Ганна свои сорочки, — такая сетка уже лежит у деда в кошелке, а у кошелки стрит клетка, покрытая сеткой.

В ту клетку дед впустит пойманного перепела, И не прутьями заплетена клетка, а покрыта сеткой; если пойманный перепел будет биться, так чтоб он себе о прутья голову не побил.

Пойманные перепела очень сильно трепыхаются в клетке, на волю хотят вырваться и до крови разбивают себе головки о твердые прутья. А от сетки они только отскакивают, и ничего им не делается.

— Здравствуйте, дедушка! — запыхавшись, произносите вы.

— Здоров, здоров! — говорит дед Матвей. — Пойдем, дедушка? — опасливо спрашиваете вы, и вам так хочется в самую дедушкину душу вскочить.— Пойдем?.. Ох, и пать-падемкали, когда я с отцом на сенокос ехал! Штук сто! Вот пать-падемкали!

— Пать-падемкали, говоришь?

— Ой, дедушка! Даже до сих пор в ушах звучит!

— Звучит, говоришь?

— Ох, и звучит! Штук сто!

— Сто, говоришь?

— А может, и целая копа! ***

— Копа, говоришь? А что больше — копа или сто?

— Копа, дедушка, больше! Если копа яиц, то полнехонькая кошелка!

— А если сто?

— А если сто... Если сто? Если яиц, то, может, только на яичницу.

— Ишь как! Очень много пать-падемкали? В клетку не влезут!

— Так мы их всех не будем ловить!

— Ага! Ну, тогда, может, пойдем! А я думал, что целую копу надо ловить, да и перепугался! А если можно не всех, тогда пойдем!

Ну, тут такие идут прыжки, что и Бровко начинает прыгать, и вы уже на сене у хлева верхом на Бровке сидите и щекочете его.

— Не балуй, — говорит дед, — еще укусит.

— Не укусит! — кричите вы и вместе с Бровком летите вверх тормашками с сена в

спорыш.

— Ну, собирайся, пойдем, — бросает дед.

— А вы, дедушка, то, что «сюр-сюр», взяли?

— Взял!

— А дайте я сюркну! Один только раз!

— Идем, идем! Потом сюркнешь!

Пошли...

* * *

Ну, еще раз:

«Вечер.

Ночь...»

Собственно говоря, вечер уже прошел, и уже сама ночь!

Я не буду ни у кого спрашивать, что такое украинская ночь, потому что еще лет сто с гаком назад Николай Васильевич Гоголь очень настойчиво спрашивал вас:

«Знаете ли вы украинскую ночь?»

И тут же с грустью упрекал всех:

«Нет, вы не знаете украинской ночи!»

А за эти сто с гаком лет, я полагаю, вы уже присмотрелись и знаете, что оно такое украинская ночь!

Так что, по-моему, пояснять излишне.

Если бы теперь я шел такой ночью с дедом Матвеем перепелов ловить, я обязательно бы смотрел на деда и думал: «Да не выкручивайтесь, дедушка, не выкручивайтесь, потому что душа у вас поет, ей-бо, поет:

Ночь какая, господи, месячная, звездная,
Видно, хоть иголки собирай...

А когда, дедушка, ваша душа споет эту песню, вы немного задумаетесь, тяжеленько вздохнете, а потом снова в душе вашей, дедушка, срывается:

Месяченько бледнолицый,
Ты за тучку лучше скройся,
Нет на свете больше милой,
Той, которую любил я...

Да не об этом той ночью мне думалось, не об этом гадалось...

Самое главное, что меня интересовало: будут ли пать-падемкать? И целая ли копа запать-падемкает?

Едва только вышли за село, за старую грушу, что над шляхом стоит, свернули на межу, как вдруг один:

«Пать-падем!»

«Пать-падем!»

За ним второй, а там еще, и еще, и еще!

— Ага, дедушка, слышите?

— Слышу!

— А копа будет?

— Две копы!

— Аж две! Ого!..

Проходим далеко-далеко межой. За курган. А справа и слева стена озимой пшеницы.

А на меже ромашки, молочай, чебрец, колокольчики...

Тут уже дед Матвей останавливается, вытаскивает из кошелки сетку:

— Держи, — говорит.

Я держу за одну сторону сетки, а дед Матвей ее развертывает, распрямляет:

— Заноси!

Вот мы с дедом заносим сетку и набрасываем ее на пшеничные колосья у межи.

Тогда дед вынимает манок, и начинается:

«Сюр-сюр! Сюр-сгор! Сюр-сюр!»

Тихо.

Дедушка снова:

«Сюр-сюр! Сюр-сюр!»

И вот слева, точно молотком:

«Пать-падем!»

«Сюр-сюр!»

«Пать-падем!»

И на каждое дедушкино «сюр-сюр» — все ближе, все ближе нервное «пать-падем».

И уже слышно страстное:

«Ха-вав! Ха-вав!»

А за ним сразу и боевое:

«Пать-падем!»

Вот-вот он уже совсем близко! Уже слышно, как шелестит пшеница, как его «ха-вав» и «пать-падем» будто у самого вашего уха!

«Ха-вав!»

Он уже под сеткой. Я его уже вижу! Я вижу, как крутит он головкой сюда и туда, как на ножки становится, выискивая свою очаровательную обольстительницу!

«Ха-вав!»

Дед Матвей молчит, и он его теперь уже видит, он любуется этим влюбленным прелюбодеем:

«Ха-вав!»

Дед Матвей внезапно бьет в ладоши и встает.

Перепуганный любовник срывается, бьет головою в сетку и запутывается.

— Ага, парнишка, — улыбается дед Матвей, освобождая серенького перепуганного птенца из сетки.— А будешь за чужими молодицами, запыхавшись, бегать? Будешь в гречиху прыгать? А? Есть один!

Перепел подпрыгивает в клетке, бьет головою о мягкую сетку и падает на дно.

Я не знаю, у кого сильнее трепещет сердце — у перепуганного перепела или у меня?

— Ты не прыгай, глупыш, не прыгай! — уговаривает дед Матвей перепела и прикрывает клетку своею свиткою.

И снова:

«Сюр-сюр, сюр-сюр!»

И снова где-то в гречихе:

«Пать-падем!»

И другой уже в клетке... И третий!

Я смотрю на небо, а оно глубокое-глубокое и синее-синее, а звезд тех, звезд! Сколько ж коп тех звезд на небе?

В глазах у меня что-то будто полегоньку щемит, я кулаками протираю глаза и сладко-сладко позевываю.

И едва-едва слышу, как дед Матвей говорит:

— Э, парнишка, уснул!

А потом укрывает меня чем-то теплым. Это дедушкин пиджак.

И я уже не слышу ни «ха-вав», ни «пать-падем».

И только под утро, когда так не хочется из-под дедушкиного пиджака вылезать, слышится:

— Вставай, сынок, вставай! Домой пойдем! Там доспишь!

Выскакиваю из-под пиджака, к клетке, а там уже семь!

— Ого!

— Ну, пошли, сынок, пошли!

* * *

С ружьем охотятся на перепелов осенью, когда просо кланяется хозяину полными метлами пшенной каши, а вокруг проса, куда взгляд бросишь, одна стерня, и копны, и скирды...

Вот тогда на просище с собакой интересно настрелять полненький ягдташ перепелок,

Они тогда очень сытые.

Они заплывают жиром, и, если вы их пощупаете перед вами не птица, а ком масла.

Когда охотитесь на перепелку со своею собственной собакой, то это наивысшее наслаждение

— Пиль!

«Бах!» Есть!

— Пиль! «Бах!» Есть!

Так что вы потом имеете полное право всем говорить:

— За какой-нибудь час-полтора мой Ральф подал мне шестьдесят семь перепелок. Насилу успевал!

— Пиль! «Бах!» Есть! — Пиль! «Бах!» Есть!

— Вот собака! Ах, и собака!

Когда вы вернетесь с охоты домой и принесете шестьдесят семь перепелок, не забывайте двух правил после перепелиной охоты:

Первое: обязательно почистите ружье!

Второе: не объедайтесь!

---

* Чумарчина — кафтанчик.

** Спорыш — мелкая однолетняя трава, растущая на склонах и у дорог.

*** Копа — 60 штук.

ВАЛЬДШНЕП

— Что ж... Может, на вальдшнепов поедем? — спросил я своего верного товарища по охоте. — Оно хоть и поздновато, но, возможно, какой-нибудь еще и замешкался у нас. Да и Ральфа нужно проверить, не забыл ли он за зиму, как стойку делать. Поедем, малость проветримся.

— Нет, не поеду! Весенней охоты я не признаю! И тебе не советую! Я противник весенней охоты!

— Почему? Весною в лесу красота какая!

— Вот потому, что красота — я и противник! И задумался, задумался мой верный товарищ. А потом и спрашивает:

— Был ли ты когда-нибудь молодым?

— Кажется, — говорю, — был! А что?

— Когда-то и мне, — говорит он, — было восемнадцать лет. И были тогда у меня глаза, как сливы, и кудри, как песня. И была тогда весна. А Галя, что жила там, за садиком, как перейти леваду, так Галя та, поверь мне, была краше весны! Такой осанки, очей, косы, такого голоса и взгляда, — вот присягаю тебе!—не было ни у кого на свете! Мои глаза, и мои кудри, и все, что в груди моей билось и горело, все было для Гали, а Галин взгляд — для меня.

«В субботу вечером, когда папа с мамой уснут, приду», — сказал я Гале.

«А я буду ждать. В клуне», — зарумянилась, зарделась Галя.

Настала суббота.

Ой, как же долго, мучительно долго в ту субботу не вечерело! И целый день тогда из сердца моего лилось:

Когда б уже вечер
Да повечерело...

И батюшка в ту субботу долго вечерню служил. И отец мой почему-то долго-долго во дворе возился, а мать все чего-то на одном месте топталась... И почему, скажи ты мне, в такие субботы время не на рысаках ездит, а на волах, да еще на таких ледащих, что все бичи и все кнуты о них, клятых, изломал бы?! Наконец-то родители улеглись и уснули. Какую ж я в тот вечер рубашку надел, как же я свои кудри расчесал и сапоги как я начистил! А суконная чумарчина на одном плече, как перышко. И пошел! Нет, вру: не пошел, а полетел. За садочек. Господский тогда был тот садочек. Весь липами обсажен, Большими-большими липами.

И был май. И липовая листва едва только распустилась, прижмется к веткам и потихонечку-потихонечку шепчет. А месяц на липы золото ковшами сыплет. И цвела сирень, и ландыши цвели. А соловьи, а соловьи! Что-то невероятное! Особенно мне врезался в память один. Он не пел, а рыдал над своею любимой, которая где-то совсем недалеко от него, под кустом, своим теплым тельцем укутала шоколадные яички. Он

умолял:

Люби! Люби! Люби!
Целуй! Целуй! Целуй!

На минутку остановится и снова: «Люби! Люби! Люби!»

И каждое это его «люби!», каждое его слово «целуй!», вылетая из пылкой соловьиной груди, окутывалось запахом сирени и ландышей, украшало веночком трепетное сердце его любимой, которая согревала под кустом будущих своих соловушек.

И шел, я помню, через леваду... Узенькая тропиночка над ручейком. Ручеек с камешками играет: подбежит, плеснет на камешек, сверкнет смехом и побежит дальше. А над левадою — нежные-нежные шатры из золотой кисеи, ясные-ясные, как Галины очи. А дальше вербы стоят, стоят и тихо-тихо — думу думают. За вербами Галин огород, а с огорода во двор перелаз... И вот я на перелазе. Стал. Сердце «тех-тех-тех».

...Как вдруг кто-то как технет меня колотушкой по шее, я только — ой!

— К Гале, чертов парень?! Я тебе покажу Галю!

Оттуда к леваде я бежал, должно быть, быстрее, чем к перелазу.

На леваде я упал в траву и зубами рвал ту траву.

Я плакал. Плакал не от боли, нет. Я плакал оттого, что я не видел Гали. Давно это было...

Но и теперь, когда меня иногда уговаривают поехать на весеннюю охоту и стою я где-нибудь над озером и вижу, как на утиный крик, в котором и желанье и просьба —да где там просьба, мольба! — когда на такой крик мчится зачарованный селезень и камнем падает в воду, — прекрасный, как сказка, в своем весеннем наряде, как писанка, раскрашенный всеми цветами, — я замираю. Вот так же и я бежал по леваде к Гале...

И когда я поднимаю ружье и беру его на мушку, я не селезня вижу на озере, я вижу себя на перелазе и... опускаю ружье!

— Нет, друг мой, весною я не охочусь. Я люблю полевать осенью. И утку, и вальдшнепа, и все...

* * *

Вальдшнеп, или лесной кулик, — благородная птица, немного меньше нашего голубя, темно-рыжего цвета, с долгим, как у всех куликов, клювом и длинными ногами. Вальдшнеп, как сказано, птица лесная, у нас не выводится, а только перелетает: вес-

ною, когда путешествует на север, на места своего гнездования, и осенью, когда возвращается в теплые края.

Тогда в густых кустарниках, а особенно на опушках у нас на Украине появляется вальдшнеп — и поодиночке и целыми стаями, так называемыми высыпками. Вот тогда и охотятся.

Охотятся с охотничьими собаками и на «тяге»...

Тяга — это то самое, о чем И. С. Тургенев сказал:

«Вы знаете, что значит стоять на тяге?»

Итак, на тяге можно стоять.

Но стоять, как вы знаете, можно и на улице. И в комнате можно стоять.

Тяга не похожа ни на улицу, ни на комнату.

Тяга — это совсем наоборот.

Тяга — это когда весною или осенью вальдшнеп перелетает, «тянет» с одного места на другое. Утром и вечером.

Бывает это чаще всего над балкою, когда в вечерних сумерках над деревьями покажется силуэт вальдшнепа.

И вы его стреляете.

Вы идете на тягу заранее, чтобы до сумерек выбрать место, осмотреться, примериться.

Осень...

Лес стоит задумчивый, печальный: ему вот-вот придется сбросить пышные свои одежды, подставить свои ветви дождям холодным, метелям снежным.

Листва с печали желтеет, а кое-где с тоски наливается кровью.

Вот падает кленовый лист: умер он, оторвался с родной ему веточки и падает.

Он не падает на землю отвесно — нет.

Ему так не хочется идти на вечный покой, лежать и тлеть среди умерших собратьев своих...

Он кружит на прогалине, то вверх взлетает, то устремляется к земле.

Ой, как не хочется ему тлеть!

Последним конвульсивным движением он порывается вверх, к свету, к солнцу, что так ласкало его, так голубило...

Но нет уже сил у кленового листа, нет уже в нем жизни, кленовый лист падает на землю и затихает...

Весною на его месте будет молодой лист, зеленый, он с ветром будет разговаривать, хватать жилками своими солнечный луч, под дождем купаться и росой умываться...

Чтобы потом умереть...

Старое отживает, новое нарождается.

«Хор-хор-хор!» — слышите вы «позывные» вальдшнепа.

«Б-б-бах!»

— Ну, что? — кричит вам с другого конца балки приятель. — В кого попал? В пуделя?

— В пуделя! — отвечаете вы.

— Я так и знал! — иронизирует приятель. А вы себе думаете: «Слава богу, что пудель! Пусть пташка себе живет!»

Точно так же очень интересно охотиться на вальдшнепа и с собакой.

С хорошей, само собой разумеется, собакой.

Стойка... «Пиль!..» «Бббах!» и т. д. и т. п.

А мне сдается, что охотиться на вальдшнепа с собакой не так даже интересно, как об этом рассказывать.

— Мой Ральф... Не успел я вылезть в Святошино из трамвая, смотрю: он уже потянул. Я за ним. Тянет, тянет, тянет... Я за ним... Уже и Ирпень пробежали, а он тянет... Гляжу, вот-вот уже Коростень, а он тянет.

— Слушай! — перебивает один из гостей, — давай выпьем и закусим, а потом уж пускай он и дальше тянет...

ЛЕБЕДЬ

1

Прекраснейшие места на реке, на Северном Донце...

Вам никогда там не доводилось бывать?

Если не доводилось, обязательно побывайте.

Из Харькова вы рабочим поездом доедете до Змиева.

Змиев — живописный городок, теперь районный центр Харьковской области, — он расположился на Северном Донце.

В Змиеве вы возьмете лодку и поплывете по течению Северного Донца...

А плыть вам надо в июне...

Вы потихоньку плывете и любуетесь чудесными видами: налево зазеленеют заливные луга, — зеленые они, те луга, зеленые и ароматные, расцвеченные и ромашкою, и клевером, и колокольчиками, а иногда среди зеленой сочной травы ярко загорится цветок степного тюльпана или дикого мака.

И сколько вы будете плыть, столько вас будут приветствовать своим щебетанием веселые желтобрюшки, канареечные трясогузки, западьпадемкают в вашу честь перепела и затрещит коростель.

С прибрежного песочка с посвистом сорвутся кулички, а в заливе, укрытом желтыми и белыми лилиями, вас встретит, точно почетная стража, серая цапля.

На правом высоком берегу в кустах орешника зальются соловьи...

Так потихоньку вы поплывете до Коропова хутора.

Приближаясь к Королеву хутору, Северный Донец ширится, делается полноводным, углубляется — тут он уплывает в лес, — с обоих берегов над ним склоняются зеленые ветки густо-зеленой ольхи, остролистых кленов, стройных дубов, березок, граба, создавая над ласковой рекой сказочную аллею-тоннель.

Стоят на высоких противоположных берегах деревья и будто здороваются, протягивая друг другу зеленые ветви-руки.

Когда выплывете вы из аллеи-тоннеля, на вашем пути будет небольшой островок, зеленый-зеленый островок, заросший и ольхой, и вербами, и рогозой, и высоким-высоким камышом.

А на том на островке под старой раскидистой дуплистой вербою шалаш увидите — плохонький шалаш, камышом кое-как прикрытый, а сверху еще ветками, и рогозой, и травой, чтоб от дождя было где приткнуться...

И в шалаше зеленой травы настелено, чтобы можно было при случае, если уж очень глаза слипаются, подремать часок-другой.

Вон там, перегонов, может, через пять, если рекою, там будет паром, чтобы с левого берега можно было переправиться на правый, потому что на левом берегу вон куда пошли луга и луга, а на правом берегу среди леса большая поляна, где расположился Коропов

хутор с хатами, с садами, с огородами...

Ах, какой чудесный Коропов хутор!

А за деревьями и за садами хат не видно, и такие там подсолнухи, и такая там растет фасоль, подпертая жердочками, — ну, просто как лес...

Бывшие хуторяне, а теперешние колхозники вам сразу же скажут:

— У нас не хутор, а рай! А вы возьмите и спросите их:

— А видели вы рай?

Они за словом в карман не полезут:

— А зачем мы тот рай будем искать, когда у нас свой есть?

А если вы захотите их привлечь на свою сторону, вы им скажите:

— Нет, товарищи, у вас тут лучше, чем в раю! Они вам приветливо улыбнутся и скажут:

— Вполне возможно! Вот какой Королев хутор!

2

На этот раз мы с вами так условимся: в Коропов хутор вы не плывите, а направьте лодку вон к тому зеленому-зеленому островку: только гребите осторожненько, чтобы не задеть удочек, потому что возле шалаша, куда вам надо пристать, там лиманский дед Кирило Иванович Дудка чаще всего рыбу удит...

Вот вам и повезло: удочек нет, и вы спокойно стукнулись лодкой о берег...

Подняли голову, а на берегу у шалаша дед Кирило Иванович Дудка сидит.

В соломенной шляпе и босой...

— Будьте здоровеньки, Кирило Иванович! — весело к нему.

— Здравствуйте, — он к вам.

— Живы-здоровы? Как рыбаки? — вы деду.

— Порвало! — дед вам.

— Кого порвало?! Кто порвал?! — интересуетесь вы.

— Снасть! — сердито бросает Кирило Иванович. — Разве не видите? Вот! Порвало и перепутало! Вот уже часа три сижу распутываю и распутать не могу!.. Сатана!

— Да кто же порвал, кто запутал? — не отстаете вы от деда.

— Кто же, если не он!

— Кто он?

— Да что, вы не знаете? Карп! — со злостью говорит дед и с сердцем бросает на траву леску. — Закурить нету?

— Закуривайте, дедусь! Закурили...

Помолчав немного, Кирило Иванович начинает рассказывать:

— Оно и брало потихоньку! Едва-едва только рассвело — дерг! И тихо... Потом еще раз — дерг! И снова — тихо. И потом повело, повело, вон до того — видите? — кустика по-ве-е-вело! «Дай, — думаю, — подсеку!» Хвать! Ох, оно как рвануло! Эх, и рвануло! А леска у меня из двадцати волос, да еще какого жеребца! От Рыцаря, племенного орловского рысака! Такая там леска, что одним волосом можно подтелка за рога тянуть! Удочка дугою! Я ослабляю! А оно рвет, а оно рвет! Я держу! Как вдруг всплескивает! Ей же богу, как корыто...

— Ну, Кирило Иванович, неужели такое огромное?

— Ей-богу, как корыто! Сатана! Больше сатаны! Хвостом по воде как врежет — и на дно! Я дерг! А леска — дзинь! А я в воду со всех ног — шлеп! — и по шею! Вот и сушусь! Одежда . немного уже высохла, а сапоги и до сих пор вон мокрые! Босиком хожу! Так с крючком и пошло!. У грузила перервало!

— Может, леску грузило перетерло?

— Э, нет! Перервало! Да разве такое не перервет! Как корыто! Вот и распутываю! Килограммов двадцать! Не меньше!

Вы лучше поверьте Кириле Ивановичу, чтоб его не рассердить. Если Кирило Иванович рассердится, он замолчит и никогда на свете не расскажет вам, как прошлой весной на Лиманском озере лебедей стрелял...

Кирило Иванович весьма неохотно о том лебеде рассказывает, так что вам надо очень тонко и дипломатично растревожить его рану, чтобы он в гневе на своего внука Васю рассказал вам:

— А все он, тот чертов Васько! Если б не он, был бы лебедь мой...

3

— Ой, тот мне Васько! И до сей поры забыть не могу, — начинает Кирило Иванович, закуривая папироску. — Да... Вы ведь знаете наше озеро Лиман. Оно отсюда до Донца, километрах в двенадцати. И село Лиманом называется, и озеро Лиман. Километров на семь то озеро раскинулось, чуть ли не до села Андреевки. Чудесное озеро! На нем андреевские колхозники домашних уток и гусей разводят, в природных, так сказать, условиях. А какие там караси!.. Они и небольшие и не золотые, а какие-то серебристые, а до чего же вкусные — и в ухе и на сковородке. Харьковчанки на базаре всегда спрашивают: «Не лиманские ли, часом, караси?» — «Лиманские!» — «Давайте, дедушка, давайте! Спасибо, что привезли!» Да... Так вот тут, значит, озеро Лиман, а сюда ближе к селу Лиман другое озеро. Чайки называется... А между теми озерами перешеек метров так с пятьсот, а может, и больше. Отличная там охота на уток осенью. На перешейке выкапываются ямки, маскируются бурьяном. Садишься в ямку и сидишь: утка утром и вечером тянет, перелетает с Чаек на Лиман или с Лимана на Чайки... И так иногда хорошо постреляешь... Да... Вот прошлой весной, как-то вечером, прилетает Васько, внук тот мой чертовский, и еще с улицы криком кричит:

«Деду-у-у! На Лимане два лебедя село! Ей-бо, правда! Скорее, а то улетят!»

Я за ружье — и туда.

Васько бежит за мною и командует:

«Вы, дедусь, бегите, бегите, садитесь в ямку, а мы с Федько побежим и пойдем вброд озером, потому они недалеко с той стороны сели, на мели!»

«Осторожно, — говорю, — вброд! Как бы не потонули!»

«Нет, там, дедушка, мелко! Не бойтесь!» Подался Васько к озеру, где его дожидался Федько.

Сел я в ямку, прикрылся бурьяном, взвел курок, жду... А когда спускался с горки, заметил, что в самом деле на Лимане, недалеко от берега, с этой стороны, два лебедя плавают. Сижу я.

Ну, пока ребята шли вброд и потихоньку к лебедям подходили, немало времени прошло. Уже у меня и спина болит, уже и глаза слипаются, и ноги коченеют, но я терплю. А как же: лебедь! Как вдруг слышу Васькин крик: «Деду-у-у! Следите!» Поднялся я немного в ямке, глядь в ту сторону сквозь бурьян — смотрю, действительно снялись с озера лебеди и летят прямо на меня. И низко, так низко на меня плывут... Белые-белые, даже будто блестят... Солнышко как раз заходит, и когда солнечный луч упадет на лебедя, так у него одно крыло будто золотое, другое серебряное! Летят тихо, не шумят. Один летит выше, а другой— ниже, и тот, что ниже, направляется прямо на мою ямку... У меня даже зубы стучат и руки подскакивают. Вот-вот уже лебедь меня крыльями закроет... Я беру его на мушку, верно беру, даю, как и полагается, вперед, щелк! Не выстрелило! Аж я зубами заскрежетал. Щелк с левого! Не выстрелило! А я ружье об землю! А я картуз об землю! Да упал в ямку и за чуб себя схватил!..

Подбегают Васько и Федько: «Чего же не стреляли, деду?!» А я не сказал, а вроде заревел: «Не выстре-е-ли-и-ло!»

Васько подбежал к ямке, схватил ружье, — а у меня централка, тульская, отличное ружье! — раскрыл его:

«Да оно у вас, дедусь, без патронов! Не заряжено! Вот это охотник!»

Я как закричу:

«Как не заряжено?!»

«Смотрите сами! — смеется Васько. — Где же ваши патроны?»

Вот такое бывает! Раз в жизни довелось лебедя стрелять — и забыл ружье зарядить!.. А все тот чертов Васько. «Скорее, — кричит, — скорее!» Вот тебе и скорее!

4

Вы не смейтесь над дедом Кирилой Ивановичем Дудкой, потому что он рассердится...

А вы его спокойненько так расспросите...

— Весною это, дедушка, было? А разрешена ли была тогда весенняя охота, не помните?

— Вот то-то оно и есть, что не разрешена! Да разве сообразишь, когда Васько как сумасшедший кричит: «Скорее, дедушка, потому как лебеди сели!» Разве тот Васько не собьет с толку?

— А этой весной, дедушка, лебеди не садились на Лимане?

— Садились! Васько видел!

— И что: не прибегал за вами, чтобы вы с ружьем шли лебедей стрелять?

— Такое скажете! Теперь Васько в пионерах, да еще в председателях вот тех, — как их? —юннатов, что птицу охраняют! Да еще какой отчаянный: как заметит кого-нибудь в запретное время, сразу же в сельсовет! Да еще и меня весною предупредил: «Прячьте, дедусь, ружье до самой осени».

Кирило Иванович Дудко докурил папиросу и взялся снова распутывать снасть...

Молчал, молчал, -а потом потихоньку добавил:

— Да оно, может, и лучше, что тогда ружье не выстрелило. Была бы морока из-за того, что весною лебедей стрелял...

...Теперь вы можете плыть Донцом на Коропов хутор и дальше мимо Казацкой могилы, чуть ли не до... Да куда хотите...

ДИКИЙ ГУСЬ

Дикий гусь — это настоящий гусь, только дикий.

Его можно есть, как и домашнего гуся, с жареной капустой или с яблоками, с гречневой кашей и так.

Разница между диким гусем, домашним гусгм и дикой уткой та, что диких гусей никогда у нас не выводят на базарах, и для того чтобы его зажарить даже так, без жареной капусты и без яблок, его обязательно нужно добыть на охоте.

А охотиться на дикого гуся нелегко, так как у нас на Украине он очень-очень редко выводится, а только перелетает весною на север, а осенью на юг, так что лишь ранней весной и поздней осенью можно похвастаться, что:

— Да, мол, гусей там настрелял! Приходите!

Говорим мы это без всякого хвастовства, говорим мы это из скромности — черты, как вы знаете, присущей каждому настоящему охотнику.

Мы с приятелем охотились на диких уток поздно осенью, на речке Оскол, на Купянщине.

Речка Оскол — чудесная речка с прозрачной, тихой водой, с камышом и пахучей осокой по берегам, с заливами и рукавами, с широкими на левом берегу лугами, что глядят на свет божий бесчисленными глазами-озерами, поросшими зелеными-презелеными шелковыми ресницами.

Да и не только этим славна речка Оскол, а больше славна она тем, что водится в ней редкостная рыба—верезуб.

А может, и не верезуб, а что-то другое, только я прекрасно помню, как один рыбак очень давно рассказывал нам, что у них в Осколе такое плавает, что больше нигде такое не плавает.

Ну, бог с ним, пусть плавает.

Охотились мы, значит, охотились там на диких уток, долгонько что-то полевали да и заполевали дикого гуся-казарку.

Как всегда, правду говоря, дикий тот гусь мимо нас и не летел и не плыл, однако мы его заполевали.

Как это делается, говорить не буду: у всякого охотника свой стиль охоты, так что трудно мне все это настолько типизировать, чтобы всем было понятно.

Заполевал гуся мой приятель: у него, видите ли, было больше патронов, а я свои деньги забыл дома.

Но он меня успокоил.

— Ты, — говорит, — не волнуйся и от зависти не мрачней: есть будем вместе!

У казарки было подбито крыло, а так больше ничего у нее не было прострелено, и пока мы собирались ехать на станцию, она себе ходила по хате и начала уже кушать хлебные крошки и пить воду.

Мы долгонько собирались выезжать на станцию, долгонько и очень сердечно и мило прощались с хозяевами, у которых остановились: уж очень они были симпатичные люди, потом запевали ту, как бишь она? — да вот ту, что вот так:

Де ти, хмелю, хмелю, зимував,

Що й не розвивався...

А как ехали на станцию, пели уже не про хмель, а про огурчики:

Сама буду поливати
Дрібною сльозою...

А хозяин, сидя на возу, очень громко| высоко-высоко выводил:

Сльо-о-о-з-о-о-ю!

Так громко и так высоко, что из дворов выскакивали люди и глядели нам вслед.

— Что оно такое? — спрашивали.

— Охотники поехали!

Пели мы до самой станции.

На станции сердечно попрощались с хозяином и сели в вагон.

Нам с приятелем хотелось петь еще и в вагоне, но для боевых и героических песен в голосах иссяк уже весь металл, и мы смогли осилить только грустно-минорное:

Думи моі, думи моі
Лихо мені з вами!

Дошли до вопроса:

Чом вас лихо не приспало,
Як свою дитину?—

и замолчали.

Зевнули и сказали один другому:

— Может, поспим!

А гусь-казарка с нами.

Устраиваемся мы спать.

Кошелки, куда можно было бы посадить казарку, у нас не было, до авоськи в то время человечество еще вообще не додумалось, так что возникла проблема, куда пристроить гуся.

Ехали мы в мягком вагоне.

Приятель все-таки додумался.

— Я,— говорит, — возьму его к себе, на верхнюю полку! Со мною он и посидит! Сплю я не очень крепко, скорее — чутко сплю, я и утихомирю, если он забеспокоится.

— Ну, — говорю, — хорошо! . Улеглись. .

Проснулся я утром, смотрю — сидит мой приятель, опустив с верхней полки ноги, и мурлычет:

Чом вас лихо не приспало,
Як свою дитину?..

— Почему, — спрашиваю, — такую грустную, да еще с утра?

Приятель, ничего не говоря, протягивает позади себя руку, что-то такое берет и показывает. Смотрю: казарка. Но уже не живая, а мертвая.

— Упокоилась? — спрашиваю, — Как же это так? — Выходит, — говорит, — прислал! Но я же сплю не очень крепко, скорее — я чутко сплю! И вот видишь!

— Да вижу, — говорю. — Ты бы лучше спел:

Чом вас лихо не приспало,
Як я дику гуску?

Дискуссия о том, как считать теперь гуся: убитым на охоте, то есть законной дичью, или умершим своей смертью, то есть дохлым, продолжалась недолго.

Постановлено было считать его законной дичью: его хоть и в крыло, но все же подстрелили, и, как очень часто случается с ранеными, он потом не выдержал и потихонечку отдал богу душу.

А о том, что казарка спала с приятелем на верхней полке, в мягком вагоне, в поезде Купянка—Харьков, постановили — забыть и никому не говорить.

Так и сделали.

Гуся съели по приезде на другой день.

Все крепко хвалили очень вкусного гуся, а хозяйка отрезала у него крылья, сложила их веером и намеревалась прибить их как раз против письменного стола в кабинете моего приятеля, чтоб и кабинет украсить и чтоб крылья те повседневно напоминали ему счастливую охоту на диких гусей.

Приятель, глядя на такое к себе внимание, нежно и говорит жене:

— Благодарю тебя, мое серденько, за такое твое внимание ко мне, но я очень тебя прошу: прибей эти крылышки у себя над туалетным столиком: они очень красивые и так украсят твою комнату! К тому же, мое серденько, это будет мой тебе скромный подарок.

И приятель поцеловал свою симпатичную жену.

А она поцеловала его.

Как противники весенней охоты вообще, мы больше всего полевали диких гусей осенью, когда они летят в теплые края, задерживаясь у нас на Советской Украине, чтоб отдохнуть и попастись на изумрудных всходах буйной озими.

Ночью они пасутся, а днем прилетают на озера и плавают себе, весело гогоча.

Одно плохо, что они никогда не плавают у берега, а плавают посреди озера, озера же они выбирают большие, так что охотиться на них очень и очень нелегко.

Дикий гусь—птица крайне осторожная и весьма чуткая, подкрасться к ней трудно.

Случайно, ясное дело, на вас может налететь стая гусей, случайно иногда и вы можете наткнуться на гусиную стаю, выплыв неожиданно из-за камыша, но что это за охота, ежели она случайная.

Настоящий охотник на случайность не рассчитывает, ему интересно охотиться по определенному плану, по определенной системе!

Случайно можно и тигра бахнуть, но благодаря этому случаю никто не даст вам клички «Тигровая смерть».

Одной благодатной осенью мы с приятелем решили поохотиться на диких гусей как следует, по-настоящему.

Мы знали большое озеро, где ежегодно осенью останавливались гуси, и жили там недели две, а то и больше.

Сидя на лугу, под стогом сена, вечером, после того как постояли на утином перелете, мы говорили про охоту на гусей.

Был еще с нами чудесный охотник, Осип Евдокимович, у которого мы останавливались, приезжая из города на охоту.

Слушал он, слушал наши споры, а тогда и говорит:

— Нет, хлопцы! Дикий гусь не такая вещь, чтоб так легко его подстрелить. Дикий гусь — зверь очень мудреный, и подлезть к нему никакого способа нет! Сорок два года я охочусь, видел тех гусей вот тут на озере тьму-темущую, а чтоб хоть одного застрелить, да так-таки и не застрелил. А один способ, как гусей настрелять, знаю.

Барин один когда-то сюда к нам приезжал, из города. Да! Это было еще, вот не припомню, или после турецкой войны, или после японской. Нет, должно быть-таки после

японской! Да-да, после японской, потому что после турецкой я еще мальчиком был, а после японской мы Василя моего крестили. После японской, значит...

Да! Так барину тому очень хотелось гусей настрелять! Вот он и придумал. Взял он большую бочку, утьгкал ее всю бурьяном, набросал на дно тяжелых камней да и затопил среди озера. Тах, чтобы можно было в нее влезть, сидеть и стрелять. И сделал он это задолго перед тем, как гуси прилетают, чтобы птица привыкла к тому, что на озере что-то торчит. Тогда она не будет бояться ни садиться близ бочки, ни подплывать к ней, а озеро, вы же знаете, хоть и большое, да неглубокое, поставить посредине бочку можно. Поставил он...

— Ну, и настрелял? — с интересом спросили мы.

— Настрелять, что и говорить, он не настрелял, так как в субботу, накануне воскресенья, когда он должен был приехать и сесть в бочку, пакостные мальчишки повыбросили из бочки камни и целую ночь с той бочкой на озере возились! А способ, сами видите, очень хороший!

Мы ухватились за этот способ.

Достали подходящую бочку, набросали на дно больших камней, утыкали бурьяном и поставили ее посреди озера, за неделю примерно до того, как должны были прилететь гуси.

Приятель мой на то время взял себе отпуск и наблюдал за бочкой, чтоб, часом, ребята над нами не поиздевались, как над тем барином...

Поставили мы ее в воскресенье.

А на следующее воскресенье собирался приехать и я—предполагалось, что через неделю гуси уже будут.

Я приехал в субботу под вечер.

— Гуси, — говорит мне приятель, — уже появились. И бочки -не очень боятся! Подплывают к ней, да и летая на озеро, не боятся подле нее садиться. Сегодня нам уже можно в бочку сесть. Как же мы, — спрашивает приятель, — жребий будем тянуть, кому первому, или как?

— Садись, — говорю, — ты первый, а я завтра ночью; я отпросился до вторника.

— Хорошо!

Так мы и порешили.

Тогда, правду говоря, мы не очень придерживались святого охотничьего правила, а именно: идешь на охоту, так заряжай хорошо ружье и не заряжайся чересчур сам.

Выскочило это правило у нас тогда из головы.

Перед выходом на озеро сели мы ужинать.

Долгонько мы ужинали, так как садиться в бочку нужно было перед рассветом — не ложиться же спать, а то-еще проспишь! Вот мы и поужинали себе!

Перед рассветом вышли.

Ружья, хоть и тяжело было идти, мы, однако, взяли, взял приятель с собой в бочку еще и бутылку того, что согревает (на случай, если замерзнет!).

Пришли мы к озеру, немало там повозились, пока приятелю удалось в конце концов в лодку примоститься.

Отвез я его к бочке.

У самой бочки тоже много хлопот было, пока я его в ту бочку посадил.

Посадил и поплыл к берегу.

Не успел я отъехать с полсотни метров, слышу, кричит:

— За твое здоровье! Холодно!.. Доехал я до берега, подтянул лодку и сел под копной.

Подошел и Осип Евдокимович.

Сидим, курим...

Как вдруг:

— Спаса-а-ай-те!— крик с озера: — Перевернулась. Равновесие потерял!

— Иди, — кричу, — вброд до берега!
— Не дойду! — кричит. — Топко!
Мы с Осипом Евдокимовичем - на лодку — и к бочке.
Подъезжаем, бочка плавает, а приятель все чего-то норовит нырнуть.
— Чего ты нырнуть будто хочешь? — спрашиваем.
— Р-ружье утонуло!
— Ну, влезай в лодку!
— А ружье?
— Ружье потом!
Втащили мы его в лодку, транспортировали на берег.
Сел он под копну, зубами лязгает.
А тут еще и солнышко выглянуло...
Разделся Осип Евдокимович, сел в лодку, поплыл к тому месту, где стояла бочка, слез с лодки, побродил немного и вытащил ружье.
— Чего тебя, — спрашиваю я приятеля, — черти опрокинули?
— Ба-баба-ла-ланс потерял!
— Ну, выпей и согреешься, у тебя ж там есть! — говорю ему.
— Нет!
— Нырнула?
— Нет, до того, как перевернулся, нырнула! — Ага! Понимаю! — говорю.
А гуси летят, а гуси летят!..
И все на том самом месте, где была бочка, садятся.
— Ну, что же нам дальше делать? — спрашивает приятель.
— Кричи, — говорю:

Гуси, гуси, гусенята,
Візьміть мене на крилята —
Та понесіть до матінки.

— До маменьки, — говорит он,—далеко! А вот если бы на печь!...

ДРОФА

Если вы пойдете из хутора на гору, вон туда, где когда-то стояла мельница-ветряк, а потом свернете на межу среди пшеничных полей и спуститесь по той меже чуть вниз — на шлях, протянувшийся от хутора Вязового до церкви, в которой на покрова бывал престольный праздник, то идите и идите тем шляхом дальше. Обойдете церковь, а потом куликами, куликами (это уголок на селе, где все Кулики живут!), пока за местечко не выйдете. Вышли вы за местечко и следуйте дальше. Первая дорога, направо, будет на Тернивщину, а вторая, дальше, на Шенгериевку.

Ни на Тернивщину, ни на Шенгериевку вы не сворачивайте, а идите все прямо и прямо! Пройдете Халдеевщину, а там уже скоро и Дубяги будут.

От вашего хутора до Дубяг будет не больше, должно быть, километров восьми.

Чтобы не скучно вам было идти, вы могли бы повторять наизусть, шагая по пшеничной меже:

По ниве прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цепкой лебедой.

Да, но вы же еще не умеете повторять наизусть такие слова, потому что вам еще только семь лет. Такие слова вы сумеете повторять только через два года, когда Мария Андреевна, старенькая-престаренькая учительница, которая, когда и весна и солнце на дворе, так и тогда кутается в теплый платок,— уж очень она старенькая, и все, бедная, кашляет, — она научит вас.

Только через два года она вам скажет:

— Вот эти две строчки, детки, вы мне на завтра чтоб на память выучили! Вот эти:

По ниве прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цепкой лебедой.

— Вот вы их и выучите на память! Все вам тут понятно? А кто знает, что такое «цепкая»?

— Я знаю, — поднимаете вы руку, всю в чернилах.

— Ну, скажи!

— «Цепкая» — это есть цепок, такая палка, цепок— он вроде как мальчик, а «цепкая» — так это она, вроде как палка, девчонка...

Мария Андреевна смеется и от смеха еще сильнее кашляет.

— Нет, не то, не то, — говорит она, — «цепкая»— это такая, что очень цепляется!

— «Чіпка», значит? — выкрикиваете вы со всеми в хоре.

— Ну да, «чіпка»! «Чіпка» — это будет по-украински, а «цепкая» — это по-русски! Понимаете?

— Ага! — снова хором.

А на другой день вы уже уверенно повторяете наизусть Марии Андреевне:

По ниве прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и чіпкой лебедой.

— Да не «чіпкой», а «цепкой»!

— А я забыл, что так надо! Да я еще раз!

— Ну, ну!

— «Поросшей кашкою и...»

Тут вы останавливаетесь, немного думаете, потом мысленно сами себе говорите: «Ага», — и с ударением победно бросаете:

— «И чіпкой лебедой!»

Мария Андреевна, улыбаясь, спокойно машет рукой:

— Садись!

Где теперь могилка кроткой-кроткой Марии Андреевны? Поклонился бы я ее могилке, ведь это она, бывало, учит нас букву «о» писать: «Бублик, бублик, детки, пишите! Кругленький! Вот это и будет «о»!» — а затем рассматривает тетради.

— Ой, хороший мальчик! Какое «о» красивое написал! И руки не очень в чернилах! На вот тебе — конфетка!

Пускай на ее могилке весной, когда сирень распускается, пускай все время соловей поет!

Итак, значит, про «кашку» и про «цепкую лебеду» вы, идя по пшеничной меже, еще не умеете повторять наизусть, потому что вы еще не научились.

Вы рвите васильки... И васильки, и колокольчики, и клевер, и ромашку! Вы тех цветов нарвите целый большой-большой сноп, а потом свяжите повиликой и несите его.

А если вам снова скучно, тогда ловите на колосках жучка-кузьку. Поймали — и за пазуху, А когда наберете кузек так с полпазухи, они там ползают, шелестят и щекочут вас, щекочут.

Вам тогда не будет скучно, и вы, подпрыгивая, сразу же в Дубягах очутитесь!

А в Дубягах кулак живет, который из кувшина водку пьет.

Вы приходите, а в саду за столом два кулака сидят и водку из кувшина пьют.

А потом, когда напьются, крикнут:

— Данило! Запрягай Желудя и Горилку в арбу, да чтобы сена полная арба была! На дрофы поедем! А ты с нами поедешь? —спрашивает меня кулак.

— Поеду, — нерешительно говорю я.

— Вот и добре! На арбу сядешь, лошадей будешь погонять? Добре?

— Добре!

— Вот и ладно!

А я спрашиваю усатого дядька:

— Дяденька! А что это такое за дрофы?

— Разве не слыхал?

— Не слыхал!

— Птица такая большая, как два гуся вместе! Степная! В степи водится! Пугливая!

— Ага!

Вот вы на арбе и поехали! Полная арба сена да кругом еще и бурьяном утыкана! Я впереди сижу, лошадей погоняю, ружья на сене лежат, кошелка с кувшинами и с харчами.

А дядьки лежат навзничь на арбе и пытаются петь:

Вилітали орли з-за крутоі гори...

Но дотягивали они только до «крутой», а на «крутую гору» взобраться им никак не удавалось, они с «крутой» сползали к началу, откуда снова «вылетали орлы».

Так всю дорогу только то и делалось, что «вылетали орлы», а что с теми орлами дальше стало, куда они вылетали и чего они вылетали, для меня тогда так и осталось тайной.

Это была моя первая, охота на дрофу!

Когда мы отъехали довольно далеко в степь, один из дядьков говорит:

— Погляди-ка, Дорош, не -видать ли?

Дядько Дорош встал на арбу, я остановил лошадей, и дядько Дорош начал смотреть во все стороны. Долго смотрел он, а затем и говорит:

— Вон там за скирдой будто что-то виднеется! На клевере! Поворачивай на эту вот межу и прямо — на скирду! — говорит мне дядько Дорош.

Поехали межой...

Стали у скирды. Дядько вылез на скирду, поглядел сюда и туда, слез, подошел к арбе:

— Есть! — говорит. — Семеро! Только как -же к ним подъехать?

Говорили что-то они, говорили, а. потом стали меня учить, как мне ехать.

— Мы, — говорят, — поедем и по дороге незаметно с арбы попадаем и заляжем вон там в пшенице, а ты езжай вон туда да, не доезжая буерка, сверни налево и объезжай их, этих дроф, с той стороны. Немного проедешь, а потом заверни лошадей и езжай назад, немного уже к дрофам поближе. Как доедешь снова к буерку, возвращайся назад и езжай еще ближе к ним. Нагоняй их будто на нас. Да не высовывайся из арбы, чтобы они тебя не заметили! И не нокай и не чмокай! Потихоньку езжай! Понял?

— Понял!

— Погоняй!

Поехали...

Дядьки по дороге повыпадали из арбы, а я направился к буерку, там свернул налево и поехал. Когда доехал до клевера (клевер уже был скошен), заметил вдали табунчик каких-то больших птиц, которые паслись на клевере.

Я все делал так, как говорил мне дядько Дорош.

И туда ехал, и назад возвращался, и снова туда возвращался, все к тем птицам приближаясь.

И очень уж мне захотелось разглядеть их. Особенно того, самого большого, что все время, высоко подняв голову, на арбу на мою посматривал! А из-за бурьяна плохо было видно. Вот я и встал на арбу и выглянул через бурьян. Как разгонится самый большой, а за ним и все снялись и полетели. Я так и упал в арбу! А они полетели не на дядьков, а в сторону!

Подъехал я к дядькам.

— Это ты их напугал? — спрашивает дядько Дорош.

— Ей-бо, дяденька, нет! Я сидел, как вы сказали, а они чего-то испугались и снялись!

— Ох, и пугливая, ох, и осторожная птица! — вздохнул дядько Дорош.

А второй:

— А ну их к чертям! Заверни к скирде! Подъехали мы к скирде, вытащили.дядьки из арбы кошелку, расстелили под скирдой попону...

— А ты лошадям сена подбрось, — приказал мне дядько Дорош, — и разнуздай! Умеешь?

— Умею!

Ну, потом уже охота на дроф была такая: я ловил кузнечиков, а дядьки из кувшина в чарку наливали и закусывали. А потом пели, и под скирдой, и на арбе, когда домой ехали, и в саду, когда домой приехали, а я на скамейке дремал.

А дядько Дорош все старался доказать, что:

— Дрофа — она очень пугливая птица! Очень пугливая! А вы говорите! Я заснул.

А дрофа действительно-таки очень пугливая и весьма осторожная птица.

Охотятся на нее именно так, как мы когда-то с дядьком Дорошем охотились: арбу и

воз обтыкают бурьяном, ветками с листьями, а затем, объезжая табун, медленно нагоняют на укрытых охотников.

А самый интересный способ охотиться на дроф — это подкрасться к табуну на выстрел и трахнуть.

Подкрадываться надо очень осторожно и довольно издалека.

Заметили вы табун далеконько, так километра за три в степи, ложитесь и начинайте ползти.

И все присматривайтесь, чтобы так переползать — от кустика лебеды до кустика чертополоха, бурьяна какого-нибудь, курая...

Ползать лучше всего на животе, шапку—в карман, голову пригнуть низко к земле, ибо дрофа больше всего головы человеческой пугается!

Вот так и подползайте, подкрадывайтесь!

Это ничего, что на втором километре вашего подкрадывания вы уже будете ползать не штанами и не рубашкой, а голыми локтями и голыми коленями, что на третьем километре уже из коленей и локтей кровь будет капать, — это ничего, это как раз самые сильные и самые острые моменты охоты на дрофу: никакая благородная и большая дичь даром не дается, а дрофа, если это не она, а он, дудак, то учтите, что

он весит пуд, целый пуд, а сала от него целый кувшин, а вышкварков полрешета.

Да еще имейте в виду, что дрофяной жир не только для каши — это вам не гусиное сало, а дрофяной жир,— от рожистого воспаления очень сильно помогает!

Вот вам: пуд мяса, кувшин жиру, полрешета вышкварков. И никакой рожи ни у вас, ни у соседей.

Вот что значит дрофа!

Да ко всему этому еще и гордое:

— Дрофу убил! О!

Так что будете ли вы смотреть на какие-нибудь там три километра подкрадывания, на штаны и на рубашку и на ободранные колени и локти!

Мелочи все это!

Не обращайте на них внимания и подкрадывайтесь дальше.

Подползти надо на выстрел — это значит метров на пятьдесят-шестьдесят, не больше!

Дробь должна быть крупной — два-три ноля, а то и картечь, потому что птица крупная.

Ну, уже недалеко осталось, метров пятьдесят!

Последние усилия, еще метр — и дрофы... снимаются и летят!

Вы стреляете «в божий свет, как в новую копейку», садитесь, рвете нательную рубашку и перевязываете колени и локти!

А потом уже потихоньку идете домой.

И представьте себе, дрофы, как правило, всегда срываются и улетают именно тогда, когда вам осталось проползти еще только не больше чем один или два метра.

Характер у них такой!

Вы, ясное дело, не поверите, но однажды я все-таки убил дрофу.

Убил, не подкрадываясь, а просто так — выстрелил, и все!

Вижу, небольшой, так с десяток, табунчик дроф летит и садится на свеклу.

Я бродил с ружьем по степи, охотился на перепелов, а в запасе у меня было несколько патронов с крупной дробью.

Перезарядив свою централку, пошел я против ветра по свекле на то место, где сели дрофы.

Было это в августе, веял небольшой ветерок.

Свекла была высокая и лапчатая, ветерок по ней тихонько шелестел, я медленно и потихоньку шел, и дрофы меня подпустили, так как, очевидно, шеле-стенье ботвы заглушало шум моих шагов.

Поднялись они недалеко, метров за сорок, я выстрелил, и — о радость! — одна из них камнем на землю.

Подбежал—есть!

Я не скажу, чтобы это был дудак весом в целый пуд, это не был дудак, а скорее дудачка, и до пуда ей было очень далеко.

И все же дрофа! Настоящая дрофа!

Домой я ехал гордый, с вокзала до квартиры шел гордый, а когда вошел в квартиру, ни на кого и не смотрю.

Домочадцы все спрашивают:

— Что это за птица? А я сквозь зубы:

— Что? Дрофа! Не видите, что ли? Проведали родственники, знакомые, товарищи.

— Правда, что дрофу убил?

— Убил.

— Когда же пригласишь на дрофу?

— Да заходите, — говорю.

Подсчитал я, сколько на дрофу придет, вышло человек двадцать. Я и говорю жене.

— Знаешь, — говорю, — что? Не поместятся все они у нас! Отдам я дрофу, пускай там приготовят, а мы все туда пойдем, посидим, дрофу поедим!

— Хорошо, — говорит жена, — хлопот меньше! Я так и сделал. Отнес дрофу.

— Куда, — спрашиваете, — отнес?

Не скажу, потому что и вы туда пойдете!

Принес дрофу и прошу:

— Приготовьте, пожалуйста, на завтра!

— Дрофа? Э, нет! На завтра не выйдет, потому что надо на двое суток в землю закопать, потом сутки в уксусе вымачивать, а уже потом жарить! На субботу как раз и выйдет.

— Ну, хорошо! — говорю.

Оповестил я всех, что дрофу будем кушать там-то в субботу.

Собрались есть дрофу двадцать восемь человек.

А моей дрофе, повторяю, до пуда очень далеко было!

Да и хватило ли бы для такой компании и дудака весом в пуд?!

Поели дрофу, съели еще индюшку и гуся (это уже домашние птицы) и салату оливье порций пятнадцать съели, был там еще и де-валяй, и карский шашлык!

Одним словом, разнообразная там была дичь!

Все меня поздравляли со счастливой охотой, кричали, чтобы мне и в дальнейшем не было ни пуха ни пера, а потом пели.

А утром дома были долгие разговоры, но уже больше не о дрофе, а о квартире, дровах, туфлях для дочери.

Разговоры закончились сентенцией приблизительно такого содержания:

— До каких пор я буду зимой в летнем пальто ходить?

— Но ты же сама понимаешь: дрофа! Нечасто она случается.

— Дрофа?! — перебивают вас. — Дрофу человек на зиму в теплые края провожает! А у кое-кого жена зимой мерзнет! Разница! Ну, взял бы да случайно и промазал, если она уж такая редкостная птица!

— Так я же случайно выстрелил! Разве я хотел, что ли?

— Слава богу, что не часто она попадается, — перебивают вас снова.

А Николаю Ивановичу, тому самому, что вам тогда дрофу готовил, вы при встрече уже говорите:

— Значит, дрофу два дня надо в земле держать, прежде чем как жарить?

— Не меньше, — отвечает Николай Иванович. — Тогда она избавляется от специфического, не очень приятного запаха!

— Слушайте, — говорю, — Николай Иванович! Если я когда-нибудь еще принесу вам готовить дрофу, держите ее в земле не два дня, а два месяца!

— Не выдержит, сгниет!

— Вот и хорошо! Не так много я зарабатываю, чтобы дрофу есть.

М. Ф. Рылъскому

КАК ВАРИТЬ И ЕСТЬ СУП ИЗ ДИКОЙ УТКИ

Был такой знаменитый орнитолог Мензбир, который на основании многолетних наблюдений и научных исследований установил, что дикие утки, кроме рынка, водятся еще на луговых озерках, и в камышах, и в тихих-тихих заводях изумрудно-чудесной Родины нашей...

...Словом, вы едете на луговые озерки, к камышам и к тихим-тихим заводям.

Само собой разумеется, что вы берете с собой ружье (это такая штука, которая стреляет), патроны и всяческий прочий инвентарь, без которого невозможно правильно целиться, чтобы бить без промаха, а именно: рюкзак, каравай хлеба, консервы, огурцы, помидоры, десяток яиц вкрутую и стопку. Стопка берется для того, чтобы было чем вычерпывать воду из челнока, если в челноке течь...

Едете вы компанией, то есть коллективом этак человек в пять, ибо дикая утка любит отправляться

в суповую кастрюлю в результате коллективного труда...

В вагоне (или на машине) сразу же вы услышите:

— Э, черт! Стопку забыл! Вы взяли?

— Взял.

— Ну, так, если будем вместе, одолжите! А останусь один — придется «из горлышка».

«Горлышком», согласно охотничьей терминологии, называется та часть охотничьей лодки, которая на морских судах носит название «право руля».

Дикая утка любит подстреливаться тихими-тихими вечерами, когда солнце уже скользнуло к закату, миновало кроваво-багряный горизонт, послало вам последний золотой привет и отправилось спать... Это вечером... А утром дикая утка срывается с места искать вашего выстрела рано-рано, только лишь начинает рассветать.

Зовутся эти часы у охотников «зорьками» — вечерней и утренней.

В эти часы вы слышите и над собой, и пред собой, и за собой, и справа, и слева шум-свист утиных крыльев.

Вы сюда — «бах», и туда — «бах», и оттуда — «бах!».

Ах, незабываемые минуты!..

К вечерней зорьке вы опоздали. Это обязательно. Опоздание к вечерней зорьке — это охотничий закон. Еще выходя из дому — да что там выходя! — еще накануне вы знаете, что к вечерней зорьке вы не поспеете. Вот из-за этого самого в день отъезда на охоту вы еще с утра все укладываете, еще с утра вы что-то забываете и в час отъезда выбегаете из дому, летите или на вокзал, или к машине, на вопросы знакомых: «Куда?» — бросаете: «Спешу к вечерней зорьке опоздать...»— и галопом дальше.

Словом, опоздали. К озеру вы подходите уже тогда, когда утки «выключили моторы», почистили зубы, совершили на ночь физкультурную зарядку с холодными обтираниями и, положив головы на водяные лилии, улеглись спать...

Но вы не унываете, так как поблизости от каждого лугового озера есть и скирда или копны пахучего-препахучего сена. Вы идете к скирде и устраиваетесь. Вы разгребаете сено, расстилаете плащ, ложитесь навзничь, глядите, на черно-синее глубокое звездное небо и отдыхаете. А отдыхая, думаете...

Ну, думайте себе на здоровье, а мы станем к утренней зорьке готовиться...

— Ну что ж, товарищи, давайте с вечера приготовимся, чтоб утром не возиться и сразу же за ружье и по местам. Где ж это... стопка? Просил же положить!

— Что, нету?

— Нету!

— А я захватил! Я себе за правило взял: когда приезжаю домой, ее привязываю в рюкзаке. По-моему, не так нервничаешь, когда ружье забываешь...

Тут-то и начинается самый интересный момент утиной охоты.

Это когда старые опытные ваши товарищи по охоте начинают рассказывать разные необычайные приключения из охотничьей жизни.

Общая для всех охотничьих рассказов черта — это то, что все в них одни факты, что все вправду было: «Расскажу, так не поверят, но это факт!» : ...Швыряется вверху какой-то космический мальчик звездами, оставляя в черно-синей бездне золотые полосы, скрипит Воз*, опуская свое дышло вниз, постепенно бледнеет Чумацкий шлях**, а под скирдой плетется чудесное кружево из охотничьих рассказов.

И вольно дышится...

Понемножку голос рассказчика становится все тише, потом начинает прерываться и совсем замирает.

Сосед как-то тяжело вздыхает.

— О чем вы думаете, Иван Иваныч?

— Об Америке! Какая все-таки техника.

— А что такое?

— Говорят, двуствольную стопку выдумали! И тихо... Уснули...

* * *

«Раннім-рано та ранесенько», еще только начинает сереть, вас толкают в бок:

— Вставайте! Вставайте! Пора уже!

— Г-г-г! М-м-м!

— Вставайте!

— М-м-м!

«Бах-б-бах!»

С криком «бомбежка» вы вскакиваете и мчитесь.

— Тьфу, на вас! Это я крыжня трахнул!

— И промазал.

— Ну ясно, что промажешь, если вас нечистая сила в бомбоубежище поперла! Чуть в озеро не кувырнулся!

Началась ранняя зорька...

Тут уже все зависит от вашего уменья, от мастерства и практики.

Утка, как известно, птица. Она летает...

Как ее стрелять?

Очень просто: цельтесь обязательно в глаз. И бахайте!

«Бах!» — и в сумку. «Бах!» — и в сумку.

А если не повезет, то есть если «бах-бах!» — и мимо сумки, тоже не печальтесь: старайтесь ехать или идти с охоты мимо рынка, или, увидев у кого-либо из охотников

несколько уток, бросьте ему:

— Рублей, пожалуй, по «надцать» теперь штука... Потому что все равно, когда вы приедете домой, члены вашего семейства спросят вас:

— Дорогие, верно, нынче утки?

Но вы не обращайте на это внимания, а сразу же принимайтесь готовить янтарный суп из дикой утки...

Самое первое и самое главное — ощипать утку.

Делать это лучше всего у себя в кабинете.

Дабы вам не мешали выщипанные перья, откройте окна и двери, чтоб ветерок был: выщипнули, ветерок подхватил — и перо вам не мешает... И утка ощипана и кабинет— перина.

Ощипали и тогда уже к маме, или к жене, или к сестре, кто чем богат:

— Уже ощипал! Мама, сварите суп! Если жена или мама бросят вам:

— Да это же курица, а не утка! — вы авторитетно заявляйте:

— Это утка. Теперь все такие утки пошли. Яровизированные!

— А почему у нее горло перерезанное?

— Почему! Почему! Все вам нужно знать! Летела, летела, увидела, что прицеливаюсь, выхода у нее не было, взяла и... зарезалась. Что же тут удивительного?! Варите уж, прошу вас!

Остается, таким образом, последнее: есть суп.

Как его есть?

Ложкой.

Поев, ложитесь на кушетку и читайте «Записки охотника» И. С. Тургенева.

Прекрасная книга!

—* Воз — Большая Медведица.

—** Чумацкий шлях —Млечный Путь.

СОМ

Вы были когда-нибудь на речке на Осколе, что течет по нашей Харьковщине в самую реку Северный Донец? Не были? Побывайте!

...Оскол за славным городом Энском течет мимо совхоза, и совхозный садок купается в реке.

Пойма реки Оскол, где он в этом месте разбивается на несколько нешироких рукавов, заросла камышами, рогозой, ивняком и густой зеленой сочной травой. Когда войдешь, головы не видать! Шумит пойма и в мае и в июне...

В ивняке и камыше видимо-невидимо маленьких озерец, скрытых густой зеленой ряской, кувшинками с желто-золотыми цветочками-чашечками на длиннющих зеленых стеблях.

А сколько там водяных лилий!

Озерца те соединены узенькими проливами-ериками— такими узенькими, что по ним еле-еле можно пробиться на небольших лодочках-плоскодонках из одного озерца в другое.

Девушки, бывало, как сядут в лодочку и поедут по тем озерцам и по заводям, нарвут водяных-лилий и едут домой все в белых венках, и лодка их уже не лодка, а большой продолговатый белый, цветок по реке плывет...

Девушки едут и поют и «Лодочку» и «Тихо-тихо», разные чудесные песни поют они. «Тихонький вечер на землю нисходит», а саду заливаются соловьи, к Осколу с пастбища спускается колхозное стадо, а с реки доносится игривое: «Лодочка качается посреди воды», или взволнованно-нежное: «Тихо-тихо Дунай воду несет», а еще тише: «Девушка косу расчесывает...»

Чудесная река Оскол...

А сколько там диких уток!

Если вам, чего доброго, посчастливится побывать в тех местах весною или летом, садитесь в лодку-плоскодонку и плывите по ерику тихо-тихо, чтоб ваше веслецо не плеснуло, не булькнуло...

И углубляйтесь в камыш. Вы обязательно увидите, как в густом камыше мелькнет головка чирка-мамы, а вокруг нее малюсенькие чирочки шмыгают, словно мышата...

А вот дальше, пробирается утка-крыжень с утятами...

А сколько там болотных курочек! Как на солидной колхозной птицеферме курочек-леггорнят. Только дикие курочки не белые, а рыжевато-черновато-пятнистенькие, на длинненьких ножках, И ножками этими они бегают по зеленым кувшинкам, как по паркету. Зеленые листья кувшинок под ними даже не прогибаются — такие они легонькие» болотные курочки. К плесу или .к озерцу подплывайте еще тише, чтоб ни звука, ни шороха! На самое озерцо не выплывайте, а остановитесь около него и глядите. Обязательно увидите белолобую лысуху с детка-ми или выводки чирков, крыжней, широконосок...

Гуляют утята, купаясь в теплой воде...

Внезапно тревожный мамин голос, тихое: «Ках!» — и утяток нет! Их точно слизало. Они, может, нырнули, а может, к рогозе, к камышам, к кувшинкам прильнули, И не дышат! Опасность миновала; успокоительное мамино: «Ках!» — и снова веселая игра, купанье посреди озерца.

Чудесные места на реке на Осколе...

* * *

Тихо-тихо Оскол воду несет...

Как раз против совхоза река Оскол разливается шире, вода чистая-чистая. Чуть левее — огромная колдобина, просто настоящий обрыв под тихой сверху водой.

— Там такая глубина, что и дна не достать! Там никто еще до дна не доставал. Да где уж! Там так глубоко, что и наша колокольня нырнет! Ей-богу, правда! С крестом нырнет! Вот такая там глубина!

Это нам дед Панько так рассказал.

— Боже вас сохрани там купаться! Втягивает, вглубь втягивает. Закрутит тебя, завертит, бульк! — и нет человека!

— А почему ж оно, дедушка, закрутит и завертит? Сверху ж будто и тихо.

— Да, сверху оно вроде тихо, а под водою крутит. И крутит и вертит! Да это еще ничего! Там сомы живут! Там один такой сом жил, что сохрани господи и помилуй!.. Это еще при господах было. Сидим мы с паном вот тут на берегу... Нет, не так: пан сидит вот тут, на берегу, а я стою подле пана. Темнеет... Плывут гуси. Большая стая господских гусей плывет. Как вдруг гусак как закричит: «Ге-ге-ге-ге!»— и по воде крыльями: ляп-ляп-ляп! Гуси с криком врассыпную! Гусак еще раз: «Ге!» — и крыльями — ляп! И нет гусака! Нырнул под воду! А на том месте, где плыл гусак, что-то как ляпнет по воде, точно черной лопатой! Лясь! Только волны по воде пошли.

Я с перепугу:

«Свят, свят, свят! Черт, пан, черт!»

А пан в крик:

«Давай ружье! Сом гусака проглотил!»

Где там «давай»! Разве ружье туда дострелит, на такую глубину?! Про-о-о-пал гусак! Вот какие сомы бывают!

— Неужели-таки сом проглотил гусака?

— Не верите? А вы разве книжки Сабанеева не читали? Мне пан ее читал.

— А кто этот Сабанеев?

— Охотник знаменитый когда-то был и рыболов. Он и книжек понаписал: и про рыбную ловлю, и про охоту, и про охотничьих собак. Пан говорил, что Сабанеев больно хорошие книжки писал. Профессор он был или еще кто... Так в тех книжках сказано, что когда-то поймали сома весом в четыреста килограммов! Вот какой сом! Двадцатипятипудовый сом! Не сом, а корова! Так что ж вы думаете, что он гусака не проглотит? Да вы послушайте, что дальше с тем сомом было. Да... Решили мы с паном или, вернее, пан со мною поймать того клятого сома. Вот приказал пан кузнецу изготовить огромнейший крюк. Изготовил кузнец крюк. Закалил его, заострил, принес к пану.

«Ну, Панько, — спрашивает меня пан, — а чем мы тот крюк наживлять будем?»

«Не иначе, — говорю, — паночек, как гусаком. Сом, — говорю, — уже полакомился гусиным мясом, н на гусака он обязательно пойдет!»

Приказал пан зарезать гусака или гусыню, я уж не припомню. Общипали ту гусыню, не распотрошили, а так, целиком, чуточку на огне поджарили — гусыня упитанная была!—и нацепили ее на крюк. А крюк тот привязали на две веревки и прикрепили к осокорю и поздно вечером закинули в Оскол. Сом, как вы знаете, охотится за добычей

ночью. Днем сом может зацепиться на крючок только случайно. Закинули, значит, мы гусыню в Оскол и сели на бережок, над колдобиной. Сидим, ждем. Ночь теплая, лунная. Тихо-тихо вокруг. Только слышно за садком, как Христя, что господских коров пасла, громко выводит:

Якоби ж таки того пана чорти були узяли,
Ми з тобою, мій коханий, не такоі б утяли! *

Сидим. Я вроде той песни не расслышал, а пан так и вовсе не слышит. Только спрашивает:

«Кто это так выводит?»

«Не знаю, — говорю, — пане, это не из наших. Это кто-то из хутора на село через леваду идет».

Сидим, дремлем. Пан веревку в руке держит. Вдруг это ка-а-ак дернет! Пан не выпускает. А оно пана тащит! Ну, тащит с берега в воду, в колдобину тащит — и все! Пан держит веревку, а я держу пана.

«Пускайте! — кричу я пану, — Веревка к осокорю привязана, не оторвет! Пускайте!»

«Э, — говорит, — «пускайте»! Поводить его нужно, чтоб устал!»

Водим мы, значит, да и водим! А оно как мотанет, как мотанет... а затем снова отпустит. Тихо вроде. А потом снова как мотанет, как мотанет! А потом снова отпустит. А мы водим! Водим себе да и водим!

— А дальше что? — не выдержал я. — Ну, водите, а дальше?

— А дальше? А дальше мы водим себе да и водим! А оно как мотанет, как мотанет... а затем и отпустит. Водили мы себе, водили...

— Да скорей уж, дед! Ну, водили... А вытащили вы в конце концов того сома или не вытащили?

— Да вытащили. Только же долго, очень долго водили... Водим его себе да и водим...

— Ну, слава богу, вытащили, дед! Ну, а дальше?..

— Ох, и сом же был! Величиною, как тебе сказать, ну, не меньше, чем отсюда до той вербы! Ей-бо, правда! Вчетвером несли домой! Пудов на пять, если не больше! Распотрошили его. И что же вы думаете, что там у того в середине было? В животе?

— Гусак?

— Если бы гусак! Мы, как увидели, перепугались!

— А что же там такого страшного было?

— Было... Да вы послушайте... Пропала как-то у пана охотничья собака сеттер-гордон Джой. Разыскивал его пан везде и повсюду: и письма писал и телеграммы разослал — нет Джоя... Захожу на другой день после того, как сома вытащили, к пану, а он ходит, чуть не плачет:

«Пропал мой дорогой Джой! Не найдется мой дорогой Джой!»

«Как,— спрашиваю, — не найдется? Когда он уже нашелся!» — говорю.

«Как так нашелся? — подскочил пан. — Где же он?»

«Да вы же, пане, его съели! У сома нашли мы внутри одни подпалины и хвост...»

Было нам тогда от пана! Но и пану было — и тошнота и икотка. А Джой, видите, любил купаться в Осколе. Вот когда он купался, сом его и проглотил.

— А вы, дед Панько, часом того... не не бре... бре... что сом собаку проглотил?

— Не веришь? А вот у Сабанеева в книге написано, что в Уфимской губернии сом проглотил медведя, когда тот переплывал реку. А медведь это тебе не собака! Вот какие сомы бывают! А ты не веришь...

— А вы не слышали, чтоб сом проглотил паровой катер?

— Такого не слышал. Чего не слышал, того не слышал... А чему ты смеешься? Думаешь, что для сома катер чересчур уж велик по размеру? Есть такие сомы, что и катер проглотили бы, да им боязно.

— А чего они боятся?

— Очень тарахтит катер, когда по реке плывет. А если бы тихо плавал, то и катеру быть бы там, где тот Джой! И не заметил бы, как .у сома в желудке очутился бы! Сомы — они такие!

* * *

Сом очень сильная рыба, мощная.

— Как-то, — рассказывал мне один такой заядлый, но правдивый рыболов, —стою я на лодке с удочками на Днепре. Вот там, чуть пониже Плютова. Ловлю лещей, язей, красноперок. Добре тогда клевало... Вдруг — гульк — посредине Днепра мчит против течения лодка. Быстро мчит, а мотора не слышно. «Что за фокус-покус?— думаю себе. — И мотора на лодке нет, и паруса нет, и веслами никто не взмахивает, а лодка, словно глиссер, мчит». Вдруг как раз против меня лодка как закрутится на месте, как завертится, а потом прыг вперед, а потом снова закрутится-завертится на месте... То будто нырнет, то вынырнет, то нырнет, то вынырнет, пока не нырнула так, что с лодки отчаянно закричали: «Спасите! Спасите!» Тихо... И снова: «Спасите!» Я за весла — и к лодке. На лодке перепуганный дедусь. Одна рука за лодку уцепилась, а другая рука почему-то в воду свесилась.

«Что такое?» — спрашиваю.

«Сом! Спасите!»

«Где сом, какой сом?»

«На крючке сом...»

«Так отцепите, — кричу, — а то утопит!»

«Затянуло на руке петлей, не отцеплю!»

«Рубите веревку!»

«Нечем рубить. Подплывайте! Может, вдвоем что сделаем».

«И давно он вас возит?»

«Из-под Канева мчусь!»

Едва успел я ухватиться за дедушкину лодку, а он как потащил, как попер, как попер! Куда там глиссер! Дотащил нас оттуда чуть ли не до Вишенок, а тут, слава богу, пошел сом вдоль берега, и я успел ухватиться за куст на берегу... Дергает он, дергает — не возьмет. Я за куст крепко держуся, а он, видно, устал... Да как не утомиться: против течения лодку столько протащить...

«Веревка ослабла, слава богу!» — говорит дедушка.

«Тяните!» — говорю.

«Не подтяну...»

Наконец сом выплыл и перевернулся брюхом вверх. Усы шевелятся и пузыри из рта — буль-буль. Словно вот-вот скажет: «Ох, и устал же я, товарищи рыболовы! Дайте отдышусь и я вас до Киева довезу!» Вытащили мы сома на берег, и говорю: «Не доверяй, это — зверь. Бей веслом по голове!» Дед как бабахнул сома веслом по голове и произнес: «Аминь!» Показывает руку, а она у запястья веревкой словно перерезана, пальцы вспухли и стали синими-синими... Ну и сом, я вам скажу! С лодку величиной...

«Так где, — спрашиваю, — оно, это страшилище, вас подхватило?»

«Немного выше Канева, — отвечает дедусь. — Выехал я на сома, плыву себе на лодке, сомов приманиваю. Ну, а под лодкой, знаете, крючок с наживою. Он как ухватит, как дернет... Ну, и пошло! А веревку я петлей за руку узлом привязал. Как он изо всей силы дернет, если бы не ухватился за лодку, лазили бы по мне раки. Удержался все-таки... А как мы теперь домой доберемся? Не близко!»

Сильная, как видите, рыба сом.

* * *

Сом — рыба оседлая. Живет сом в одной какой-нибудь яме и почти никогда ее не покидает. Великовозрастный сом. Молодые сомики и сомята — те проворнее: они бродят по всей реке, на чужие «улицы» заплывают.

Чем питаются сомы? Что они едят? Сомы едят рыбу, лягушек, утят, гусят...

Лучше всего сом ловится теплыми летними месяцами, ночью.

Ловят сомов удочками, берет он и на спиннинг, а большой сом на специальные огромные крюки.

Чем наживлять крючки на сома? Червяками, живцами, лягушками; можно нацеплять куски мяса и т. д.

На больших сомов, как вы имели возможность убедиться из нашего рассказа, лучше всего нацеплять на крючки гусака или гусыню, собаку сеттера-гордона, бурого или гималайского медведя. На белого медведя сом не берет, так как белый медведь зверь полярный, а сом любит теплые воды и не очень холодных зверей.

Как ловить сома?

Очень просто: наживляйте крючок, сидите и ждите. Начнет клевать — подсекайте. Подсекли — вытаскивайте. Вытащили — сразу берите нож и потрошите сома, так как были случаи, когда у сома в желудке находили всякие интересные вещи: копченую колбасу, вареного рака и парочку целеньких шпротов. Вот почему иной раз сом принесет не только самого себя как свежую и очень вкусную рыбу (если ее зажарить), а еще и какую-нибудь холодную закуску.

……

Интересная рыба сом!

При царском режиме сом, как свидетельствуют дореволюционные рыболовы-спортсмены, весил до четырехсот килограммов, глотал собак и медведей. Возможно, что с развитием рыболовства сом будет весить тонну и будет глотать симментальских бугаев и небольшие буксирные пароходы...

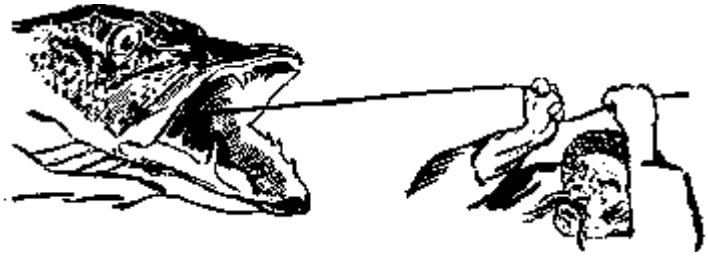
Все возможно, хотя мы лично, рыбаки-писатели, в это не очень-то верим. Советскому писателю не к лицу, мягко выражаясь, преувеличивать.

А сома... сома мне самому доводилось видеть такой величины, как комбайн, только чуть Длиннее.

Это, дорогие товарищи, серьезно и без всякого преувеличения.

---

* Если б того пана черти взяли,
Мы с тобою, мой любимый, не такое отололи б!



ЩУКА

Речь пойдет о делах весьма серьезных, поэтому давайте договоримся сразу о терминологии. Значит, так:

Щука — это щука, рыба женского рода.

Щупак — это щука мужского рода.

Щурята, щукленята, щучки, щученята — это так себе, мелкота.

...Спор разгорелся страшный, чуть ли не до драки: кто большую поймал щуку.

Гордей Иванович, знаменитый спиннингист, исхлеставший своим спиннингом Десну, Днепр и всевозможные озера от Чернигова до Днепропетровска, захлебываясь, рассказывал, что где-то около Бужина он вытащил на спиннинг щуку весом в двадцать один килограмм триста десять граммов, что вся она была в иле, точно в пакле, и что, распотрошив ее, вынул из нутра двухкилограммового судака, а зубы у щуки были длиной в сантиметр, и что из зуба он смастерил себе шило, и тем шилом он и до сих пор протыкает подметки!

Дед Круча слушал Гордея Ивановича, презрительно попыхивая трубкой, и, когда Гордей Иванович, закончив рассказ, вздохнул: «Вот такая была щука!», дед Круча резко потянул трубкой, вынул трубку изо рта, сплюнул и произнес:

— Щучка!

Гордей Иванович подскочил, хотел что-то крикнуть, но у него вышло только:

— Т-т-т-т-т!..

Он закашлялся, сел, ударил о землю рукой, зашелся, с трудом отдышался, схватил баклажку, глотнул воды, хотел еще что-то сказать, но дед Круча сердито перебил его:

— Ты песню знаешь?

— Какую песню?

— Которую атаман Иван Сирко пел.

— Мало ли какие песни пел Иван Сирко.

— Да я про щуку спрашиваю. Песню про щуку.

Та щука—рыба в море
Гуляет на воле...
А мне, молодому,
Нету счастья-доли.

Слыхал такую песню? — не унимался дед Круча.

— Ну, слыхал!

— Так ее атаман Иван Сирко пел! Давние дела! Так вот ту щуку, какую видел Сирко, я и поймал! Три пуда с фунтом! А ты мне — двадцать одно кило, Щуренок твоя щука против моей! О!

— Да откуда вы, дедушка, знаете, что то та самая щука?

— Да ты не перебивай! Ты слушай!

Мы сидели на берегу Подстепного лимана, под раскидистой вербой, и такая та верба старая-старая, что она даже треснула от старости и на три ствола поделилась, стволы те в

разные стороны расщепились и образовали в вербе уже не дупло, а какое-то межствольe, где не то что сесть, а и лечь можно. Дед Круча уверяет, что той вербе «с тысячу лет, а может, и меньше».

— Сирко Иван, дедушка, под этой вербой, часом, не ужинал?

— Сирко! Что Сирко?! Сирко — это было позавчера, а ты скажи, не сидел ли под этой вербой князь Святослав, который плыл Днепром-Славутичем! Ты об этом подумай! Ты об этом подумай, а не о Сирко, об Иване! О!

— Да вы, дедушка, и такого можете наговорить, что под этой вербой великий князь киевский Олег целовался с византийской княжной Ганной, после того как он «княжну поя, отыдя в волости своя».

— А почему нет? — ощетинился дед Круча. — Почему, я спрашиваю, не поцеловаться под такой вербой?! Да под таким небесным шатром, звездами расшитым, да еще под тихий плеск ключа зеркального/ А ты бы разве не поцеловался?!

А оно и в самом деле: над нами небо глубокое-глубокое, темно-синее, даже черное, а звездочек тех, звездочек, да такие те звезды чистые, такие озаренные, будто их кто-то нарочно на эту ночь надраил кирпичом...

От Подстепного лимана до той самой раскоряченной вербы-гиганта пролег проток из прозрачной воды, к этому протоку прижалась бескрайная херсонская степь, прилегла и целые столетия из того протока, горячая, жадно пьет воду и никак напиться не может... А вода там свежая-свежая и прозрачная, так как из-под вербы и дальше за вербой в тот проток бьет ручьистая вода, веками бьет вода из многих ключей, даже зимой не замерзая... А на той стороне протока ивняк с камышом над водой склонились.

В протоке рыба играет: окунь и щука. А мелюзги той, мальков, тучами табуны гуляют!

Проток этот за расколотой вербой сворачивает влево и между ивовыми берегами идет налево во Фролов лиман, а направо — в Казначейский.

Почему Фролов, почему Казначейский? Почему такие странные названия?

Тут монастырь был... И все эги необозримые угодья, луга, лиманы, озера — все это было монастырское, и был монах Фрол — это его именем назван лиман, а монастырский казначей оставил название для второго лимана.

А в лиманах — рыба и раки: караси, как корыта, а лини, как подсвинки, окуни, как постолы, а щуки, как челны.

Очень часто слышится тут над протоком отчаяннейший мальчишеский крик:

«Гляди-гляди! Вон! Вон-вон-вон, поплыл! Окунь! Пускай меня бог убьет, как постол!»

Ериками лиманы соединяются с речкой Конкой, которая от Днепра течет рядом с речкой Крынкой под селом Крынками вплоть до села Казачьи лагеря, а там уже опять соединяется с Днепром...

За селом, за Крынками, из Конки направо вытекает небольшая, густо-прегусто закудрявленная вербами речушка Басанка, которая почтительно прикорнула к могучему Днепру, а из Басанки небольшой ерик идет в Дедушкин лиман, а вокруг Дедушкина лимана раскинулись лиманы Малая Злодеевка, Большая Злодеевка, Круглик, Шея...

...Посреди Дедушкина лимана был когда-то небольшой островок, заросший густейшим-прегустейшим камышом. А на том островке росло три куста калины. Давно это было. Еще до царицы Екатерины. Жил в те времена где-то чуть ли не под Херсоном дед Ступак. Жил он с бабкой Килиной, а детей им господь не дал. Бабка Килина была очень злая, такая злая и клятая, что поймала когда-то в своем дворе татарина и свернула ему голову глазами назад:

«Чтоб бусурман никогда больше вперед не глядел!»

Дед Ступак как раз сети на озере проверял. Проверив сети, дед пришел домой, увидел того татарина, который назад смотрел, перекрестился и, дрожа, произнес:

«И со мною такое будет!»

И огородами, огородами, огородами — на луга и к Днепру. Да как пошел по-над Днепром против воды, да и дошел до нынешнего Дедушкиного лимана. Глядит: островок. Он переплыл речку Басанку, где вброд, где вплавь, — на островок. Выкопал между тремя калиновыми кустами землянку да и поселился на том островке. Сбежал, выходит, от бабы.

Так вы думаете, не нашла его старуха? Нашла!

Перебралась бабка Килина на островок загонять деда домой.

«До каких пор ты меня будешь мучать?» — бросился к старухе дед.

Бабка Килина деда по темени цепком! Дед—без чувств!

Старуха на него — кадку воды! Дед вскочил и удирать! А в голове у деда еще не все как следует прояснилось — он в воду. А там — омут! Потонул дед, только пузырьки на том месте пошли.

С того времени и называют этот лиман Дедушкиным лиманом.

Давно это было. Уже и островка того нет — в воду осел, а еще до сих пор на том месте, где нырнул дед Ступак, если присмотреться, пузырьки со дна подымаются...

— Ну, а с бабкой Килиной что?

— А что с такими бабами, как бабка Килина, бывает? В ведьмы устроилась! Долго на метле вон там около Херсона кружила, кровь высасывала, а потом в Киев на Лысую гору подалась. За главную ведьму, говорят, на Лысой горе правила. Вот как, бывало, на Лысой горе устраивался шабаш ведьм, так очень часто можно было слышать мощный голос — резко так запевает, запевает, запевает, а потом и выведет, словно бугай с поросятами, — это бабка Килина! А вот лет десять назад приезжал к нам из Херсона лектор, так говорил, что ведьм и на Лысой горе уничтожили, теперь там одни предрассудки остались! А что это за штука предрассудки, я вам уже и не скажу! Говорил тут один у церкви, как я вот в великий пост говел, что это будто антирелигиозная пропаганда! Может быть!

Это так про Дедушкин лиман дед Кирюха из Маяков рассказывает.

— Да что вы его слушаете? — пыхтит трубкой дед Круча. — Болтает черт знает что! И кто бы это ему поверил, что старуха деда утопила? Да еще не народилась и никогда в свете не народится та баба, чтобы меня утопила!. Моя покойница тоже когда-то, бывало, за качалку хваталась! Так я ей показал качалку! Если бы сапог не упрятала да на печь меня не загнала, я бы ее прикончил! И не каркнула бы! А так своей смертью умерла! Видели мы таких баб!

— А где же, дедушка, Сирка Ивана щука, на три пуда с фунтом? — спросил у деда Кручи Гордей Иванович.

Дед Круча поглядел на небо, повздыхал, перекрестивши лоб:

— Побледнел, глядите вон, уже Млечный Путь. И Волосожары вон куда откатилися! Давайте подремлем! Вот-вот уже и рассветет! Ложитесь! Лучше завтра про щуку расскажу!

* * *

...Дед Круча набил трубку, придавил табак в трубке ногтем большого пальца, завязал кисет, запрятал кисет в карман, взял из костра уголек, положил в трубку, разжег трубку, потянул раз пять, вынул трубку изо рта, сплюнул и начал:

— Было это... Да еще мой дед покойный, царство ему небесное, жив был. Чтоб не сбрехать, было это как раз тогда, как вышло замирение с Гапонией (Японию дед Круча упорно называл Гапонией, а японцев — гапонцами). Начали у нас тогда, помню, панские якономии палить. То там в степи пан горит, то там... Да и у нас была панская якономия... Я родом не тутешний, я оттуда, аж из-за Чаплинки, туда ближе к Таврии... Мне уже тогда на призыв повернуло. Вот дед и говорит:

«Что ж оно такое на свете делается?! Всюду паны горят, а наш же как: у бога теленка съел или как?»

Посмотрел на меня дед, а я на деда, а потом дед и говорит бабе:

«Ты, Федоська, хлеба нам в торбочку положи, хлебины две, да луку с десяток, соли, пойдем мы с Ванькой (меня Иваном зовут) сеткой перепелов ловить».

«А на что же вам аж две хлебины?» — спрашивает баба.

«Да мы не скоро вернемся! Наловим перепелов да, может, в самые Алешки на базар понесем. В Алешках, говорят, немцы за перепелов хорошие деньги дают!»

Дед говорит, а сам и не улыбнется, а я сразу догадался, что не перепелами тут пахнет.

Одним словом, чтоб долго не говорить, сгорела той ночью у нашего пана якономия, а мы с дедом очутились аж в Основе, работали на виноградниках, а потом в эти места прибились да тут уже и отаборились.

Родители мои с братьями да с сестрами на Дальний Восток подались, где-то аж на Амуре очутились, а я с дедом остался. Когда все немного утихло, переехала к нам бабушка, да и жили мы тутечки, тут я и женился, тут сначала мы бабку похоронили, а потом и деда...

Замолк дед Круча и задумался, задумался... , Покатилась с неба звезда, заревел бугай в Казначейском лимане, ударила под осокой щука.

— Ишь бьет! Ишь, как бьет! — помогал бородой дед.

— А когда ж уже про щуку, дедусь? Про Сирко-ву? — Гордей Иванович к деду.

— А ты не перебивай! — сердито огрызнулся дед. — Ты слушай!

Тихо-тихо стало вокруг. Такая настала тишина, что не слышно было даже журчанья ручья, не шуршали камыши, не выбрасывалась рыба. И мы словно не дышали.

Вдруг крик:

«Ко-ко-ко! Ггр-гр-гр-гр!»

Зашелестели крылья, и сонный петух сорвался с вербы и упал на Гордея Ивановича.

— Побей тебя сила божья! — подскочил Гордей Иванович.— Откуда он тут?

— Чтоб он сдох! — выругался дед Круча. — То куры сторожа на вербе ночуют. Сторож тут рыбацкую снасть охраняет! Бригада тут рыбацкая колхозная рыбачит.

— Смотри, напугал как, чертов петух!

И снова тишь, тихо, тихо...

... — Так вот, значит, и поплыли мы на лодке с дедом,— начал дед Круча, — в речку в Басанку. В Дедушкином лимане у нас сети стояли. Так мы, бывало, проверим сети, а тогда и балуемся на шук в Басанке, на живца... А омуты там глубокие есть! Там такой есть омут — саженей, должно быть, пять глубиной. Закинули, значит, мы на живца. Живец крупненький, крючок тоже такой, что и бугая удержит, а леска в двадцать пять волосин. Тогда еще капронов мы не знали, а сами плели леску из конского хвоста. У степных лошадей, что в табунах долго ходили, отличный волос был — крепкий, увесистый и в воде незаметный. Щук мы ловили на живца много. Так что, ничего удивительного не было, что поплавок вдруг нырнул. Подсек я. А дед рядом. Подсек, значит, дернул и вспомнил черта: за корягу зацепился. Дед не любил на воде черта поминать, ругнул меня за то, что я его вспомнил, да и спрашивает:

«Почему не тянешь?»

«Зацепила, — говорю, — коряга!»

Да как дерну! А оно меня как дернет, так я торчком в воду, вынырнул — и к деду:

«Спас...»

А оно меня как дернет. Я снова нырнул! Дед штаны с себя — да в воду меня спасать. Вынырнул я из воды, а дед меня за руку, а сам за вербу держится — верба на берегу аж к воде ветки наклонила, И вот вам такая чертовщина: я удочку держу, дед одной рукой меня держит, а другой за вербу держится! А оно водит, а оно водит! Как поведет, как поведет!..

— Да что же водит? — не вытерпел Гордей Иванович.

— Да ты слушай, — отмахнулся дед. — Что водит? А я знаю, что там на крючке сидит: может, щука, может, сом, может, еще какая-то лихая образина! Водит, дергает, да так дергает, что рука трещит. Дед кричит:

«Тяни! Подтягивай!»

А я не могу, не подтяну. С полчаса вот так оно нас водило. Наконец вот как будто поддалось. Идет! Я его все хочу из воды вывести, чтобы оно воздух хватило! Как вдруг высовывается из воды — что такое? — вроде морда коровья, только безрогая! Высунулось оно, нас как увидело, да как бросится назад, чуть-чуть я удочку не выпустил. И снова началось: водит и водит... Не знаю, что уже с дедом стряслось,— замерз ли, или что другое, — да только он в крик:

«Пущу! Пущу, ей-богу, пущу! Не могу!»

«Держитесь, — кричу, — может, оно утихомирится?»

«Да пускай, — кричит дед, — а то оно нас обоих утопит!»

И такое неизвестно что и творится! Как вдруг из-за угла Микита Пувичка на лодке приблизился! Подплывает:

«Что такое?»

«Спасай, Микита!» — мы с дедом к нему.

А оно как раз снова вверх идет, морду высовывает... .

«Бей, Микита, веслом! Бей!»

Микита как врежет его веслом между глаз — вывернулось оно на воде. Глядим — щука! Ну, как теленок величиной. Вытащили мы ее на берег, оттащили подальше от воды... Ох, и страшилище! Три пуда и фунт! Голова, ну, не меньше, как у коровы, только безрогая. Корыто икры мы из нее выпустили. Вон какая щука!

— А откуда видно, что она Сиркова! — спросил Гордей Иванович.

— Откуда? А у нее там над глазами, точно поперек лба, вроде как буквы «СИ»... Сирко, значит... Меченая.

— Что-то вы, дедушка Круча, такого тут наплели... «СИ»... Буквы... Сирко щуку в море видал, а это вон вишь где, в Басанке... Да и когда тут Сирко был, а когда вы с дедом щуку вытащили?! Сказку где-то слыхали, дедусь?

— А ты разве не читал, в книгах было написано, что в Москве вот не так давно поймали щуку, а на ней кольцо, а на кольце надпись, что, мол, сия щука пущена в царствование Бориса Годунова! Вон аж когда! Триста лет щуке! А Сирко — это не так уже и давно, и двухсот лет нету! А ты не веришь?!

«Огромные, — подумал я про себя, — щуки бывают на свете! Три пуда и фунт! Исторические щуки!»

* * *

При нас дед Круча большой щуки ни разу не поймал.

Все щучьи рекорды того лета побила одна симпатичная супружеская чета спортсменов, немолодые уже люди, Валентина Васильевна и Гаврила Иванович. Сколько же они щук поперетаскали! Да каких! Правда, на три пуда с фунтом не было, а так до десятка килограммов бывали.

И знаете, на что!

На дорожку! На блесну!

Гаврила Иванович садился на весла, а Валентина Васильевна с дорожкой.

Выезжали они и утром и вечером. Как выедут, обязательно минимум с полдесятка щук и есть! А бывало, что и до двух десятков! По килограмму и больше! Что удивительно, когда на веслах Валентина Васильевна, а ведет дорожку Гаврила Иванович, очень редко ловилась щука! А как только дорожка у Валентины Васильевны, тащит одну за другой! Особенная какая-то симпатия к Валентине Васильевне... Или, может, одни щупаки попадались?!

Ох, и щучки же на речке на Конке! А на Басанке! А на Днепре!

Так вот, значит, знайте: щуку самое выгодное ловить на живца!

Но хорошо и на дорожку, и на спиннинг, и на кружки, и на жерлицу!

А то еще есть один оригинальный способ ловить щук.

Вы плывете по-над берегом на лодке и внимательно всматриваетесь в осоку, под камыш, что выпирает из самой воды.

Неожиданно замечаете: стоит под берегом огромная щука, мордой в камыши, видно, что она как-то тяжело дышит, а изо рта у нее что-то торчит. Подъезжаете потихоньку, щука не удирает. Вы ее сачком — рррраз! — в лодку.

И видите, щука схватила большого судака и никак проглотить не может! И выбросить изо рта не может, потому что у судака плавники ощетинились и не пускают!

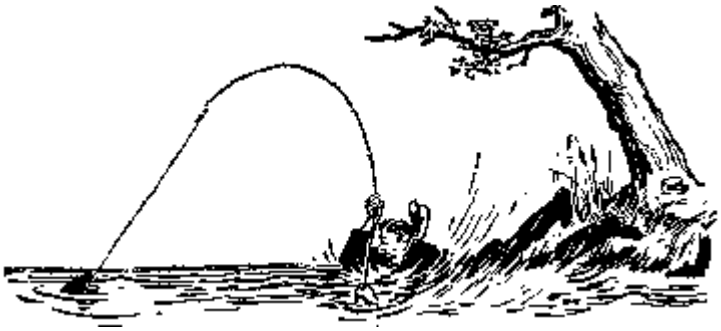
Вот у вас сразу и щука есть и судак!

Одним словом, ловите щуку каким угодно способом, какой вам больше по душе, на здоровье вам!

Ловил ли я больших щук — монстров?

Не ловил! Не ловил ни на спиннинг, ни на дорожку, ни на живца, ни на жерлицу!

А так — щурята, щукленята, щученята — такие случались! Врать не буду!



КАРП

1

Чудесный лес. Смешанный. И дубы большие-пребольшие в лесу растут, и ясенки, и березы, и сосны. А больше всего дубов да сосен. В тихую погоду в лесу не шелохнется: тихо-тихо, только нет-нет да и заиграет иволга флейтой, застучит дятел, зативликает щегол... И снова тихо.

Посредине леса пруд, украшенный камышом с одной стороны...

И как-то уж так получилось, что на одном берегу в пруд сосны заглядывают, а на другом, противоположном, дубы... Слева, над прудом, плотина, а справа простерся луг с зелеными кустами, вербами и густой-прегустой травой.

В том пруду карпы живут. Огромнейшие карпы!

— Ох, и большие же карпы в том пруду живут!

Как корыто!

И как же хочется поймать это «корыто»... И еще после того, как вам скажут:

— Да что вы?! Да там как ухватит, как дернет, как поведет, так « не подумайте подсекать! Старайтесь, чтобы сам сорвался. А то и крючка не будет, и лески не будет, и удилища не будет, и сами вы, если за дуб не уцепитесь, так в пруду окажетесь! Вот какие карпы у нас! Не карпы, а жеребцы! Они у нас особенной породы, гибриды: мать зеркальная, а отец симментал.

Вот и хочется поймать такого гибрида.

Председателя колхоза, которому принадлежит тот чудесный пруд, мы .нашли: в степи, возле комбайна, как раз домолачивающего большой участок озимой пшеницы.

— Разрешите, Иван Павлович, карлика поймать у вас, — сказал безнадежно, так как знал, что он никого к пруду и близко не допускал.

Иван Павлович усмехнулся и говорит:

— Ловите, хлопцы, ловите! Вижу, что вы рыбаки боевые!

Рванулись мы к пруду что было мочи. И он разрешил все же потому, что настроение у него хорошее: жатву заканчивают досрочно, озимая пшеница как лес, и хлебосдача уже выполнена.

— Только смотрите, чтобы карпик вас сам не поймал! Карпы у нас такие... — вдогонку бросил нам председатель.

— Да мы только так, чтобы побороться с.карпом! — крикнули мы.

2

А клюют карпы на рассвете... И особенно тогда, когда первый нежный луч прорезывает кроны дубов и золотит дубовые листья. .

А как только солнечный луч позолотит дубовые листья, тогда он вырывается из дубовой чащи и падает на пруд; тогда и пруд золотой, и камыш, и рогоз, и песок на берегу

— все тогда золотое.

И луч от воды отскакивает, летит на тот берег пруда, а там сосны; становятся тогда золотистыми и сосны, и ясенки, и клены; позолотив их, луч летит дальше, аж туда, туда, туда, что его уже и не видно... Только след его остаемся веселый да игривый...

И все тогда оживает и все тогда радуется.

А как в золотом пруду карп всплеснется, так и карп тогда золотой.

А карп как корыто... Золотое корыто...

Вот какие дела над прудом солнце со своими весело-игривыми лучами проделывает.

3

А как же поймать того карпа, живущего в пруду среди чудесного смешанного леса, где такие могучие дубы, высокостройные сосны, остролистые клены? Как?

Прежде всего давайте подумаем, стоит ли такого карпа ловить.

— Стоит!

Вы когда-нибудь переживали такой момент, когда на ваш крючок клюнул карп? Переживали? Если не переживали, обязательно переживите, а если переживали, вам захочется этот момент пережить еще раз. До боли, до бешенства, до крика захочется.

Представьте себе такую картину: сидите вы над прудом рано утром. Рассветает... Слева от вас зажглось небо... То солнце поднимается... Об этом уже писано, не будем еще раз писать... В руках у вас удочка. Леска у вас прочная, крючок у вас стальной, закаленный, крепкий. На крючке — картошка, сваренная как раз так, как любит карп: ни мягкая, ни твердая — в самый раз. Вы смотрите на поплавок так, как даже, когда были женихом, не смотрели в голубые, большие-большие глаза своей возлюбленной... С таким вниманием, с таким желанием, с таким ожиданием. И вдруг поплавок — дерг! У вас сердце — ек! Еще раз — дерг! Еще раз — ек! И вот ваш поплавок поехал-поехал-поехал и исчез под водой. Когда поплавок начинает ехать-ехать-ехать, у вас из-под сердца что-то холодное покатилось-покатилось. Вы за удочку — рррраз!—подсекли! И чувствуете, что в руках у вас что-то трепещет! И видите, что леска

ваша натянулась как струна, а удилище — дугой и дрожит!

— Есть! Он — карп!

Вы ведете его к берегу... Удилище с леской ходит сюда, ходит туда... Вот карп уже у берега. Вот высунулась его голова, вот уже видно его спину. Он рвется, извивается, бьет хвостом, скручивается в баранку, вырывается... Но вы его не пускаете, ведете... Еще шаг, и он будет на берегу... Сердце у вас колотится, и дышите вы глубоко и часто. Вы уже видите этого карпа либо фаршированным, либо маринованным, либо просто жареным. Вдруг — рррраз! Шлеп! Вы дерг—крючок пустой, а карп, на мгновение оторопевший, еще стоит перед вами... Какие минуты!

Вообще карпа в данном случае у вас нет: сорвался.

Что делать?

Были такие случаи, что рыбак прыгал в воду, чтобы ухватить карпа руками. Бултых! В одежде, в сапогах, с картошкой в сумочке, с папиросами и с путевкой в Гагры в кармане... Напрасно! Карп на путевку — даже в Гагры! — не клюет, не берет он и на картошку в сумочке, клюет он только, когда картофель на крючке.

Более спокойные рыбаки в такой момент что-то выкрикивают, в зависимости от темперамента, и наживляют на крючок свежую картошку. Закидывают снова и сердито сопят.

Когда сосед (а сосед ваш стахановец завода «Ленинская кузница», страстный рыбак, отдыхающий в лесу) спросит:

— Большой сорвался?

— Большой, аж черный! — отвечают и снова сопят.

Хуже, разумеется, когда попадется такой карпище, что от вашей лески остается

только обрывок, а крючок ваш украшает верхнюю губу карпа...

В таком случае на вопрос соседа, что случилось, строго отвечают:

— Порвало!

Не рекомендуется, между прочим, при ужении карпа оставлять удочку на берегу не привязанной, а самому уходить прогуливаться по лесу, потому что частенько происходят такие случаи, когда подпаски будут кричать вам:

— Дядя, ваша удочка поплыла! Потянуло!

Тогда приходится раздеваться и мотаться по пруду, ловить удочку...

А карп в таких случаях мастер посмеяться над вами: только вы к удочке, а он — дерг! — и поплывет... Потянуло!

...Так скажите, прошу вас, стоит или не стоит удить карпа, переживая такие вот волнующие моменты?

Мы уже не говорим о переживаниях, когда карп не сорвался, а привезен домой, замаринован, или зафарширован, или просто зажарен!

И вы закусываете и рассказываете:

— Вот как ухватило! Вот как потянуло! Да я не из тех, чтобы упустить.

А председатель в этом колхозе, скажу я вам, хитрющий. Посмеялся он над нами... Хорошо ведь знал, что карпы в этом пруду такие, что не нам их этими удочками поймать. Потому и разрешил.

РЫБКА ПЛАВАЕТ ПО ДНУ

Рыба — в Псле...

Течет-течет спокойно Псел, и вдруг на средине: шлеп!

Так круги по воде и побежали...

Это рыба выплеснулась.

Рыба в Псле любит «баловаться». Там ее «гибель»!

— Ох, и рыбы же у нас во Псле! Туча!

Ну, уж и любит люд православный рыбку ловить!

И ловят...

— Ну как, Иван Семенович? Клюет?

— Да что-то не слышно. Скоро клюнет... Такую вижу примету, что обязательно клюнет!..

— Все-таки ловится иногда?

— Да, лавливали... Когда-то столько ловили, что насилу, бывало, домой дотащишь... Лещи — по пуду! Карпы — по пуду! Марена — по пуду! Голавли — по пуду! Подусты — по пуду! Щуки — по пуду! Однажды, как зацепил, так, поверите, — в воду стащило! Упал в воду, смотрю — карп. Я удочки не выпускаю... Он тянет, а я плыву... Он тянет, а я плыву... Да все его к берегу, к берегу направляю... Вижу — устал он уже... Я тогда как подскочу к нему да за жабры, а сам верхом... Да как ударю его пятками по ребрам, так он на берег, как жеребец... А я на нем... Так еще по берегу меня вез, как вот отсюда до той осины. Два пуда тридцать один фунт карп... Шкура на нем уже такая, как вот у меня свитка. Чешуя, как серебряный рубль... Ловили. Сколько я ее, этой рыбы, повытащил, так господи спаси и помилуй. Да оно, положим, и удильщика такого, как я, вы здесь не найдете... Я да еще Петро... Петро, положим, не такой удильщик, как я, но ловит недурно... А те, что вот там сидят, это так только — воду мутят да рыбу пугают... Разве они понимают, как ее ловить?

Сидят удильщики, на воду смотрят... И каждый из них:

— Лавливали... Однажды, как зацепил... Я сюда, а она туда, Я сюда, а она туда. Так, поверите... три пуда! Да оно, положим, и удильщика такого вы тут не найдете... Я Да еще... А то разве удильщики? То так...

* * *

Ловят рыбку...

Я долго присматривался, как это рыбу в Псле ловят...

Штука, надо сказать, очень интересная...

Разными способами можно рыбу ловить.

Ловят, например, «хваткою»...

Хватка — это такая длинная-длинная палка, а на палке этой обруч большой, а на обруче сетка, вроде большого мешка, нацеплена...

Хватку эту заводят потихоньку в речку и тянут к берегу... Вытаскивают аир, водоросли, глину, камешки и корни...

Хваткою она называется потому, что, пока вы ее из реки вытяните, у вас начинаются схватки в животе, в пояснице, «вот тут» и вы тяжело дышите...

А как отдышитесь, говорите:

— А что-то большое попалось! Должно быть, щука!

……

Ловят сеткою... Натягивается через речку сетка, а рыбаки заезжают челнами с «хрокалами» в руках, «хрокают» — загоняют рыбу... «Хрокало» — это деревянная такая штука, внутри выдолбленная, ну, вроде горшка, что ли, и надета на длинную палку. Как «шурнешь» этим хрокалом в воду, звук такой получается: «Х-р-р-о!»

Рыба этого звука страшно боится и мчит прямо в сетку. Потом сетку вытягивают на берег...

Тянут ее потихоньку, тянут, тянут...

— И-и-я! А чтоб тебе пути не было! Опять зацепилась! Я так и знал, что здесь «зацепа» есть! И-и-и! Отцепляй! Ныряй Тяни! Не дергай! Тяни! Не дергай! Уже!

Вытащили...

— Я так и знал, что порвем. Сворачивай сетку, неси домой да садись починяй. Вчера зацепились и позавчера зацепились. И в прошлом году зацепились и в запрошлом зацепились.

— Ну, а как? Ловите сеткою?

— Ого, как ловили. Бывало, как затянем — пудов двадцать. Да все вот такая...

...Лавливали...

Занятнее всего ловить рыбу удочкой...

Это очень интересный, захватывающий, превосходный спорт...

Только и удочка — уж на что, кажется, простая штука, а требует она большого и уменья и знания дела...

Не умея, рыбки не поймаешь...

Здесь (с. Мануиловка) с берега не ловят.

Здесь стоят «гатки» в воде и удят с этих гаток.

Гатка — это такой помост на сваях, где сидит бородатый мужчина и смотрит на удочки, закинутые в воду...

— Клюнет. Такую уж примету вижу!

Но еще до того, как удочки закидывать, нужно не мало кое-чего знать и сделать... Прежде всего приманка.

— Приманить рыбу надо. Разве хороший удильщик без приманки удит?!

Для приманки лучше всего вареная пшеница...

— Если сварить пшеницы, да еще если с творогом — вот тогда кишит в этом месте рыбой!

Пшеницы на сезон нужно пудов пятнадцать... Хорошо, если такое время, что она в копнах на поле лежит — можно «свистнуть», вымолотить, сварить и засыпать...

А если нет?

Тогда:

— До каких пор ты, скажи мне, пшеницу из кладовой для рыбы таскать будешь? Передохла бы она тебе! Ей-богу, удочки на твоей голове поломаю...

— А где ты кувшины поставила?

— Зачем тебе?

— Творогу хочется!

……

Вот когда вы уже эту приманку засыпали, тогда можно и удочки закидывать. Ловят рыбку на червяка, на кузнечика, на жмыхи (конопляные), на хлеб.

Больше всего здесь ловят на макуху...

Кусочек макухи на крючок надевают и в воду забрасывают.

Сидит человек и смотрит на удочку.

— Клюнет. Такую уж примету вижу.

Минут через десять вытаскивается удочка и надевается новый кусочек макухи — тот уже вода смыла...

И так можно целую ночь удить...

Очень интересный спорт...

В Псле есть очень большая рыба...

Например: карп, лещ, марена, голавль, окунь, сом, щука и т. д.

Карп не ловится на червяка, на кузнечика, на хлеб и на макуху...

Лещ, марена и голавль не ловятся ни на макуху, ни на червяка... Лучше всего ловить на «живца».

Живец — это маленькая живая рыбка, надеваемая на крючок. На живца очень хорошо ловится хищная рыба: щука, окунь.

Один недостаток ловли на живца — это то, что живцы не ловятся...

……

Ловит рыбу очень много народу.

Много гаток на Псле настроено...

Однако есть такие, что и не занимаются ловлей...

— Отчего вы рыбки не ловите? — спрашиваете вы их.

— Рыбка плавает по дну! — отвечают они.

Что они этим хотят сказать? Кто их знает!

ПО КАМБАЛУ!

Чтоб не было недоразумений, условимся сразу: камбала — это рыба. Ловится она в Черном море. Ловится довольно далеко от берега — верстах в восьми. Ловится на крючки, наживленные мелкой рыбкой—султанкой. Крючки эти привязываются к длиннющему шнуру (перемет), забрасываются среди синего моря на двух якорях на самое дно.

Так вот «по камбалу» — значит по рыбу, в море! Подымать крючки, снимать эту рыбу, а потом уже ее продавать или самому есть...

* * *

— Во втором часу едем! Приходите! Пришел, конечно. «Гетман» уже готов.

«Гетман» — это (не пугайтесь!) не Скоропадский, «ялик» так называется...

Уже укреплена на нем мачта, уже лежит вдоль него парус, уже Хайали переходит с кормы на нос и отдает последние распоряжения. Старый Зекир крутит цигарку, Юнус несет ведерко со «сладкой» водой, а Васька вдевает весла в уключины.

— Прыгайте!

Прыг! — и я в ялике...

Хайали берет руль... Вы знаете Хайали? Не знаете?.. Жаль... Хайали — капитан «Гетмана». Он низенький, лысый, у него мало зубов, но он силен и упруг, как черный резиновый мяч. Лицо у него побурело от солнца... Лысина, как кожа для подметок, а волосы (они у него только на затылке) пегие... Он и в бурю бурную и на солнце жарком без шапки... Он всегда на корме калачиком (он ведь коротенький) сидит, поджавши ноги, в руках у него руль и парус, а маленькие глазки никуда не смотрят, но все видят. Он ко всему равнодушен, но за семь верст слышит шум берегового ветра... Он никогда не следит за тем, что делают Юнус, Васька, Зекир, но время от времени с его обветренных губ слетают слова, и от слов этих подскакивает Васька, бежит к парусу Юнус, кряхтит, передвигаясь по ялику, старый Зекир. Вот каков Хайали! А вы его не знаете?

А Юнус... Юнус смуглый... У Юнуса кудрявые с проседью волосы и кроткие светло-карие глаза... Он всегда улыбается, когда смотрит на вас и спрашивает:

— Не страшно, Зекир?

Зекир — старик, в татарских штанах на вздержке, в чувяках, с цигаркой в зубах, и цигарка эта, скуренная до отказа, шипит у его губ, припекает его подстриженные усы, и они пахнут паленым и скручиваются желтенькими колечками над синеватыми губами... Тогда старый Зекир наклоняет голову над бортом и— тьфу! — табак летит в море, а на губах старого Зекира пленка тоненькой папиросной бумаги. Он молчит...

А Васька молодой! У него бронзовое стройное тело... Блондин, с прекрасно

развитыми мускулами... На груди у него вытатуировано рулевое колесо с двумя флагами... На правом плече у него чернеет крест на пьедестале, вокруг него канат, на канате якорь, а ниже, на предплечье, во весь рост, с распушенными волосами красавица; у красавицы большие, как два арбуза, круглые груди... Васька весь разрисован. Он, Васька, быстрый, говорит крепко, с «матерью», но он еще «зеленый», и слова его разбегаются по Черному морю. От Васькиных слов никто в ялике не подскакивает... Все сидят на своих местах и о чем-то думают...

* * *

— Вира!

Двинулись... Юнус и Васька на веслах, Хайали на руле, а Зекир перебирает султанку в корзинке (наживка).

Вышли из бухты.

— Парус!

Миг — Васька и Юнус возле паруса... Миг — и парус трепещет в воздухе.

— Вира в море!

«Гетман» летит, подскакивая на волнах...

Скрипит парус... Мурлычет что-то Юнус, кряхтит Зекир, а Васька приглаживает свои белые брюки чтобы посредине, от верха до ступни, была на них складка.

……

— Вон буек!

Васька первый увидел.

— Где?

— Вон-вон-вон! Не видите?

— Не вижу. Все видят, а я не вижу...

Да и как ты его увидишь так далеко, когда на море волны, а флажок на нем черненький, малюсенький и волны перескакивают через него, нагибают, захлестывают...

— Майнарь, Васька!

Мгновение —парус в лодке, связанный, скрученный, бессильный...

Несколько взмахов весла — и буек уже в ялике...

Буек — связка пробок, обтянутых сеткой, с привязанной к ним торчком палкой, а на палке небольшой флажок... Это знак, где стоят крючки... Он (буек) на якоре, в большинстве случаев просто на камне, который держит его на нужном месте.

Крючки ставят на двух камнях. Два, значит, буйка... Начало и конец крючков. Крючки на дне морском.

На нашем перемете 750 крючков, привязанных небольшими шнурками к длинному шнуру на расстоянии полутора-двух саженей один от другого...

Тянется эта штука версты три-четыре в море.

……

Подняв буек в челн, Васька быстро-быстро вытягивает камень... Тянет его минут десять, потому что поднять камень нужно с пятидесяти-восьмидесяти-саженной глубины.

Вот, наконец, камень в челне.

Тогда уже берет шнурок Хайали и осторожно, крючок за крючком, подымает в ялик. Сбрасывает старую приманку, в большинстве случаев объеденную, и кидает крючок в круглую корзинку, стоящую на корме. У корзинки Васька. Он подхватывает крючок, накалывает на него рыбку и укладывает крючки один за другим правильным кругом по стенке корзины. Шнур ложится внутри этого круга. Таким образом, крючки в корзине идут спиралью снизу и до самого верху.

Делается это необычайно быстро, ловко и красиво... «Как по писаному»...

Юнус на веслах. Он подталкивает лодку в направлении шнурка...

Зекир курит цигарку, я, вытаращив глаза, смотрю в море и слежу за тем, что «идет» на

крючок.

Вот шнур задрожал и забил по борту...

— Кот! — бросает Хайали.

— Ничего не видно, — говорю.

— Кот! Я знаю!

Через несколько времени вижу, действительно что-то бьется на крючке, силясь вырваться... Рр-раз! — и в лодке.

Морской кот. Не гренландский, конечно, а простой, черноморский. Я не знаю, как он называется по-ученому, а на нашем черноморско-рыбацком языке это кот.

Кот — плоское морское животное, сверху бурое, снизу белое, с огромным, тонким, как палка, хвостом в колючках. Голова какая-то треугольная, глаза выпученные, а возле глаз дырочки. На брюхе у него какие-то не то плавники, не то ноги, и он, когда идет на шнуре, освобождает их и бьет ими... Его рыбаки не любят... Сразу выбрасывают обратно в море, отрезав то место, которым он зацепился за крючок. В большинстве случаев он бывает порядочных размеров... Аршина в два...

...А вот идет камбала. Она распласталась на шнуре, торчком поставила все свои плавники и увертывается. Не хочет. Но Хайали не из тех, у кого можно сорваться... Он знает... Он в море все знает.

Плюх! — и камбала уже бьется на дне...

...И так крючок за крючком, шаг за шагом. Семьсот пятьдесят крючков...

И только из уст Хайали короткое:

— Ач! Ач!

Это Юнусу. «Вперед!» Лодку подтолкни!

……..

Вдруг Хайали быстро взглянул на берег...

— Береговой!

Васька дернулся, сердито наколол на крючок рыбку и помянул «мать».

— Будет дело!

— Бросаю! Не дает работать! Вира! И полетел ялик на веслах, и забулькали в море один за другим наживленные крючки!

— Вира! Вира!

А с берега уже слышен шум! И зарябило у берега! А возле нас море тихое-тихое...

— Чего вы? — спрашиваю.

— Береговой подул! Самый скверный для нас ветер! Приходится на веслах... Парусом не возьмешь! Можно было бы лавировать, но ялик негруженый, опрокинет.

— Вира! Вира!

Успели все-таки крючки закинуть. И вот :как зашумело, как заревело, как забесновалось—святители вы мои!

«Гетмана» рыбкой подбрасывает...

Васька, Юнус и Зекир на веслах... Хайали на руле...

— Вира, Васька! Вира!

У Васьки лицо уже посинело от напряжения, старый Зекир весь мокрый, Юнус покусывает губы...

А море взбесилось! Оно, как зверь, накидывается на «Гетмана». Подкатывает под него, ставит его на дыбы, а потом выскакивает сзади и кидает носом в пенную яму...

Потом скачет рядом, бьет в борта, разливается ливнем и плюет в нас соленой слюной...

— Вира, Васька! Вира!

И Васька, и Юнус, и Зекир из сил выбиваются...

А лодка на месте!

Тогда подскакивает Хайали! Мне:

— Руль прямо на берег! Держите крепко! Сам уже рядом со старым Зекиром:

— Вира! Вира!

А «Гетман» дрожит, а «Гетман» грудью кидается на волны...

— Крепче руль!

— Крепче?! Когда его вырывает, выбивает из рук, выдергивает?!

Держу, хоть глаза на лоб лезут!

— Вира! Вира!

Два часа бешеной, чертовской работы и напряжения!

Вдруг тихо.

Как появился, так и пропал береговой... Вот был, вот-вот нет его!

— Не верь морю! — говорит Юнус...

Все закуривают и вытирают пот и соленую воду с красных физиономий.

……..

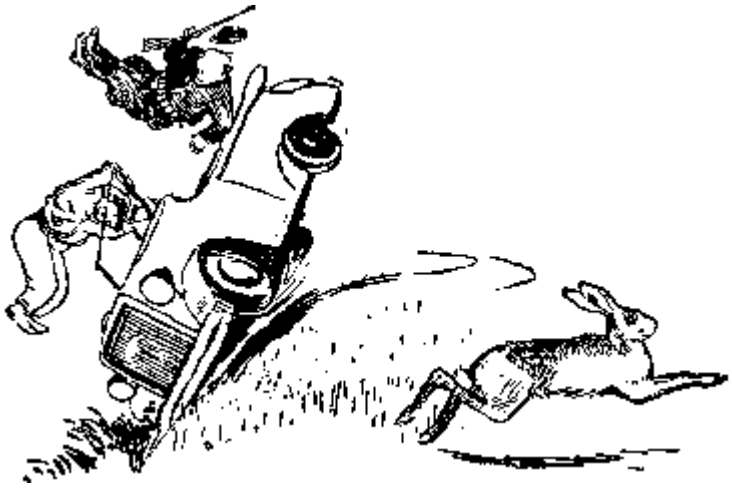
А на дне ялика широко разевает пасть и лениво бьет хвостом камбала...

…….

Не верь морю! — это правда... Никогда не знаешь, как оно над тобой подшутить вздумает... И когда — тоже никто не знает...

А море огромное! И голубое.

И когда оно взбесится, то, несмотря на всю вашу храбрость, несмотря на то, что вам доверили руль в такой ответственный момент, несмотря на вашу политическую, экономическую и всяческую грамотность, берите с собой «крепительного»! - И вам будет спокойнее и вашим соседям!



О МУДРОМ ЗАЙЦЕ

Поехал я как-то на досуге за город, вон туда за Бровары, а потом свернул чуть в сторону за Полтаву, взял налево за Харьков, оттуда на юг — на Донбасс, с Донбасса—на Днепропетровщино-Херсонщину и остановился на Правобережье, около Каменец-Подольска.

Сижу себе, отдыхаю...

Как вдруг мимо меня заяц только — шмыг!

Я на него:

«Тю!»

А он мне:

«Не тюкай, — говорит, — я не только твоего «тю» не боюсь, я на все сирены и на все фары со всех автомашин, всех, какие есть на свете марок, на всех на них положил я все четыре лапки».

«Смотри, — говорю, — какой храбрый! Ну-ка, — говорю, — подходи! Такого еще не видел!»

«И подойду!» — говорит заяц.

И подошел.

«Так откуда ты, — спрашиваю,—такой храбрый?»

«А потому, — говорит, — что я рекордсмен!»

«Рекордсмен?»

«Да! Рекордсмен! Я за свою короткую жизнь вывел из строя уже двадцать автомашин».

«Вот сколько ты автомашин покалечил! Как? Каким способом?»

«Я им еще не то покажу. Они думают, что я теперь тот зайчик, про которого поют:

— Зайчик, зайчик,
Где бывал?
— На мельнице!
— Что видал?

Не на мельнице я побывал, а я доты и дзоты видел! И танки видел! А они меня хотят фарами напугать! Не на такого нарвались!»

«Да что такое? Ничего не понимаю!»

«Ты знаешь, — говорит заяц, — какой теперь народ пошел? Черт знает, что за народ!! Охотится на нас, честных зайчиков, в незаконное время, из-под автомобильных фар!! Мы себе честно ночью пасемся, знаем, что полевать нас еще не разрешено, вдруг какая-то

чертова образина, чаще всего под градусом, летит по стерне, пугает нас, берет в фары, мы мчимся как осатанелые под фарами, а он колотит нас из ружья... И много нашего брата гибнет от такого неслыханного в культурной стране хулиганства. Ты же сам подумай: мы еще молодые, мех у нас жиденький, тельце худенькое, а он, сатана, лупит! Ну, кому оно, ну, зачем оно? Стыдно за этих людей!»

Я грустно покачал головой.

«Действительно-таки стыдно!» — говорю.

«Так мы теперь, — говорит заяц, — умнее стали. Теперь на каждом таком участке у дороги мы поставили старых опытных зайцев, которые знают, что им делать. Как только появляется машина, такой зайчик сразу вскакивает в фары, а потом вывертами и зигзагами ведет машину к балке или противотанковому рву... И там «Форд» или «Адмирал» только трах! бах! треск! — и будь здоров! Потом уже ведут его домой на буксире, составляют акт, тратят народные деньги на ремонт, обманывают государство, нарушают закон и т. д. и т. п.».

«Ну, ну!» — только и мог я сказать.

«А мы, — продолжает заяц,—между собой соревнуемся, кто сколько машин из строя выведет... Так я больше всех уничтожил! Я рекордсмен!»

Стыдно, стыдно мне стало. Я молчал.

А заяц обжигал меня словом, допекал:

«А ты, — говорит, — думаешь, что мне не жалко тех машин, которые из-за меня терпят аварию?! Разве не жаль добра народного?! Но что мне делать?! Должен же я защищаться! Ах, если бы я мог тем людям хоть немножко вставить своих заячьих мозгов! И тем, кто так поступает, и тем, кто за этим обязан следить...»

…….

Как же я краснел от тех справедливых заячьих слов!

За людей краснел!

УТЯТА ПЛАЧУТ
Открытое письмо Прокурору УССР

Глубокоуважаемые товарищи!

Позвольте обратиться к вам с этим моим письмом.

Пишет вам дикая утка — Селезень-Крыжень, осиротевший отец одиннадцати яиц.

Выслушайте меня, прошу я вас.

Однажды вечером — это было в феврале или в марте — прослышали мы по радио, что на Советской Украине запрещена весенняя охота.

Как же мы обрадовались!

Мы летали со своей старушкой над нильскими берегами и весело улыбались.

— Вот где умные люди! Они знают, что никакой пользы от весенней охоты нет: один только вред, ибо птица как раз прилетает, размножается, чтобы осенью дать народному хозяйству большие доходы, а спортсменам-охотникам и полезный отдых.

Поглядели мы с женой на карту, да и говорим друг другу:

— Давай поселимся мы неподалеку от Киева. Там есть озера, есть болота и могучий Днепр. Да около столицы и люди лучше законы знают и почитают, так что не может случиться такого, чтобы кто-нибудь нас там обидел: бабахнул в нас тайком или разрушил наше гнездышко.

Так и порешили.

Выбрали мы себе такое болото, что называется «Ковпыто», в Броварском районе на Киевщине.

Полетели, прилетели, выбрали местечко, свили гнездышко.

Старушка моя нанесла яичек, укрыла гнездышко пухом и села на яички высиживать утят.

И вот в апреле этого года пролетаю я над болотом, гляжу — идут двое с ружьями. И направляются к той купине, где на гнезде сидит моя супруга.

Я стремглав упал в рогозу, рогозой пробрался к гнезду — и к старой:

— Идут! С ружьями идут! Гляди же, не пошевелись! Нагни головку, они не заметят! А она:

— Ой, боюсь!.

— Молчи, — говорю, — и ни гугу.

Ну, она же, знаете, женщина, дама нервная, не выдержала, взлетела.

«Бах» — и упала Смотрю я на свое гнездо, смотрю на остывшие одиннадцать яичек, смотрю и плачу.

Плачу и слезами своими пишу вам это письмо.

Кто были эти люди, я знаю, но вы, глубокоуважаемые товарищи, можете узнать об этом подробнее в областном отделе Союза охотников и рыбаков. Они лучше меня вам расскажут, что и к чему.

Заканчивал я уже вам это письмо, как вдруг подлетает ко мне утка... не моя, ведь моя уже никогда не будет летать. Подлетает и тоже плачет:

— Убил — плачет, — моего любимого селезня зверь-человек на лугу около озера

Осокорки. Он там еще и рыбу, преступник, глушил толом.

О чем я вас прошу: пускай те двое, что убили мою утку, пускай они по очереди приходят, садятся на мое гнездо и высиживают мне утят, а то я сам не справлюсь. Пропадут ведь одиннадцать утят.

Может, это научит их уважать законы.

С глубоким почтением к вам

Дикий Селезень-Крыжень, неграмотный, а за
него расписался Остап Вишня.

ОЛЕКСА ИВАНОВИЧ

Олексе Ивановичу стукнуло уже семьдесят шесть лет, когда я с ним познакомился. Он с незапамятных времен охотник. Охотился и по перу и на зверя. По перу — это значит на птицу: на утку, бекаса, дупеля, горлинку, перепела, куликов... На зверя — это значит на зайца, на лисицу, на волка.

Когда-то он охотился и на диких гусей и лебедей,
разумеется, ранней весной и поздней осенью, когда
гуси и лебеди, перелетая с юга на север и с севера
на юг, останавливались на наших реках и на озерах.

Теперь Олекса Иванович уже на диких гусей и лебедей не охотится.

— Лета не те! — говорит Олекса Иванович. — А когда-то...

Жил Олекса Иванович на селе. У села было огромное озеро, даже не одно, а два озера; между теми озерами было вроде широкого перешейка, и были между теми озерами хорошие перелеты дикой утки.

И как-то так оно выходило, что утром утки «тянули» с большого озера на меньшее, а вечером — с малого на большое.

На перешейке копались ямки, ямки те маскировались бурьяном, камышом, рогозой...

Охотники садились в те ямки и ждали, когда утки пролетят над ямками.

Перешеек был не маленький, ямок таких можно было выкопать на расстоянии одна от другой на сто приблизительно метров штук пять-семь...

Охота на тех озерах очень была по душе истинным охотникам-спортсменам: они стреляли только влет, — не так как те, что сидели за камышом около плеса, ожидая, когда сплывутся вместе сто или тысяча, и тогда по сидячим — «ба-бах!».

Таких охотников в тех местах не любили и называли шкурниками, или массовыми убийцами.

— Ты влет стреляй! А сидячую и палкой можно подстрелить!

Олекса Иванович был простой человек с благородным сердцем охотника-спортсмена и никогда по сидячим не стрелял.

Даже когда он, бывало, подкрадывался к озеру на выстрел к сидячим уткам, поднимался, говорил: «А-киша!» — и стрелял только летящих.

У Олексы Ивановича была пара гончих — Докучай и Бандит.

Гончие были хорошо натасканы, гоняли хорошо, особенно Докучай, старый уже, очень строгий пес: никогда не оставит зверя и никогда не потеряет след. Голос у Докучая был низкий, октавистый, как говорят охотники, — башур.

Бандит был моложе, ретивее, но не такой опытный, как Докучай. Голос у него был с раскатом, тонкий, заливистый... Лес, когда гнал зверя Бандит, был полон звона-перезвона...

И такой они, Докучай и Бандит, дуэт давали, что слушать бы и не переслушать...

И вот однажды вечером, когда мы вернулись с охоты по чернотропу, Олекса

Иванович заявил мне:

— Стар я уже, с гончими мне тяжело! Забери у меня Докучая и Бандита. Ты молодой, они тебе еще послужат.

— Как так «забери»? Таких собак и забери?! — удивился я. — Если вы на самом деле решили не охотиться с гончими, купить собак я могу, а взять так... Что вы, Олекса Иванович?!

Олекса Иванович махнул сердито рукой:

— Сроду собаками не торговал! Никогда!.. Забери! Мне с ними тяжело, а в плохие руки отдавать не хочу!

Я забрал Докучая и Бандита.

Когда я выезжал со двора Олексы Ивановича, он куда-то ушел.

Семеновна, жена Олексы Ивановича, прощаясь с собаками, каждую из них, и Докучая и Бандита, обняла и поцеловала.

— Не обижайте их, — обратилась он ко мне. — Хорошие они псы... Докучая на первых порах остерегайтесь: он с характером. Пока привыкнет!

— А где же Олекса Иванович? — спрашиваю я.

— В садок пошел. Чтобы не видели, что он плачет...

Не из-за собак пустил слезу старенький Олекса Иванович — он хорошо знал, что собаки будут в хороших руках, — молодых лет жалко было старенькому.

Недаром в последнее время, когда, бывало, охотясь, ночевали на лугу, Олекса Иванович, лежа под копной или под стогом сена и глядя на небо голубое, на золотые звезды, старческим голосом заводил:

Запрягайте...
Та й поідем доганяти
Літа молодіі...

Остался Олекса Иванович без гончих.

— Буду охотиться с Пиркой... На дупеля, на перепела... А если подстрелю где-нибудь утку, она и утку мне принесет.

Пирка (Пират)—пожилой уже, не очень чистой крови ирландский сеттер. Искать умел и перепела, и дупеля, и бекаса, держал хорошо стойку и понимал Олексу Ивановича не только по словам, но и по движению. Махнет рукою Олекса Иванович: «Ложись, мол!» — ложится... Махнет: «Вперед!» — идет вперед. Послушный был пес Пирка и спокойный.

Однако о том, чтобы совсем бросить охоту, у Олексы Ивановича и в мыслях не было.

— Хоть на горлинку, хоть на воробья... До тех пор, пока ногами вперед из хаты не выеду, ружья не брошу! — твердо заявил Олекса Иванович, когда Семеновна как-то намекнула: «Да куда уже тебе с тем ружьем? Оставил бы уже!»

Крепко тогда разгневался Олекса Иванович на Семеновну.

* * *

Олекса Иванович — охотник, можно сказать, с детства.

Охотился его дед, охотился и его отец. Деда своего Олекса Иванович уже не застал, а у отца было очень много возни: как бы упрятать от маленького Олексы порох и пистоны.

Пряталось и ружье, хоть отец держал его всегда незаряженным: у отца была не централка, а шомполка. Хоть ружье было и не заряжено, отец всегда снимал пистон, когда шомполка была дома: отец хорошо знал, что самое опаснейшее дома ружье — всегда незаряженное и без пистона.

Случалось и с дедом, случалось и с отцом, что ружье всегда стреляло в хате или незаряженное, или без пистона.

А вы думаете, что с Олексой Ивановичем такого не было, когда ему минуло

тринадцать лет?

Тогда отец не очень-то уж прятал от Олексы ружье. Висело оно на стене, на гвоздочке. Олекса взял да и щелкнул курком. Хоть пистона и не было, а оно — «бабббах!». Хорошо, что он держал ружье стволом вниз. От выстрела в полу только вот такую ямочку выбило...

Отца и матери дома не было.

А когда вернулись отец с матерью, мать ахнула, а отец строго спросил:

— Щелкал?

— Щелкал, батя!

— А я что говорил?

— Чтоб я не трогал ружья!

— Спускай штаны!

От правды не уйдешь. «Стрелял» отец поясском Олексу, приговаривая: «Не щелкай! Не щелкай!», до тех пор, пока мать не вырвала поясок и не сказала: «Да хватит уже тебе!»

После того Олекса больше не щелкал до той поры, пока отец сам как-то в воскресенье не сказал:

— Ну, идем в сад, учись уже стрелять! Осенью со мною на уток пойдешь... Пора...

Радость была — и не говорите!

А вы думаете, Олекса Иванович не стрелял раньше, до того, как уже сам отец решил учить его стрелять, готовить из него охотника?

Стрелял. Да еще как стрелял!

Начиналось, как и у всех будущих охотников, с бузинового пугача.

Нет, не так: перед бузиновым пугачом была еще брызгалка из болиголова.

Она, брызгалка, хоть и не огнестрельное оружие, больше гидропульт, но все же она приучала к глазомеру.

Наберет, бывало, в брызгалку маленький Олекса из лужи у колодца чего-то такого жиденького, что его никак водою нельзя назвать, и подкрадется к коту, чтобы в него попасть. Кот очень хитрющий, сразу на яблоню, с яблони на крышу, с крыши на чердак — и нету кота. В кота трудно было попасть.

А вот в наседку легче. Наседка сидела под припечком в хате, очень прочно сидела, не удирала. Ну и клятущая наседка была! Только что подойдешь зачем-то к припечку, сразу: «Рль-рль-рль-рль!» Как «зарельчит» и в икру клювом только — стук! Клювом — стук! Вольно клевала клятая наседка!.. Вот ее из брызгалки как обольешь! Ох, и шуму тогда в хате: наседка квохчет, по хате прыгает, яйца под квочкой мокрые, из гнезда грязная жидкость льется... Весело!

А если заскочит на тот гам в хату мать, тогда уже грустно. Брызгалка разлетается, ударившись об Олексину нижнюю спину, к той спине присоединяется еще такой удар матери, что Олексиной головой открываются двери, и Олекса, не задерживаясь в сенях, летит до самой повети. От повети с криком: «Я больше не буду!», через перелаз на огород и в картофель.

В картофеле уже отдышка.

А в хате звучит:

— Я тебе, разбойник, дам брызгалку! Самого, ирода, под припечек на яйца посажу! Чтоб знал, как наседку из брызгалки обливать!

Дрожит Олекса в картофеле, лежа в борозде. Дрожит и думает всхлипывая: «Не усижу я под припечком на яйцах, ей-бо, не усижу! Удеру!»

Долго мать ругается, пока под квочкой сено не переменит, яйца не вытрет.

А когда успокоится — это уже только вечером, — тогда кричит:

— Где же ты, брызгальщик? Вылезай! Иди молока выпей!

— А бить не будете, мама?

— Ну, иди уже, иди! Да не трогай ты мне наседку!

— Не буду, мама, накажи бог, не буду!

Помирились...

А уже после брызгалки — бузиновый пугач.

Бузиновый пугач — оружие весьма популярное и очень распространенное среди будущих охотников.

Жертвами этого оружия большей частью бывают мухи, маленькие лягушки, маленькие цыплята и т. д.

Муху можно убить из пугача насмерть, лягушонка и цыпленка перепугать.

«Пук!» — цыпленок только прыг!—и озирается на все стороны: что с ним случилось, что он так подпрыгнул.

Наседка тоже встревожена, наклоняет набок голову и внимательно всматривается в небо одним глазом, не коршун ли случайно...

Пугач — оружие не очень агрессивное, но и оно иногда причиняло маленькому Олексе много неприятностей.

Как-то к маме заглянула тетя Оришка, мамина кума, с маленькой Марьянкой на руках. Марьянке было всего три месяца. Положили Марьянку на полати, на подушку, и болтают себе мама с тетей Оришкой.

Олекса подошел к Марьянке с пугачом в руках, хорошенько нацелился и в лоб Марьянке «пук!».

Было реву Марьянки, было крику маминого и тетиного, был горячий шлепок Олексе по нижней спине, но больнее всего было то, что полетел пугач в печь.

— Ох, и пугач же был! Такого пугача, как у меня, во всем краю не было! — вспоминал Олекса. — Как послюнишь паклю и сделаешь из той пакли пульку — тугую-тугую! — да как выстрелишь, так пулька та

выше дерева летит! Вот какой был пугач! И сгорел!

Да чего только не перетерпишь, бывало, ради той охоты?

Отец собирался уже от шомполки переходить на централку и купил пять штук медных патронов двенадцатого калибра.

Об этом Олекса рассказал Одаркиному Ильку. А Илько сразу:

— А ты укради один патрон — пистолет сделаем!

Долго они выстругивали ложу для пистолета, долго прикручивали проволокой патрон к ложу... Наконец прикрутили.

Немало пришлось повозиться у отцовского ящика, где он прятал порох, дробь, пистоны и прочие охотничьи принадлежности.

Наконец порох есть! И спички есть!

Набили патрон порохом и пошли к самому берегу.

Олекса держал пистолет, а Илько поджигал спичкой.

Вот бахнуло! Ну и бахнуло! Даже волны по берегу пошли!

Отца не было дома, а мать, когда Олекса пришел домой, спросила:

— Кто это на берегу бахал?

— Это паныч воробьев стрелял! — ответил Олекса.

— Нечего им, этим панычам, делать, так они воробьев пугают! А уже и не маленький! — бросила мать.

Стрелял Олекса из пистолета, хоть и не часто, однако стрелял: пороху трудно было достать.

Однажды они с Ильком надумали, что не очень их пистолет бабахает, надо, чтобы эхо было более сильным.

Понемногу насобирали пороху. Набили хорошо патрон, чуть ли не полпатрона пороху насыпали.

Пошли подальше от хаты, под самый лесок, у лозы.

Протянул Олекса руку с пистолетом, сам отвернулся:

— Поджигай, — говорит Ильку, — а сам падай!

Илько чиркнул спичку, ткнул сзади патрон и сам сразу упал.

Эх, и ббабахнуло же! Эх же и рвануло!

Разлетелся патрон на кусочки, и одним кусочком так и сняло ноготь на большом пальце у Олексы...

Не будем рассказывать, что было. Скажем только, что было больно, было грустно, было и стыдно. Пришлось к Александру Петровичу, к фельдшеру, идти — мать повела.

Стыдил он, стыдил Олексу:

— А еще охотника сын! Да еще хорошего охотника! Ну, куда это годится?!

Вот какое было, пока Олекса Иванович не стал настоящим охотником.

* * *

Как-то одним чудесным августовским днем захотелось мне проведать старенького Олексу Ивановича, давно уже я его не видел.

Поехал. Захватил на всякий случай ружье — может, думаю, где-нибудь постою на перелете.

От небольшой степной железнодорожной станции я межой прошел к Олексе Ивановичу пять километров пешком.

Копны кругом, копны и еще копны. Кое-где уже скирды стоят, колхозные скирды. Пришел я к Олексе Ивановичу. Встречает меня Семеновна.

— Здравствуйте! А где Олекса Иванович? — спрашиваю.

— Поплелся с ружьем и с Пиркой на перепелов! Ничего я с ним поделать не могу. Хворал он последнюю неделю, кашлял и лихорадка была. Фельдшера звала, банки ставил. А чуть полегчало сегодня, встал, позавтракал — и за ружье. «Пойду, — говорит, — на просяще, может, перепелочку подстрелю! А болячку мою солнцем выпечет и ветерком выдует. А на печи куда та болезнь денется? Так во мне и будет сидеть!» И пошел.

— А где просище у вас?

— Недалеко за селом, по-над шляхом на Мандриковку. Проса еще не косили, а пшеницу комбайном выкосили, и там, говорят, видимо-невидимо перепелов.

— Ну, пойду, — говорю, — поищу Ивановича. Да, может, и сам перепелами побалуюсь.

Увидел я Олексу Ивановича еще издалека. «Дай, — думаю, — погляжу, как старик на перепелов охотится».

Подошел, стал за копной, наблюдаю. Старик меня не видит.

И смешная и трогательная картина предстала моим глазам.

Сидит Олекса Иванович на снопе (над просищем снопы еще не были сложены в копны), а неподалеку от него бегает и, правду говоря, не бегает, а ходит Пирка. Ходит челноком, как и полагается настоящему охотничьему псу. Шел-шел Пирка, вдруг остановился. Стал, повернул голову к Олексе Ивановичу и смотрит. Олекса Иванович, вижу, поднял руку. Пирка лег. Олекса Иванович встает потихоньку и, не торопясь, идет к Пирке. Подошел, взял ружье на изготовку, сделал три шага — перепел сорвался. Олекса Иванович выстрелил — перепел упал. Олекса Иванович сел на сноп. Пирка поднялся, пошел — не побежал — пошел! — обнаружил убитого перепела, принес и положил перед Олексой Ивановичем. Постоял немного, пока Олекса Иванович махнул рукой: «Вперед!» Пирка снова пошел челноком... Стал. Потом лег. Снова подымается Олекса Иванович... Так и охотятся. Пока найдет перепела Пирка, отдыхает

Олекса Иванович. Пока дойдет к перепелу Олекса Иванович, отдыхает Пирка.

Долго я стоял, любовался двумя старенькими друзьями.

Когда Олекса Иванович «мазал», Пирка поднимал голову и долго на него смотрел.

Олекса Иванович, закладывая в централку патроны, говорил:

— Ну, не сердись, Пирка! Бывает!

Подошел я к Олексе Ивановичу, поздоровался.

— Как здоровье?

— Прыгаем! Вдвоем с Пиркой прыгаем. Видите, уже полдесятка с Пиркой ухлопали! — показывая на сумку, улыбнулся Олекса Иванович.

……..

Всю жизнь с ружьем! До последнего дыхания!

Благородная страсть благородного человека!

А МЫ ГЛУШИМ...

Если бы, к примеру, кто-нибудь встретил компанию веселых-превеселых ребят с рюкзаками за спинами, с термосами, с ягдташами и прочими охотничьими принадлежностями и чтоб эта компания, распевая «Где ты, хмель, хмель, ночевал?», полным аллюром летела на самоходной пушке ну хотя бы в направлении на Белую Церковь и вот, оставив такую компанию, кто-нибудь, к примеру, спросил бы:

— Здорово, ребята! Куда это вы так торопитесь? На какой прорыв?

— А это мы на зайцев! Передавали, что около Белой Церкви заяц шоссе перепрыгнул.

— Да что вы...

— Черта лысого убежит! Мы его с самоходки трахнем!

— Тю!

— Вот вам и «тю»! Тюкайте лучше на зайцев, чтобы на Белую Церковь бежали. Мы их там прямой наводкой...

Очень удивился бы тот «кто-нибудь», и встали бы у него волосы дыбом...

Не меньше удивилось бы человечество, если бы увидело такую картину: около просяного поля стоит, замаскировавшись, танк, ну, возможно, не самых крупных размеров, хотя бы и танкетка, а в просе стоит «на стойке» прекрасный сеттер-лаверак... и вот командир танка командует:

— Пиль!

Сеттер, как ему в таких случаях и положено, прыгает опрометью вперед. Из-под него — ф-р-р-р! — перепелка.

Командир:

— По перепелке огонь!

«Тарарах-бах!»

И перепелка камнем падает в просо.

После этого подается команда:

— Джек! Апорт!

И прекрасный сеттер-лаверак красиво и гордо подает командиру танка перепелку. Потом танк мчится к другому просищу, где Джек челноком снова проверяет территорию... Снова стойка. Снова и т. д. Одним словом, называлась бы эта картина: «Охота с танком на перепелок»...

Картина невозможная. Даже в воображении... Немыслимо, понятное дело, допустить, чтоб эскадрилья «яков» гонялась над болотом за чирками и поливала тех чирков пулеметными очередями...

Ну, ясно, что это авторская фантазия. Дикая фантазия. Никогда, нигде ничего подобного не было и не будет...

А вот представьте себе такую картину...

Пруд... Или Днепр... Или Ворскла, Псел, Десна...

Сидите вы тихо под лозой, в руках у вас удочка, на одном конце на той удочке червяк, на другом — вы, рыбак...

Сидите вы, глядите на поплавок, глядите и думаете...

Вы себе думаете, рыбка себе не клюет. И рыбка вами довольна, и вы рыбкой довольны...

Хорошо и приятно...

И вдруг:

«Б-б-ба-бах!»

Перед вашими глазами вздымается вверх водяной смерч, вы падаете с перепугу навзничь, крючок цепляется за вашу собственную губу, вы никак не можете вспомнить, где бомбоубежище, срываетесь в кусты и тяжело дышите.

Очнувшись, видите... Среди пруда (или Днепра, или Псла, или Ворсклы, или Десны) стоит лодка, на лодке милостиво вам улыбаются:

— Что, папаша, душа где? За каблуками?

— Да уже, — говорю, — и каблуки минула!

— Не бойся! Это мы рыбку глушим. Видишь, сколько за один раз? Пол-лодки! Да вон еще сколько поплыло! Собирай! Удочкой-то ее, папаша, и до второго пришествия не надергать.

Правильно говорят «детки» — не надергать!

Это еще небольшими гранатами или бутылками с толом глушат! А если начнут тысячетонными глубинными бомбами жарить, тогда и до нового пришествия не надергать...

И вообще придется ли когда-либо дергать?

Нужно, обязательно нужно кого-то дернуть!

ЭПИЛОГ

Не люблю эпилогов!

Лучше я, будучи человеком абсолютно не эгоистичным, воскликну:

— Да здравствует трудовое человечество! Да здравствует молодая радость и радостная молодость! Не забудьте только, товарищи, вот чего;

1) Берегите птичьи гнезда!

2) Уничтожайте бродячих собак!

3) Говорите всем вместо «здравствуйте!» — «боже тебя сохрани, уничтожить гнездо дикой утки!». Если вашего знакомого удивит ваше приветствие, объясните ему, ироду, что из утиных яиц высиживаются прекрасные пушисто-желтенькие утята, что те утята вырастут и станут взрослыми крыжнями или чирятами, что те крыжни или чирята будут совершать утренние и вечерние перелеты, что те перелеты—такая красота, такая роскошь, какой он, ирод, никогда нигде не видел и не увидит. А если ему, дьяволу, обязательно хочется нечто такое выдрать, пускай выдерет у себя левую ноздрю. Тогда все будут знать, что он не любит природы и что вообще он «сероводород».

4) Любите собак кровных и берегите их!

И благо вам будет и долголетними будете на земле...

До свидания!

Дорогие читатели!
Присылайте ваши отзывы о содержании
и оформлении книги, а также пожелания
издательству.
Пишите по адресу: Москва, Л-55,
Сущевская ул., 21,
издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия», массовый отдел.

Вишня Остап
НИ ПУХА ВАМ, НИ ПЕРА!
Редактор Б. Окуджава
Художник Г. Балашов
Худож. редактор Н. Коробейников
Техн. редактор И. Шувалов
*
Д09725 Подп. к печ. 26/XI 1958 г.
Бумага 84x1081/32==3,5 бум. л.= 11,48 печ. л. 9,9 уч.-изд. л.
Тираж 90 000 экз. Цена 4 р. 50 к.
Заказ 1810.
*
Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сущевская, 21.